

**СОВЕТСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ.
СОПРОТИВЛЕНИЕ.
КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ.
ПАМЯТЬ**

*Материалы Международной научной конференции
21 - 24 октября 2018 г.*

Новосибирск, 2018 г

Министерство образования и науки Российской Федерации
Министерство образования Новосибирской области
Новосибирский государственный педагогический университет
Фонд «История Отечества»
Российское историческое общество
Германский исторический институт в Москве
Народный союз Германии по уходу за военными захоронениями
Фонд «Память, ответственность и будущее»
Фонд мемориальных комплексов Бухенвальд
и Миттельбау-Дора
Международная ассоциация исследователей истории
и культуры российских немцев

**СОВЕТСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ.
СОПРОТИВЛЕНИЕ. КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ. ПАМЯТЬ**

Материалы Международной научной конференции
21–24 октября 2018 г., Новосибирск, Россия

Новосибирск 2018

УДК 94(47+57)"20"(063)+355/359(063)
ББК 63.3(2)622, 7я43
С561

Рецензенты:

Доктор исторических наук,
главный научный сотрудник ИИ СО РАН
Исаев В. И.

Кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник ИИ СО РАН
Савин А. И.

С561 Советские военнопленные. Сопротивление. Коллаборационизм. Память: Материалы Международной научной конференции (21–24 октября 2018 г., Новосибирск) / Под общей редакцией Н. М. Маркдорф, Х. Винкель, А. Хильгера, Д. Стратиевского. Перевод: А. И. Савина, Н. В. Гоппе. – Новосибирск: ООО «Немо Пресс», 2018. – 233 с.

ISBN 978-5-903978-98-4

УДК 94(47+57)"20"(063)+355/359(063)
ББК 63.3(2)622, 7я43

В сборнике представлены материалы научной конференции «Советские военнопленные. Сопротивление. Коллаборационизм. Память», которая состоялась в г. Новосибирске 21–24 октября 2018 г. Издание осуществлено при финансовой поддержке Фонда «История Отечества».

ISBN 978-5-903978-98-4

© Новосибирский государственный педагогический университет, 2018
© Volksbund Deutsche Kriegsgräberfürsorge, 2018
© Германский исторический институт в Москве, 2018

Ministerium für Bildung und Wissenschaft
der Russischen Föderation
Bildungsministerium des Oblast Nowosibirsk
Staatliche Pädagogische Universität Nowosibirsk
Russische Historische Gesellschaft und Stiftung
„Geschichte des Vaterlandes“
Deutsches Historisches Institut Moskau
Volksbund Deutsche Kriegsgräberfürsorge
Stiftung „Erinnerung, Verantwortung und Zukunft“
Stiftung Gedenkstätten Buchenwald und Mittelbau-Dora
Internationale Assoziation zur Erforschung der Geschichte
und Kultur der Russlanddeutschen

**SOWJETISCHE KRIEGSGEFANGENE. WIDERSTAND.
KOLLABORATION. ERINNERUNG**

Materialien der internationalen wissenschaftlichen Konferenz

21.–24. Oktober 2018, Nowosibirsk, Russland

Nowosibirsk 2018

УДК 94(47+57)"20"(063)+355/359(063)
ББК 63.3(2)622, 7я43
С561

Rezensenten:

Prof. Dr. I. W. Isaew

Dr. A. I. Sawin

С561 Materialien der internationalen wissenschaftlichen Konferenz Sowjetische Kriegsgefangene. Widerstand Kollaboration. Erinnerung", Nowosibirsk, 21.–24. Oktober 2018 / Herausgegeben von N. M. Markdorf, H. Winkel, A. Hilger und D. Stratiewski. Übersetzung: A. I. Savin, N. V. Goppe. – Nowosibirsk: ООО "Nemo Press", 2018 – 233 S.

ISBN 978-5-903978-98-4

УДК 94(47+57)"20"(063)+355/359(063)
ББК 63.3(2)622, 7я43

Die Sammlung enthält Materialien der wissenschaftlichen Konferenz "Sowjetische Kriegsgefangene. Widerstand Kollaboration. Erinnerung" Nowosibirsk, 21. – 24. Oktober 2018.

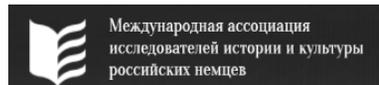
Die Publikation wurde mit finanzieller Unterstützung der Stiftung "Geschichte des Vaterlandes" realisiert.

ISBN 978-5-903978-98-4

©Staatliche Pädagogische
Universität Nowosibirsk, 2018
©Volksbund Deutsche
Kriegsgräberfürsorge, 2018
©Deutsches Historisches
Institut Moskau, 2018

Конференция проводится при поддержке

Die Konferenz wird ermöglicht und unterstützt durch

ПРЕДИСЛОВИЕ

История XX века оставила свой след в памяти миллионов людей, в различной мере втянутых в мировые войны, кардинально изменившие весь мир. Войны сопровождались уничтожением материальных и духовных ценностей, гибелью огромной массы людей.

Трагичным порождением войны был плен – неперенный спутник любых вооруженных конфликтов. Лишь во Второй мировой войне через жернова лагерей для военнопленных прошло свыше 35 млн военнослужащих и гражданских лиц. Массовая гибель советских военнопленных в нацистских лагерях в период Великой Отечественной войны в современной российской и европейской историографии оценивается как геноцид советского народа, поскольку политика фашистской Германии была направлена на уничтожение людей на оккупированных территориях. Судьба советских военнопленных в Германии стала трагедией величайшего масштаба, затронувшей не только их самих, но и членов их семей.

Несмотря на голод, расстрелы, жесточайший террор в нацистских лагерях были люди, которые пройдя через все круги фашистского ада, сумели не просто выжить, выстоять, сохранить свое человеческое достоинство, но и организовать деятельное сопротивление. Они вели подпольную подрывную работу на предприятиях, совершали побег, поддерживали в своих товарищах стойкость духа, целеустремленность в достижении свободы и желание бороться. Сопротивление в нацистском плену, как важный фактор антифашистского движения, активно изучается европейскими и российскими учеными. Однако эта героическая и полная трагизма страница в истории Второй мировой войны исследована не в полной мере. Поэтому важным результатом данной конференции станет межнациональный диалог российских и европейских ученых, работников архивов и музеев-мемориалов в изучении лагерного подполья, саботажа и иных форм сопротивления. Большой опыт поисковой деятельности накопили архивные службы России и Германии, Мемориалы в Целле, в Бухенвальде. Представленные доклады на основе но-

вых исторических источников позволят дать новый импульс для дальнейших научных исследований.

В российской и европейской историографии значительное место отводится обсуждению проблем вынужденного или добровольного сотрудничества с врагом. По оценкам историков после войны понятие «репатриация» приобрело своеобразный смысл, означающий насильственное, принудительное возвращение своих граждан и неграждан в СССР. В исследованиях коллаборационизм представлен как сложное явление, имевшее глубинные исторические, идеологические, социально-экономические, психологические причины во многом обусловленные событиями Гражданской войны, столетие с начала которой отмечается в России в 2018 г. Последующие расказачивание, насильственная коллективизация, сталинские репрессии вызвали недовольство части населения. В годы Великой Отечественной войны на оккупированных территориях СССР фашистская Германия активно использовала лозунги освобождения народов от большевизма, проводила политику демонизации советского государства при сокрытии фактов нацистского террора. В тоже время, на сотрудничество с врагом соглашались люди, измученные голодом и невыносимыми условиями содержания. Многие из коллаборационистов при первом удобном случае бежали и пополняли ряды Французского сопротивления, Гарибальдийских бригад, иных партизанских отрядов и соединений.

В исторической науке продолжается острая дискуссия по таким сложным и не имеющим однозначного решения вопросам, как судьба вернувшихся в СССР советских военнопленных, масштабность их фильтрации и уголовное преследование.

Учитывая нерешенность научных и социально-значимых проблем для современного российского и европейского общества, назрела необходимость сравнения различных концепций, подходов и точек зрения российских и зарубежных исследователей по следующим вопросам, обусловившим основные направления конференции:

- сопротивление и коллаборационизм: европейская и российская историография: точки соприкосновения и различия в подходах;

- документально-архивные и мемуарные свидетельства о советских военнопленных;
- история групп сопротивления в нацистском плену;
- обращение с советскими военнопленными, условия содержания, режим, труд в концентрационных лагерях;
- репатриация в СССР, проблемы фильтрации, уголовное преследование, «клеймо предателя»;
- «власовцы» в лагерях и на спецпоселении в СССР.

Научное изучение феномена военного плена продиктовано формированием в обществе толерантного отношения к истории своего народа, важностью дальнейшего развития, укрепления международного сотрудничества и гармонизации отношений европейских стран во имя сохранения мира и созидания будущего без войн и насилия.

Анализ феномена военного плена проявляется не только в научной плоскости. Актуальность и значение данной проблематики выражается в осуществлении российско-германского проекта «Советские и немецкие военнопленные и интернированные Второй мировой войны», начало которому было положено заявлением глав МИД России и Германии Сергея Викторовича Лаврова и Франка-Вальтера Штайнмайера от 22 июня 2016 г.

В конференции приняли участие ученые, преподаватели университетов, общественные организации, музейные и архивные работники, докторанты, аспиранты, магистранты и студенты.

VORWORT

Zwei Weltkriege haben die Geschichte des 20. Jahrhunderts geprägt und die Welt radikal verändert. Sie haben tiefe Spuren in der Erinnerung von Millionen von Menschen hinterlassen, die in diese Kriege verwickelt waren. Sie brachten die Zerstörung materieller und geistiger Werte und massenhaftes Sterben.

Eine tragische Kriegsfolge war die Gefangenschaft – ein unverzichtbarer Begleiter aller bewaffneten Konflikte. Alleine im Zweiten Weltkrieg gerieten über 35 Millionen Kriegsangehörige und Zivilisten in die Mühlen des Lagersystems.

Der Massenmord an sowjetischen Kriegsgefangenen in den NS-Lagern während des Zweiten Weltkrieges wird in der modernen russischen und europäischen Geschichtsschreibung als Genozid am sowjetischen Volk betrachtet, weil die Politik Nazideutschlands auf die Vernichtung von Menschen in den besetzten Gebieten ausgerichtet war. Das Schicksal sowjetischer Kriegsgefangener in Deutschland war eine riesige Tragödie nicht nur für sie selbst, sondern auch für ihre Familienangehörigen.

Trotz der Hungersnot, der Hinrichtungen, dem grausamen Terror in den nationalsozialistischen Lagern gab es Menschen, die es nicht nur vermochten, beim Gang durch alle Kreise der nationalsozialistischen Hölle ihre Menschenwürde zu bewahren, sondern denen es sogar gelang, einen aktiven Widerstand zu organisieren. Sie leisteten subversive Untergrundarbeit gegen Fabriken, brachen aus Gefangenenlagern aus, bestärkten ihre Kameraden in ihrer Standhaftigkeit, ihrem Freiheits- und Kampfeswillen.

Widerstand in der nationalsozialistischen Gefangenschaft wird in der europäischen und russischen Wissenschaft allgemein als wichtiger Faktor der antifaschistischen Bewegung betrachtet und intensiv untersucht. Allerdings ist dieser Aspekt der Geschichte des Zweiten Weltkriegs mit all seinen heroischen und tragischen Facetten noch nicht vollständig erforscht.

Deshalb initiiert die Konferenz einen internationalen Dialog zwischen russischen und europäischen Wissenschaftlern sowie Mitarbeitern von Archiven und Gedenkstätten zur Erforschung der Untergrundaktivitäten im Lager wie etwa Sabotage und anderer Formen des Widerstands. Ihre Berichte auf Grundlage neuer historischer Quellen werden der wissenschaftlichen Forschung neue Impulse geben.

Die Diskussion von Problemen der erzwungenen oder freiwilligen Kollaboration mit dem Feind nimmt in der russischen und europäischen Geschichtsschreibung einen wichtigen Platz ein. Von zentraler Bedeutung ist in diesem Zusammenhang das Konzept der "Repatriierung", das nach dem Krieg eine eigentümliche Bedeutung erlangte und die gewaltsame, erzwungene Rückkehr von Bürgern und Nichtbürger in die UdSSR bezeichnet.

In der wissenschaftlichen Forschung wird Kollaboration als komplexes Phänomen untersucht. Seine vielschichtigen historischen, ideologischen, sozioökonomischen und psychologischen Ursachen wer-

den vor allem auf den Bürgerkrieg zurückgeführt, an dessen Ausbruch vor 100 Jahren in Russland in 2018 erinnert wird. Die nachfolgende Entkulakisierung und Entkosakisierung, die Zwangskollektivierung und die stalinistischen Repressionen verursachten Unzufriedenheit in einem Teil der Bevölkerung. Dies machten sich die Nationalsozialisten zunutze, indem sie während des "Großen Vaterländischen Krieges zwischen NS-Deutschland und der Sowjetunion 1941–1945 in den besetzten Gebieten der UdSSR die Befreiung der Völker vom Bolschewismus propagierten und eine Politik der Dämonisierung des Sowjetstaates unter gleichzeitiger Verheimlichung des Nazi- Terrors betrieben.

Gleichzeitig willigten viele Menschen, erschöpft vom Hunger und den unerträglichen Haftbedingungen, in die Zusammenarbeit mit dem Feind ein. Viele der Kollaborateure flohen bei erster Gelegenheit und füllten die Reihen des französischen Widerstands, beispielsweise die Garibaldi Brigaden, sowie andere Partisanenabteilungen und Formationen.

Die geschichtswissenschaftliche Diskussion solcher ambivalenter und komplexer Themen wie das Schicksal der in die UdSSR zurückgekehrten sowjetischen Kriegsgefangenen, das Ausmaß ihrer Filtration und Strafverfolgung, dauert an. Angesichts der wissenschaftlichen und gesellschaftlichen Aktualität dieser offenen Fragen für Russland und Europa ist eine vergleichende, internationale Perspektive auf Forschungskonzepte, Ansätze und Standpunkte von großer Bedeutung. Folgende Themen und Themenschwerpunkte stehen dabei im Mittelpunkt der Konferenz:

- Widerstand und Kollaboration: europäische und russische Geschichtsschreibung: konzeptionelle Gemeinsamkeiten und Unterschiede;
- Archivadokumente und Memoiren als Quellen;
- Geschichte von Widerstandsgruppen in der Nazi-Gefangenschaft;
- Behandlung von sowjetischen Kriegsgefangenen, Haft- und Arbeitsbedingungen in Konzentrationslagern;
- Repatriierung in die UdSSR, Filtration, Strafverfolgung, das "Stigma des Verräters";
- Angehörige der "Wlassow-Armee" in Lagern und Sondersiedlungen in der UdSSR.

Die wissenschaftliche Erforschung von Kriegsgefangenschaft ist unabdingbarer Bestandteil einer unvoreingenommenen Auseinandersetzung mit der eigenen Geschichte. Sie ist darüber hinaus unverzichtbar für die weitere Entwicklung und Stärkung der internationalen Zusammenarbeit und der Wahrung harmonischer Beziehungen der Länder Europas zueinander im Namen des Friedens und einer Zukunft ohne Kriege und Gewalt.

Die Auseinandersetzung mit dem Phänomen Kriegsgefangenschaft hat nicht nur eine rein wissenschaftliche, sondern auch eine humanitäre Dimension. Beider große Bedeutung drückt sich in der Durchführung des deutsch-russischen Projekts "Sowjetische und deutsche Kriegsgefangene und Internierte im Zweiten Weltkrieg" aus, das mit der Erklärung der deutschen und der russischen Außenminister Frank-Walter Steinmeier und Sergej Viktorowitsch Lawrow am 22. Juni 2016 begann.

ФОРМЫ И РАЗЛИЧНЫЕ АСПЕКТЫ КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМА В ПЛЕНУ

FORMEN UND ASPEKTE DER KOLLABORATION IN GEFANGENSCHAFT

Арзамаскин Ю.Н., Москва

ИДЕЙНЫЕ БОРЦЫ ИЛИ ПРЕДАТЕЛИ? «СОВЕТСКИЙ КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ» В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: В статье раскрывается такое сложное социально-политическое явление как сотрудничество советских граждан с врагом в годы Великой Отечественной войны. Автор показывает невероятные масштабы и политическую остроту «советского коллаборационизма», а также его военный характер, проявившийся в участии сотен тысяч наших соотечественников в вооружённой борьбе на стороне германской армии. Сделан вывод о том, что это явление не было случайным. Оно явилось следствием тех противоречий, которые раздирали в те годы советское общество, а также гитлеровской политики геноцида, проводившегося по отношению к советским гражданам.

Ключевые слова: коллаборационизм, военнопленные, добровольческие части, «восточные войска», Русская освободительная армия, полицейские формирования, охранные батальоны, национальные легионы.

Как бы ни пытались нынешние отечественные и западные псевдоисторики рассматривать или переосмысливать события минувшей войны, остается несомненным фактом, что Вторая мировая война стала для народов, населявших Советский Союз, поистине Отечественной войной. Но в то же время ни в одной стране, подвергшейся германскому нападению, не нашлось столь значительного количества людей, кто добровольно или по принуждению в составе русских добровольческих частей и «восточных формирований» германской армии, в том числе и Рус-

ской освободительной армии, сражались на стороне Германии против СССР и её союзников.

Появление многих сотен тысяч «советских коллаборационистов» в годы Второй мировой войны – беспрецедентное явление в богатейшей истории народов России¹. И хотя роль «восточных частей»² в военных операциях была минимальна, однако как вспомогательные формирования эти части полностью оправдывали свое назначение. Активно участвуя в борьбе против партизан, карательных операциях и замещая в тыловых подразделениях немецких солдат, они стали серьезным подспорьем для Вермахта. Одна лишь их численность, составлявшая 10–15 % от общей численности германских вооруженных сил, говорит о той роли, которую играли в военных условиях Третьего Рейха советские граждане.

Большинство зарубежных исследователей рассматривают сотрудничество советских граждан с военными и гражданскими властями Германии как сопротивление сталинскому режиму, а их самих как идейных борцов против большевизма. В России же до недавнего времени советские люди были представлены как предатели-одиночки, ушедшие ради куска хлеба с маслом в услужение к немцам, продавшие и власть, и Родину, и себя.

Кем же они были в действительности – предателями или патриотами? На этот вопрос едва ли можно получить однозначный ответ. На наш взгляд, сотрудничество советских граждан с врагом в годы Великой Отечественной войны представляло собой сложное социально-политическое явление. Здесь, в отличие от западноевропейского коллаборационизма, следует разли-

---

¹Коллаборационисты (от франц. collaboration – сотрудничество) – лица, предавшие интересы своей Родины и вставшие в годы Второй мировой войны на путь сотрудничества с немецко-фашистскими оккупантами. (Военный энциклопедический словарь. М.: Воениздат, 1986. С. 340).

² Термин «восточные войска» применялся немецким командованием в отношении войсковых частей, сформированных из населения оккупированных территорий СССР и советских военнопленных. Помимо национальных легионов и казачьих частей к ним они относили все охранные и антипартизанские части в тыловых районах и добровольцев вспомогательной службы в немецких дивизиях. (Материалы по истории Русского освободительного движения (1941–1945 гг.): сборник статей, документов, воспоминаний. Вып. 1 / Под общ. ред. А. В. Огорокова. М.: Грааль, 1997. С. 53).

чать, с одной стороны, сотрудничество добровольное с германской армией части населения оккупированных территорий и военнопленных из корыстных побуждений, а с другой – сотрудничество вынужденное, связанное, прежде всего, с насильственным привлечением на службу военнопленных, оказавшихся на грани голодной смерти в немецких лагерях¹. Ещё одним отличием является гораздо более ярко выраженный политический аспект коллаборационизма в СССР.

Именно эти особенности и предопределили, по нашему мнению, невероятные масштабы и политическую остроту «советского коллаборационизма», а также его военный характер, проявившийся в участии сотен тысяч наших соотечественников в вооружённой борьбе на стороне германской армии.

История зарождения и развития антибольшевистских сил и «восточных войск» в период войны неотделимы от предвоенного периода истории Советского государства. Советская держава отнюдь не была такой однородной и монолитной, какой изображали её официальная пропаганда и отечественная историография прошлых лет. Гражданская война, репрессивная политика органов новой власти по отношению к классовым врагам, проведение жестокой и зачастую насильственной экономической и социальной политики (расказачивание, раскулачивание, коллективизация и т. п.), неразумная религиозная политика, насильственная советизация присоединённых в 1939–1940 гг. территорий – всё это стало благодатной почвой для формирования в обществе значительной прослойки людей, недовольных и ненавидящих Советскую власть.

Многочисленную категорию советских граждан, сотрудничавшую с врагом, составили жители оккупированных территорий, недовольные Советской властью и проводившейся ею политикой. Население некоторых областей, подвергшихся нападению (особенно западных), приветствовало немецкое наступ-

---

¹ Из 3 млн 350 000 советских военнопленных, захваченных в 1941 г., почти 60 % умерли от голода и холода до 1.02.1942 г., причём свыше 600 00 из них с начала декабря 1941 г. (Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1983. Band 4. S. 1017, 1019).

ление, представляя немцев не завоевателями, а избавителями от ненавистного «большевистского» режима.

Пожалуй, наибольшее недовольство Советской властью испытывало население Западной Украины и Белоруссии, Литвы, Латвии и Эстонии, присоединённых к Советскому Союзу в соответствии с пактом Риббентропа – Молотова. Это и неудивительно. Народы, населявшие эти районы, подверглись в наибольшей степени «перекройке» в области исторических социально-культурных традиций, что не могло не вызвать ответной реакции на происходящее. Состав этой части «советских коллаборационистов», составивших около 10–15 % от общего их числа, стала «ударной» в «Русском освободительном движении» и вписала в его историю наиболее кровавые страницы. Именно такие люди составляли костяк карательных и полицейских отрядов, добровольческих батальонов для борьбы против партизан¹.

Другую категорию советских граждан, ставших на путь сотрудничества с германской армией, составили дезертиры и перебежчики. Отечественная историческая наука по не зависящим от неё причинам, главным образом из-за недоступности многих архивных источников, длительное время умалчивала о фактах массового дезертирства и добровольной сдачи в плен (особенно впервые годы войны) военнслужащих, не желавших сражаться по политическим, идеологическим и религиозным причинам на стороне Советского государства, в рядах Вооружённых Сил². Среди тех, кто переходил на службу в гитлеровский оккупационный аппарат и в армии вермахта, преимущественно были призывники из восточных и южных окраин, из республик и областей, вошедших в состав СССР в 1939–1940 гг.

Наиболее значительный эпизод был связан с переходом на сторону немцев 22 августа 1941 г. в районе Могилева 436-го полка 155-й стрелковой дивизии под командованием майора И. Н. Кононова, чуть позже составившего костяк первого в вермахте казачьего эскадрона³.

---

¹ О कोरोков А. В. Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны: монография. М.: Военный университет, 2000. С. 167.

² Хоффман Й. История власовской армии. Париж, 1990. С. 5–6.

³ Черкасов К.С. Генерал Кононов: Ответ перед историей за одну попытку. Мельбурн, 1963. С. 122.

Но всё-таки основу коллаборационистских формирований составляли советские военнопленные, оказавшиеся в плену. В сводках верховного командования вермахта сообщалось, что в «котлах» под Белостоком, Гродно и Минском было взято в плен 328 000 человек, под Уманью – 103 000, под Витебском, Оршей, Могилёвом и Смоленском – 310 000, в районе Киева – 665 000, под Брянском и Вязьмой – 663 000 человек¹. К концу 1941 г. в плен было захвачено 3 350 тыс. военнослужащих Красной Армии, к середине июля 1942 г. их насчитывалось 4 716 903 человека, в январе 1943 г. – 5 000 697, в феврале 1944 г. – 5 637 482 и на 01.02.1945 г. – 5 734 520 человек².

Однако, говоря о «добровольности» перехода военнопленных на сторону врага, следует иметь в виду, что часто речь шла о выборе между жизнью и смертью в лагере от непосильного труда, голода и болезней. Последним толчком в решении пойти на службу к немцам становилось, как правило, напоминание вербовщиков о приказе Ставки Верховного Главнокомандования № 270 от 16.08.1941 г., в соответствии с которым военнопленные становились «злостными дезертирами» и предателями, а их семьи лишались государственного пособия и помощи³.

Именно эти факторы пытаются отрицать некоторые зарубежные и отечественные исследователи и публицисты, объясняя предательство давших присягу на верность Родине только идейными мотивами, ненавистью военнопленных к Сталину, большевизму и советскому режиму, стремлением пленных активно включиться в борьбу против тирании и сталинского деспотизма⁴. Процент таких «добровольцев» на службе Вермахтасоставлял около 60 % от общего числа «советских коллаборационистов».

Оставшаяся часть – 25–30 % «советских коллаборационистов» состояла из «добровольцев» двух категорий. В первую очередь к ним относились лица, искренне ненавидевшие совет-

---

¹ Типпельскирх К. История второй мировой войны 1939–1945. М.: Издательство иностранной литературы, 1956. С. 178, 183–184, 194–195, 200.

² Streit C. Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941–1945. Bonn, 1991. S. 244.

³ Великая Отечественная война 1941–1945 гг. События. Люди. Документы: Краткий исторический справочник. М.: Воениздат, 1990.

⁴ Хоффман И. История власовской армии. Париж, 1990. С. 341–342.

ский режим и отвергавшие коммунистическую идею по политическим убеждениям. Они усматривали в начавшейся войне единственную возможность покончить с ним навсегда, даже ценой сотрудничества с немцами. Такие люди стали для германского командования ценным подспорьем в осуществлении «нового порядка». Им отводилась особая роль в комплектовании добровольческих вспомогательных формирований и национальных частей германских вооружённых сил, в выполнении специфических задач немецкого командования и оккупационных властей. К этой же части «советских коллаборационистов» относились и люди, мобилизованные в «Русскую освободительную армию» принудительно¹.

Активное участие в стихийном процессе сотрудничества с внешним врагом приняла русская белая военная и казачья эмиграция, представленная именами генерала от кавалерии П. Н. Краснова, генерал-майора В. Г. Науменко, генерал-майора А. В. Туркула, генерал-лейтенанта Н. Н. Головина, генерал-майора А. А. фон Лампе, генерал-лейтенанта Б. А. Штейфона, а также целыми войсковыми организациями типа «Русского общевойскового союза (РОВС)» или «Русского национального союза участников войны (РНСУВ)»².

Как отмечал немецкий историк К. Г. Пфедфер, «немецкие фронтовые войска и служба тыла на Востоке были бы не в состоянии продолжать борьбу в течение долгого времени, если бы значительная часть населения не работала на немцев и не помогала немецким войскам»³.

Представляется важным отметить, что и германские вооружённые силы, несмотря на политические установки гитлеровского руководства, уже с первых дней войны столкнулись с необходимостью использования в своих рядах советских

---

¹ Окорочков А. В. Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны: монография. М.: Военный университет, 2000. С. 168.

² Существовали и исключения. Так, генерал-лейтенант А. И. Деникин и его окружение отказались от любых форм сотрудничества с немцами. (Александров К. М. Из истории насильственных репатриаций (1945–1946 гг.) // Россия и Запад: Сборник статей. СПб., 1996. С. 226).

³ Цит. по: Итоги второй мировой войны. М.: Иностранная литература, 1957. С. 513.

граждан и эмигрантов. Прежде всего это касалось немецкой военной разведки (абвера), формировавшей и направлявшей в распоряжение штабов немецких армий группы из уроженцев советских республик в целях ведения разведки и сбора сведений «о всех мероприятиях, проводимых противником»¹.

Однако значительно более важным было использование немецкой армией так называемых «добровольцев вспомогательной службы» – «хиви» (сокр. от немецкого *Hilfswillige* – добровольные помощники). Сначала они использовались в качестве вспомогательного персонала в тыловых частях (шоферы, конюхи, грузчики, разнорабочие), а затем и в боевых подразделениях – в качестве связных, сапёров, подносчиков патронов. Каждый зачислялся в состав части, получал полный паёк немецкого солдата, а после двухмесячного испытания – денежное содержание и дополнительное довольствие. Те, кто входил в состав немецких боевых частей, получали оружие и участвовали в боевых действиях наравне с немецкими солдатами².

Это было вызвано тем, что война против СССР не стала шестинедельным блицкригом, а потери в живой силе и технике превзошли все ожидания. Так, уже в течение первых восьми недель войны германская армия потеряла только убитыми более 100 000 человек³, а до конца ноября 1941 г. выбыло из строя 740 000 солдат и офицеров, в то время как пополнение составило всего около 400 000 человек⁴.

К концу 1942 г. «хиви», состоявшие в основном из военнопленных и гражданских лиц, стали важным компонентом действовавших на Восточном фронте немецких дивизий. Только в службе снабжения пехотной дивизии штатами было предусмотрено 700 «добровольных помощников». Штаты немецкой пехотной дивизи-

---

¹ Ионг Л. Немецкая пятая колонна во второй мировой войне. М.: Иностранная литература, 1958. С.355.

² Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф.407. Оп. 9839. Д. 39. Л. 79.

³ Гальдер Ф. Военный дневник: Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск 1939–1942: в 3 т. М.: Воениздат, 1969–1973. Т. 3. С. 315–316.

⁴Müller – Hillebrand B. Das Heer, 1933–1945. Frankfurt-am-Main, 1991. Bd. 3. S. 19.

зии, установленные со 02.10.1943 г., предусматривали наличие 2 005 «добровольцев» на 10 708 чел. немецкого личного состава, что составляло более чем 15 %¹. На 01.02.1945 г. таких «добровольцев» в составе сухопутных войск Германии насчитывалось около 600 000, в военно–морских силах – 15 000 и в военно–воздушных силах – около 60 000 человек, то есть в общей сложности – около 700 000 человек². Причём в люфтваффе, наряду с техническим и вспомогательным персоналом, существовали русские экипажи в составе немецких эскадрилий.

Ещё одним фактором, повлиявшим на привлечение в ряды вермахта советских граждан и создание из их числа особых вооружённых формирований, стала партизанская война в немецком тылу. Германские армии и командование тыловых районов групп армий, имевшие в своём распоряжении незначительные охранные и полицейские силы, в связи с усилившимся партизанским движением запросили разрешение о создании «вспомогательных охранных частей» из освобождённых военнопленных.

Уже в конце июля 1941 г. командующим тыловыми районами было разрешено формировать во взаимодействии с соответствующими начальниками СС и полиции «вспомогательные охранные части» из освобождённых военнопленных. Первоначально в охранных частях были литовцы, латыши, эстонцы, белорусы и украинцы. Из них формировались добровольческие батальоны для антипартизанской борьбы, а затем и охранные батальоны³.

Уже к весне 1942 г. в тыловых районах немецких армий появилось множество вспомогательных частей, функции которых заключались в охране железнодорожных станций, мостов, автомагистралей, лагерей военнопленных и других объектов. Они были призваны заменить немецкие части, нужные на фронте. В группе армий «Север» вспомогательные части были известны как «местные боевые соединения» (Einwohnerkampfverbände), а в группе армии «Юг» – как «вспомогательные охранные части» (Hilfswachmannschaften). В национальном

---

¹Müller – Hillebrand B. Das Heer, 1933–1945. S. 141.

²Die höheren Dienststellen der Deutschen Wehrmacht 1933–1945. München, 1953. S. 104.

³Hoffmann J. Die Ostlegionen 1941–1943. Freiburg, 1976. S. 18–19, 26–27.

отношении состав большинства подобных частей был смешанным, но преобладали русские, украинцы и белорусы. Командовали батальонами и ротами немецкие офицеры, их заместителями назначались бывшие командиры Красной Армии и офицеры – эмигранты. В редких случаях практиковалось назначение «туземных» командиров во главе эскадронов и рот.

С апреля 1942 г. было официально разрешено привлекать к участию в боевых действиях представителей кавказских народов и казаков, которых германское командование объявило «равноправными союзниками»¹. Вслед за национальными легионами и казачьими частями в августе этого же года было признано право на существование всех формирований из советских граждан, действовавших на стороне германской армии².

На охранной службе и в борьбе с партизанами были задействованы и более крупные части и соединения. Так, 01.06.1942 г. в Бобруйске из военнопленных формируется 1-й восточный добровольческий полк в составе двух батальонов – «Березина» и «Днепр», общая численность – свыше 1 000 солдат и офицеров. К концу 1942 г. в Полоцке и Шклове сформированы ещё два батальона – «Двина» и «Волга», а в Бобруйске – батальон «Припять», кавалерийский эскадрон и несколько артиллерийских батарей³.

К концу 1942 г. почти каждая из действовавших на Восточном фронте немецких дивизий имела одну, а иногда и две русские или украинские роты, а корпус имел роту или батальон. Кроме того, в распоряжении командования тыловых районов групп армий было по нескольку восточных батальонов и ягдкоманд, а в составе охранных дивизий – восточные кавалерийские дивизионы и эскадроны.

Общая численность восточных войск, по данным, приведённым в докладной записке офицера штаба генерала восточ-

---

¹Hoffmann J. Die Kaukasien 1942/43. Freiburg, 1991. S. 356.

²Hitlers Anweisungen für die Kriegsführung 1939–1945. Fr.a.M., 1962. S. 204.

³Дробязко С. И. Восточные войска и Русская освободительная армия// Материалы по истории Русского освободительного движения (1941–1945 гг.): Сб. статей, документов, воспоминаний. Вып. 1 / Под. общ. ред. А. В. Окорочкова. М.: Грааль, 1997. С. 27.

ных войск¹ капитана Доша, к февралю 1943 г., составляла 750 000 человек, в том числе примерно 250 000 – в строевых формированиях, принимавших участие в боевых действиях против Красной Армии и партизан². С учётом же вспомогательной полиции рейхскомиссариатов общее число представителей народов СССР, служивших в рядах разного рода военных и военизированных формирований третьего рейха, составило более одного миллиона человек. По немецким данным, всего было создано более 180 формирований, в том числе: из русских – 75, из донских, кубанских и терских казаков – 21, туркестанских и татарских (из Татарии и Крыма) – 42, грузинских – 11, из народов Северного Кавказа – 12, азербайджанских – 13, армянских – 8, а также части и соединения из украинцев, литовцев, латышей и эстонцев³.

Данные по национальному составу восточных формирований выглядят так: русских – 310 000, украинцев – 250 000, казаков – 53 000, представителей народов Северного Кавказа – 110 000, волжских татар – 40 000, крымских татар – 20 000, тюрков – 180 000, калмыков – 5 000. человек. В общей сложности (без учёта эстонских и латышских СС – легионеров, литовских добровольцев) численность советских граждан в них составила 968 000 человек⁴. Как видим, самую значительную часть «восточных батальонов» составляли русские формирования. Из 176 батальонов и 38 рот «восточных войск» чисто русскими были 51 батальон и 10 рот, а также 24 казачьи части по численности эквивалентные батальону.

Необходимо отметить, что за рядом исключений все части, созданные оккупантами из представителей различных национальностей Советского Союза, оказывались непрочными. Несмотря на

---

¹ Должность генерала восточных войск и соответствующая структура штаба генерала восточных войск были официально утверждены приказом фюрера и верховного главнокомандующего 7.01.1943 г. РЦХИДНИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 945. Л. 24.

² Война Германии против Советского Союза. Берлин, 1992. С. 145.

³ Семиряга М. И. Судьбы советских военнопленных. // Вопросы истории. 1995. № 4. С. 22–23.

⁴ Александров К. М. Из истории насильственных репатриаций (1945–1946гг.) // Россия и Запад: Сборник статей. СПб., 1996. С. 227.

все предпринимавшиеся меры, при первых столкновениях с советскими формированиями они либо разбежались, либо при удобном случае переходили к партизанам. Так, 16.08.1943 г. на сторону партизан перешла в полном составе, во главе со своим командиром подполковником В. В. Гиль-Родионовым 1-я русская национальная бригада СС, личному составу которой была обещана амнистия в случае, если они с оружием в руках перейдут на сторону партизан. В тот день на сторону партизан перешло 2200 чел. с 10-ю орудиями, 23-мя миномётами, 77-ю пулемётами и другим военным снаряжением¹.

Всего же в период с июня по декабрь 1943 г. на сторону партизан с оружием в руках перешло более 10 000 солдат восточных формирований². Это было не так уж много по сравнению с их общей численностью, однако вызывало у немцев серьёзные опасения за надёжность остальных частей в условиях продолжавшегося кризиса на фронте. Такие опасения полностью оправдались 13.09.1943 г., когда из-за неустойчивости восточных частей и национальных формирований сорвалась попытка гитлеровцев воспрепятствовать выходу советских войск к Днепру в районе Оболони, а действовавший на этом участке фронта туркестанский батальон перебил немецких офицеров и в составе трёх рот с оружием перешёл на сторону Красной Армии³.

Всё это повлияло на позицию германского командования относительно дальнейшего использования восточных формирований. Предлагалось перебросить их на второстепенные театры военных действий, что дало бы возможность использовать на советско-германском фронте освободившиеся немецкие войска. К концу октября 1943 г. на западе уже находилось 34 восточных батальона и готовилось к отправке ещё 23. Помимо этого 12 батальонов было отправлено на юго-восток, 10 – в Италию, 5 – в Данию. На Балканы были переброшены и только что сформированные 1-я казачья кавалерийская и 162-я тюркская пехотная дивизии. Примерно 5–6 тысяч «добровольцев» были разоруже-

---

¹ Российский Центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф. 69. Оп. 1. Д. 1006. Л. 12.

² РЦХИДНИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 721. Л. 39.

³ ЦАМО РФ. Ф. 361. Оп. 6079. Д. 209. Л. 221.

ны как ненадёжные¹. Всего в начале 1944 г. на западе было задействовано 72 батальона восточных войск общей численностью примерно 65 000 человек. Кроме того, в центральных областях Франции было рассредоточено более 50 000 человек «добровольцев» во главе со штабом командующего добровольческими частями. Как правило, все восточные батальоны были включены в состав полков немецких дивизий в качестве третьих и четвёртых батальонов. Немецкие мундиры с нашивками «РОА», «Северный Кавказ», «Армения», «Азербайджан», «Грузия», «Туркестан», «Дон», «Кубань» замелькали во Франции, Италии, Югославии и т. д.

К весне 1945 г. в вооружённых силах фашистской Германии числилось более одного миллиона человек, входивших в состав вспомогательных служб, восточных формирований, Русской освободительной армии, Украинской народной армии и национальных легионов. Из этих сил А. А. Власову формально подчинялись лишь 30–50 тыс. человек. Кроме того, продолжали действовать отдельно 40–50 тыс. человек – в туркестанских и кавказских батальонах, до 50 000 – в Украинской народной армии, до 50 000 – в казачьих частях, до 40–50 тыс. – в латышских и эстонских дивизиях СС и охранных частях, 40–45 тыс. – в составе отдельных частей и соединений в составе вермахта. Что же касается «добровольцев вспомогательной службы» («хиви»), то их численность, как и ранее, составляла около 700 000 человек².

Таким образом, следует признать, что коллаборационизм как определённое явление в годы Великой Отечественной войны существовал и на территории СССР. Конечно, относиться к факту участия в годы войны сотен тысяч наших соотечественников на стороне противника можно по-разному. Но нельзя забывать, что это явление не было случайным, это следствие противоречий, которые раздирали в те годы советское общество. Возникновение коллаборационизма обуславливалось и рядом объективных причин, истоки которых были и в сталинской системе управления обществом, и в национальной политике Со-

---

¹Kriegstagebuch des Oberkommando Wehrmacht.Frankfurt-am-Main, 1960. Bd. 3. Hb. 2. S. 1235.

² Арзамаскин Ю. Н. Заложники Второй мировой войны. Репатриация советских граждан в 1944–1953 гг. М.: Военный университет, 2001. С. 124, 125.

ветского государства, и в гитлеровской политике геноцида, проводившегося по отношению к нашим людям. Говоря о причинах непрочности коллаборационистских формирований, созданных из советских граждан, надо отметить, что не последнюю роль в этом играли зачастую насильственные методы комплектования национальных формирований, преобладавших над добровольными. Следует учитывать и то, что перейти на сторону противника многих наших соотечественников, прежде всего военнопленных, побуждали голод и угроза смерти в лагерях, с одной стороны, и отсутствие альтернативы в своём выборе после выхода в свет известного приказа Наркома обороны И. В. Сталина №2 70 от 16.08.1941 г., с другой.

Литература:

1. Александров К. М. Из истории насильственных репатриаций (1945–1946гг.) // Россия и Запад: Сборник статей. СПб., 1996.
2. Арзамаскин Ю. Н. Заложники Второй мировой войны. Репатриация советских граждан в 1944–1953 гг. М.: Военный университет, 2001.
3. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. События. Люди. Документы: Краткий исторический справочник. М.: Воениздат, 1990.
4. Военный энциклопедический словарь. М.: Воениздат, 1986.
5. Гальдер Ф. Военный дневник: Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск 1939–1942: в 3 т. М.: Воениздат, 1969–1973.
6. Дробязко С.И. Восточные войска и Русская освободительная армия // Материалы по истории Русского освободительного движения (1941–1945 гг.): Сб. статей, документов, воспоминаний. Вып. 1 / Под. общ. ред. А. В. Огорокова. М.: Грааль, 1997.
7. Ионг Л. Немецкая пятая колонна во второй мировой войне. М.: Иностранная литература, 1958.
8. Итоги второй мировой войны. М.: Иностранная литература, 1957.
9. Материалы по истории Русского освободительного движения (1941–1945 гг.): Сборник статей, документов, воспоминаний. Вып.1 / Под общ. ред. А. В. Огорокова. М.: Грааль, 1997.

10. Окорочков А. В. Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны: монография. М.: Военный университет, 2000.

11. Семиряга М. И. Судьбы советских военнопленных. // Вопросы истории. 1995. № 4.

12. Типпельскирх К. История второй мировой войны 1939–1945. М.: Издательство иностранной литературы, 1956.

13. Хоффман Й. История власовской армии. Париж, 1990.

14. Черкасов К. С. Генерал Кононов: Ответ перед историей за одну попытку. Мельбурн, 1963.

15. Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg, Stuttgart, 1983. Band 1–4.

16. Die höheren Dienststellen der Deutschen Wehrmacht 1933–1945. München, 1953.

17. Hitlersweisungen für die Kriegsführung 1939–1945. Fr.a.M., 1962.

18. Hoffmann J. Die Ostlegionen 1941–1943. Freiburg, 1976.

19. Hoffmann J. Die Kaukasien 1942/43. Freiburg, 1991.

20. Kriegstagebuch des Oberkommando Wehrmacht. Frankfurt-am-Main, 1960. Bd. 1–4. Bd. 3. Hb. 2.

21. Müller-Hillebrand B. Das Heer 1933–1945. Frankfurt-am-Mein, 1954–1969. Bd. 1–3.

22. Streit Chr. Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941–1945. Bonn, 1991.

Arzamaskin J. N., Moskau

IDEOLOGISCHE KÄMPFER ODER VERRÄTER? «SOWJETISCHE KOLLABORATION» IN DEN JAHREN DES GROSSEN VATERLÄNDISCHEN KRIEGES

Abstract: Im Beitrag wird das komplexe sozial-politische Phänomen der Kollaboration von sowjetischen Bürgern mit dem Feind während des Großen Vaterländischen Krieges untersucht. Der Autor zeigt die Dimensionen und die politische Brisanz der „sowjetischen Kollaboration“ auf sowie den militanten Charakter der Teilnahme

von hunderttausenden sowjetischer Bürger im bewaffneten Kampf an der Seite der deutschen Armee. Fazit ist, dass Kollaboration die Folge innerer Widersprüche war, welche die sowjetische Gesellschaft dieser Jahre prägten, und ein Ergebnis von Hitlers Politik des Genozides gegenüber den Sowjetbürgern.

Schlüsselwörter: Kollaboration, Kriegsgefangene, freiwillige Verbände, „Osttruppen“, russische Befreiungsarmee (ROA), Polizeitruppen, Sicherheitsbataillons, nationale Legionen.

Die Tatsache, dass es in den Jahren des Zweiten Weltkriegs hunderttausende „sowjetische Kollaborateure“ gab, ist von einzigartiger Bedeutung in der reichen Geschichte Russlands¹. Und obwohl die „Osttruppen“ bei Militäreinsätzen nur eine untergeordnete Rolle spielten, erfüllten sie dennoch eine wichtige militärische Rolle. Durch ihre aktive Teilnahme am Kampf gegen Partisanen, an Strafexpeditionen, sowie als Ersatz für deutsche Soldaten in rückwärtigen Verbänden wurden sie zur ernst zu nehmenden Unterstützung für die Wehrmacht. Alleine ihre Mannschaftsstärke, die 10–15 % der Gesamtzahl der Wehrmacht ausmachte, zeigt, welche Rolle die Sowjetbürger für die Kriegsführung im Dritten Reich spielten.

In der internationalen Forschung wird die Zusammenarbeit sowjetischer Bürger mit den militärischen und zivilen Instanzen Deutschlands als Widerstand gegen das Stalinregime betrachtet und und sie selbst als ideologische Kämpfer gegen den Bolschewismus. In Russland hingegen wurden diese sowjetischen Bürger bis vor kurzem als Verräter und Alleingänger dargestellt, die sich für ein Stück Brot mit Butter den Deutschen andienten und dabei sowohl die Machthaber als auch die Heimat und sich selbst verrieten.

Was waren sie nun tatsächlich? Verräter oder Patrioten? Auf diese Frage gibt es kaum eine eindeutige Antwort. Unserer Meinung nach war die Zusammenarbeit der Sowjetbürger mit dem Feind in den Jahren des Großen Vaterländischen Krieges ein kompliziertes sozial-politisches Phänomen. Anders als im Fall der europäischen

---

¹ Kollaborateure (aus franz. collaboration – Mitwirken): Personen, die die Interessen ihrer Heimat verraten und in den Jahren des 2. Weltkriegs den Weg der Zusammenarbeit mit den deutsch-faschistischen Okkupanten gewählt haben. (Военный энциклопедический словарь. М.: Воениздат, 1986. С. 340).

Kollaborationen muss man zwischen freiwilliger Kollaboration aus eigensüchtigen Gründen und der Zwangsrekrutierung von Kriegsgefangenen unterscheiden. Gerade daraus ergibt sich die politische Brisanz der „sowjetischen Kollaborationen“ und die unglaublichen Dimensionen werden deutlich sowie die militärische Bedeutung der Teilnahme von hunderttausenden sowjetischer Bürger am bewaffneten Kampf an der Seite der deutschen Armee.

Die Geschichte der Entstehung und Entwicklung der antibolschewistischen Kräfte und der „Ostruppen“ während des Krieges ist untrennbar mit der Vorkriegsgeschichte des sowjetischen Staats verbunden. Der Bürgerkrieg, die repressive Politik der neuen Macht gegenüber ihren Klassenfeinden, eine grausame und oft durch Zwangsmaßnahmen umgesetzte Wirtschafts- und Sozialpolitik (Enteignung der Großbauern und Kosaken, Kollektivierung etc), eine unvernünftige Religionspolitik und die zwanghafte Sowjetisierung der in den Jahren 1939–1940 an die UdSSR angeschlossenen Territorien bereiteten fruchtbaren Boden für die Herausbildung einer erheblichen Bevölkerungsschicht, die der Sowjetmacht mit Unzufriedenheit und Haß gegenüberstand.

Auffällig viele Kollaborateure kamen aus den okkupierten Gebieten. Auf der Krim, im Kaukasus, in den Gebieten der Kosaken, in der Westukraine, in den westlichen Gebieten Weißrusslands, sowie in den baltischen Staaten wurde die Wehrmacht als Befreier vom Sowjetregime warm empfangen. Das ist wenig verwunderlich. Die Menschen in diesen Gebieten waren von den auferzwungenen sozial-kulturellen Umbrüchen besonders betroffen und reagierten entsprechend.

Dieser Teil der „sowjetischen Kollaborateure“ (etwa 10–15 % ihrer gesamten Anzahl) wurde zur „Schlagtruppe“ in der „russischen Befreiungsbewegung“. Und gerade sie haben die blutigsten Seiten ihrer Geschichte geschrieben. Sie bildeten das Rückgrat der Straf- und Polizeitruppen und der Freiwilligenbataillons für den Kampf gegen Partisanen¹.

Die andere Kategorie der sowjetischen Bürger, die sich auf die Kollaboration mit der Wehrmacht einließen, machten Deserteure und Überläufer aus. Hauptsächlich waren das Rekruten aus östlichen und

---

¹ Окоороков А. В. Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны: монография. М., 2000. С. 167.

südlichen Randgebieten des Landes, aus den Republiken und Territorien, die 1939-1940 der UdSSR angeschlossen wurden¹.

Die Basis für die Rekrutierung von Kollaborateuren bildeten jedoch die sowjetischen Kriegsgefangenen. Bis Ende 1941 wurden 3 350 000 Angehörige der Roten Armee gefangen genommen, Mitte Juli 1942 waren es schon 4 716 903 Männer, im Januar 1943 – 5 000 697, im Februar 1944 – 5 637 482 und zum 1. Februar 1945 – 5 734 520 Kriegsgefangene². Unter der Gesamtzahl aller „sowjetischen Kollaborateure“, die in der Wehrmacht gedient haben, machen die Kriegsgefangenen etwa 60 % aus.

Wenn man aber vom freiwilligen Überlaufen von Kriegsgefangenen auf die Seite des Feindes spricht, dann muss dabei berücksichtigt werden, dass es hier oft um eine Entscheidung zwischen Leben und Lagertod im Lager durch Schinderei, Hunger und Krankheiten ging³. Als letzter Impuls für die Entscheidung, sich den Deutschen anzudienen, wirkte in der Regel die Erinnerung der Rekrutierer an den Befehl des Hauptquartiers des Obersten Befehlshabers Nr. 270 vom 16. August 1941. Im zugehörigen Befehl galten Kriegsgefangene als „böswillige Deserteure“ und Verräter, und ihren Familien wurden staatliche Unterstützung und Beihilfe aberkannt⁴.

Gerade diese Faktoren versuchen einige russische und internationale Forscher und Publizisten zu leugnen, indem sie den Verrat am Treueeid der Heimat gegenüber alleine durch ideologische Motive, durch den Hass der Kriegsgefangenen auf Stalin, auf den Bolschewismus und das Sowjetregime erklären⁵. Die restlichen 25 bis 30 % der „sowjetischen Kollaborateure“ machten „Freiwillige“ zweier Kategorien aus. Zum einen waren das Personen, die das Sow-

---

¹ Хоффман Й. История власовской армии. Париж, 1990. С.5-6.

² Streit C. Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941-1945. Bonn, 1991. S. 244.

³ Von 3 350 000 sowjetischen Kriegsgefangenen, die im Jahr 1941 gefangen genommen wurden, sind fast 60% bis zum 1. Februar 1942 aus Hunger und Kälte gestorben. (Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1983. Band 4. S. 1017, 1019).

⁴ Великая Отечественная война 1941-1945 гг. События. Люди. Документы: Краткий исторический справочник. М., 1990.

⁵ Хоффман И. История власовской армии. Париж, 1990. С. 341-342.

jetregime aufrichtig hassten und die Idee des Kommunismus aus politischen Gründen verachteten, zum anderen Personen, die zwangsweise in die „russische Befreiungsarmee“ rekrutiert wurden¹.

Es ist wichtig anzumerken, dass auch die Wehrmacht trotz aller politischen Anweisungen der Führung schon seit den ersten Kriegstagen mit der Notwendigkeit konfrontiert war, in ihren Reihen Sowjetbürger und Emigranten einzusetzen. Das betraf vor allem das deutsche militärische Nachrichtenwesen (die Abwehr), das die Gruppen der in den Sowjetrepubliken Geborenen formierte und sie den Hauptquartieren der deutschen Armeen zur Verfügung stellte zwecks Aufklärungstätigkeit und zur Sammlung von Informationen über „alle Maßnahmen, die der Gegner durchführt“².

Viel wichtiger für die Wehrmacht war aber der Einsatz der sog. „Freiwilligen des Hilfsdienstes“ „HiWis“ (Abkürzung des Worts „Hilfswillige“ – freiwillige Helfer). Zuerst wurden sie als Hilfspersonal in den rückwärtigen Verbänden eingesetzt (als Fahrer, Pferde-knechte, Lastträger, ungelernte Arbeitskräfte), später auch in den Kampfeinheiten – als Verbindungsmänner, Truppenpioniere, Munitionsträger. Jeder wurde in die Truppe aufgenommen, bekam die volle Nahrungsration eines deutschen Soldaten und nach 2 Monaten Probezeit auch Besoldung und Sonderverpflegung. Diejenigen, die deutschen Kampfeinheiten angehörten, bekamen Waffen und nahmen gleichberechtigt mit deutschen Soldaten an Kampfeinsätzen teil³.

Ein solches Vorgehen wurde erforderlich durch die großen personellen und materiellen Verluste der deutschen Armee. Der Kriegsstärke- und Ausrüstungsnachweis einer deutschen Infanteriedivision, der ab 2. Oktober 1943 vorgegeben wurde, sah 2005 „Freiwillige“ pro 10 708 deutsche Soldaten vor, was eine Rate von über 15 % bedeutete. Am 1. Februar 1945 zählte man etwa 600 000 solcher „Freiwilliger“ bei den Landkräften Deutschlands, 15 000 bei der Marine und etwa 60 000 bei der Luftwaffe, d. h. ins-

---

¹ Окорочков А. В. Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны: монография. М., 2000. С. 168.

² Ионг Л. Немецкая пятая колонна во второй мировой войне. М., 1958. С. 355.

³ ЦАМО РФ. Ф. 407. Оп. 9839. Д. 39. Л. 79.

gesamt etwa 700 000 Menschen¹. Ein weiterer Faktor, der die Bereitschaft der Sowjetbürger zum Eintritt in die Wehrmacht und die Formierung von Sondereinheiten aus diesen Rekruten beeinflusste, war der Partisanenkrieg im deutschen Hinterland. Das Oberkommando der rückwärtigen Gebiete der Armeegruppen bat um Erlaubnis, im Kampf gegen Partisanen „Freiwilligenbataillone“ und „Hilfs-sicherheitseinheiten“ aus Kriegsgefangenen formieren zu dürfen².

Ab April 1942 wurde offiziell erlaubt, Angehörige der kaukasischen Völker und Kosaken für Gefechtsaktionen einzusetzen, die die deutsche Militär-führung zu „gleichberechtigten Alliierten“ ernannte³. Im Anschluss an die Anerkennung dieser nationalen Legionen und Kosaken-Einheiten wurden im August desselben Jahres alle aus Sowjetbürgern rekrutierten Formationen anerkannt, die auf der Seite der deutschen Armee agierten⁴. Sie wurden aufgerufen, die deutschen Truppen zu ersetzen, die man an der Front brauchte.

Deutschen Angaben zufolge wurden insgesamt über 180 solcher Formierungen gebildet, darunter 75 aus Russen, 21 aus Don-, Kuban- und Terek-Kosaken, 42 Turkmenen und Tataren (aus Tatarstan und von der Krim), 11 georgische, 12 aus nordkaukasischen Völkern, 13 aus Aserbaidshern, 8 aus Armeniern, sowie Truppen und Einheiten aus Ukrainern, Litauern, Letten und Esten⁵. Die Angaben zur nationalen Zusammensetzung der Osttruppen sehen wie folgt aus: Russen – 310 000, Ukrainer – 250 000, Kosaken – 53 000, Angehörige der nordkaukasischen Völker – 110 000, Wolga-Tataren – 40 000, Krim-Tataren – 20 000, Türken – 180 000, Kalmyken – 5 000 Personen. Insgesamt (ohne Berücksichtigung der estnischen und lettischen SS-Legionäre und ohne litauische Freiwillige) betrug die Anzahl der Sowjetbürger in diesen Verbänden 968 000 Personen⁶.

---

¹ Die höheren Dienststellen der Deutschen Wehrmacht 1933-1945. München, 1953. S. 104.

² Hoffmann J. Die Ostlegionen 1941-1943. Freiburg, 1976. S. 18-19, 26-27.

³ Hoffmann J. Die Kaukasien 1942/43. Freiburg, 1991. S. 356.

⁴ Hitlers Anweisungen für die Kriegsführung 1939-1945. Fr.a.M., 1962. S. 204.

⁵ Семиряга М. И. Судьбы советских военнопленных. // Вопросы истории. 1995. № 4. С. 22-23.

⁶ Александров К. М. Из истории насильственных репатриаций (1945-1946гг.) // Россия и Запад: Сборник статей. СПб., 1996. С. 227.

Im Frühling 1945 befanden sich in der Wehrmacht über 1 Mio. Menschen, die zum Bestand der Hilfsdienste, der Osttruppen, der Streitkräfte des Komitees der Befreiung der Völker Russlands sowie der ukrainischen Volksarmee und der Nationallegionen gehörten. Davon waren A. A. Wlasow formell nur 30 000–50 000 Menschen zugeordnet. Außerdem agierten vereinzelt weiter: 40 000–50 000 in turkestanischen und kaukasischen Bataillonen, bis 50 000 in der Ukrainischen Volksarmee, bis 50 000 in den Kosaken-Einheiten, bis 40 000–50 000 in lettischen und estnischen SS-Divisionen und Sicherheitskommandos, 40 000–45 000 im Bestand der einzelnen Einheiten und Verbände der Wehrmacht¹. Was „die Freiwilligen des Hilfsdienstes“ („HiWi“) betrifft, betrug ihre Anzahl nach wie vor etwa 700 000 Menschen.

Natürlich kann man darüber geteilter Meinung sein, dass während des Krieges hunderttausende Sowjetbürger auf der Seite des Feindes standen. Man darf aber nicht vergessen, dass es dafür Gründe gab. Kollaboration war eine Folge innerer innerer Widersprüche, welche die sowjetische Gesellschaft dieser Jahre prägten. Weitere objektive Gründe für Kollaborationen lagen im stalinistischen Gesellschaftssystem, in der Nationalpolitik des Sowjetstaates, sowie in Hitlers Politik des Genozides gegenüber den Sowjetbürgern. Hunger und Todesangst müssen als Motive dafür, dass Sowjetbürger, vor allem Kriegsgefangene, auf die Seite des Feindes überliefen, ebenfalls in Betracht gezogen werden. Nach der Veröffentlichung des berühmten Befehls Nr. 270 vom 16. August 1941 vom Volkskommissar für Verteidigung I. W. Stalin gab es für sie oft keine Alternative mehr.

Literaturverzeichnis:

1. Александров К. М. Из истории насильственных репатриаций (1945–1946гг.)// Россия и Запад: Сборник статей. СПб., 1996.
2. Арзамаскин Ю. Н. Заложники Второй мировой войны. Репатриация советских граждан в 1944–1953 гг. М., 2001.
3. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. События. Люди. Документы: Краткий исторический справочник. М., 1990.
4. Военный энциклопедический словарь. М.: Воениздат, 1986.

---

¹ Арзамаскин Ю. Н. Заложники Второй мировой войны. Репатриация советских граждан в 1944–1953 гг. М., 2001. С. 124, 125.

5. Ионг Л. Немецкая пятая колонна во второй мировой войне. М., 1958.
6. Итоги второй мировой войны. М., 1957.
7. Материалы по истории Русского освободительного движения (1941–1945 гг.): сборник статей, документов, воспоминаний. Вып. 1 / под общ. ред. А. В. Окоорокова. М., 1997.
8. Окоороков А. В. Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны: монография. М., 2000.
9. Семиряга М. И. Судьбы советских военнопленных. // Вопросы истории. 1995. № 4.
10. Хоффман Й. История власовской армии. Париж, 1990.
11. Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1983. Band 4.
12. Die höheren Dienststellen der Deutschen Wehrmacht 1933–1945. München, 1953.
13. Hitlers Weisungen für die Kriegsführung 1939–1945. Fr.a.M., 1962.
14. Hoffmann J. Die Ostlegionen 1941–1943. Freiburg, 1976.
15. Hoffmann J. Die Kaukasien 1942/43. Freiburg, 1991.
16. Streit C. Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941–1945. Bonn, 1991.

Романько О. В., Симферополь

ПРОБЛЕМА ВОЕННОГО КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМА НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «ГОЛОС КРЫМА»¹

Аннотация: В данной публикации рассматривается освещение проблемы военного коллаборационизма на страницах русскоязычной оккупационной газеты «Голос Крыма», которая с 1941 по 1944 гг. выходила в Симферополе. Проанализирована тематика публикаций на данную тему. Показано, что до весны

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Советские судебные процессы над военными преступниками в 1943–1991 гг.: цели, функции и эффекты избирательной медиатизации», проект № 16–21–08001–ОГН

1943 г. освещение этой проблемы не носило системного характера в нацистской пропагандистской модели, реализованной в Крыму. После появления публикаций на тему Власовского движения освещение проблемы военного коллаборационизма меняется коренным образом. Указаны причины, которые привели к этим переменам. Утверждается, что до определенного момента формы и методы подачи коллаборационистской тематики на страницах «Голоса Крыма» имели эффективный результат. Однако с осени 1943 г., по ряду причин, сила их воздействия на население резко упала и уже не восстановилась.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Крым, оккупация, коллаборационизм, «Голос Крыма», Русская освободительная армия, А. А. Власов, В. И. Мальцев.

Для привлечения населения оккупированных советских территорий в коллаборационистские формирования нацисты использовали самый разнообразный инструментарий: от материального поощрения – до идеологической мотивации. При этом существенную роль в психологической обработке потенциальных добровольцев играла пропаганда, главным образом печатная. В многочисленных газетах и журналах, которые распространялись на оккупированных территориях, помещались публикации о тех, кто с оружием в руках противостоял СССР. Не являлся исключением и Крымский полуостров, где коллаборационистские проявления имели весьма серьезный характер.

В связи со сказанным объективный интерес представляет та пропагандистская модель, которая при помощи прессы была реализована нацистами в Крыму, а также, то место, которое занимало в ней освещение проблемы военного коллаборационизма. А именно: (а) какие ее аспекты преподносились читателю; (б) какие особенности подачи коллаборационистской тематики можно выявить в крымской прессе; (в) какой была эффективность подобного рода публикаций для дальнейшего «воспроизводства» военного коллаборационизма.

На первом этапе оккупации Крыма психологической обработкой населения занимались соответствующие структуры одинадцатой немецкой армии. После окончания боевых действий, в сентябре 1942 г., на территории полуострова был создан Штаб пропаганды

«Крым», главной целью которого являлась нейтрализация идеологической деятельности советской власти. Штаб имел разветвленную сеть представительств, посредством которых нацистские пропагандисты и их местные помощники руководили крымскими школами, театрами, библиотеками, музеями и т. д. Серьезную роль в формировании общественных настроений в Крыму играла пресса. Поэтому, при поддержке оккупантов выпускались газеты на русском, крымско-татарском и немецком языках. Всего – 16 наименований за период оккупации¹.

Наиболее значительной из них была газета «Голос Крыма» – орган Симферопольского городского управления. Ее первый номер вышел 12.12.1941, а последний – 9 апреля 1944 г. На своем пике, в середине 1943 г., тираж газеты составлял 80 000 экземпляров. Для других газет «Голос Крыма» являлся образцом и фактически источником публикаций. Кроме того, ни одно из остальных 12 русскоязычных изданий не существовало всю оккупацию².

После окончательного оформления в виде четырехстраничного издания, «Голос Крыма» печатал материалы, разоблачающие советский строй и восхваляющие нацистский «новый порядок», сводки с театров военных действий, заметки о хозяйственной и культурной жизни Крыма после его «освобождения». Немало внимания уделялось разоблачению «еврейского заговора» и т. п.³

Все выходившие на полуострове газеты находились под полным контролем оккупационных властей, которые влияли на них через отдел прессы Штаба пропаганды «Крым». А в целях унификации весь материал утверждался сверху. Для этого в помощь редакциям, издававшим газеты на языках народов СССР, в Берлине, в Министерстве пропаганды выходил сборник, который назывался «Материалы для русских газет» («Material für russische Zeitungen»)⁴.

---

¹ Romanko O. W. Nationalsozialistische Propaganda auf der okkupierten Krim (1942-1944): Organe und Formen der Tätigkeit // Schriftenreihe der Petrosawodsker staatlichen Universität. Sozial- und Geisteswissenschaften. 2015. № 5. S. 11-16.

² Staatliches Archiv der Republik Krim. (ГАРК). F. II-156. F. 1. D. 26. L. 25-26.

³ Анализ тематики статей газеты «Голос Крыма» за 1941–1944 гг. проведен автором.

⁴ В ГАРК хранится комплект этого сборника за 1943–1944 гг.

Одними из таких унифицированных материалов были публикации на тему участия иностранных граждан в военных усилиях Германии, которые стали появляться в «Голосе Крыма» практически сразу. Тем не менее, до весны 1943 г. их было немного – всего 10. По содержанию эти публикации не представляют интереса. В целом, в них можно прочесть о «крестовом походе европейских народов против большевизма», либо вообще¹, либо применительно к крымской ситуации².

Нельзя сказать, что в первый год оккупации «Голос Крыма» часто и подробно обращался к теме военного коллаборационизма. Однако с весны 1943 г. ситуация изменилась так, что можно говорить об уникальности «Голоса Крыма» и его отличии от многих других изданий, выходивших на оккупированных территориях. Это связано с тем, что, начиная с конца 1942 г., в нацистской «восточной политике» и пропаганде важную роль стали играть Власовское движение и Русская освободительная армия (РОА). Не остался в стороне от этих процессов и Крымский полуостров.

Первая власовская листовка – «Смоленский манифест» – получила сравнительную известность только в средней полосе России и практически осталась неизвестной в Крыму. О бывшем советском генерале А. А. Власове на полуострове заговорили в связи со следующим по времени пропагандистским шагом немцев – появлением открытого письма «Почему я встал на путь борьбы с большевизмом?». Именно этому документу, в котором Власов объяснял причины, «побудившие его начать войну против сталинского режима», бывший советский генерал был обязан своей популярностью в некоторых слоях населения. В Крыму письмо появилось в марте 1943 г. в «Голосе Крыма»³.

Первым на него публично отреагировал бывший полковник советских ВВС, бургомистр Ялты В. И. Мальцев, впоследствии ставший одной из ключевых фигур в истории Власовского движения и РОА. Письмо произвело на него

---

¹ Голос Крыма. 1941. № 4. 21 декабря; 1942. № 5. 15 января; № 8. 25 января; № 18. 1 марта.

² Голос Крыма. 1942. № 42. 24 мая.

³ Голос Крыма. 1943. № 33. 18 марта.

огромное впечатление. Мальцеву показалось, что немцы поменяли свою «восточную политику» и дают антисоветским силам возможность создать свой политический центр и собственную армию для борьбы с коммунистами. Как и многие другие в то время, он не знал, что немцы использовали имя бывшего советского генерала исключительно в пропагандистских целях. Тем не менее, Мальцев начал действовать. 4 июня «Голос Крыма» опубликовал его ответ на письмо Власова. Ответ был написан также в форме открытого письма и озаглавлен «Борьба с большевизмом – наш долг». В нем Мальцев рассказывал, как он прошел путь от «коммунизма к борьбе с ним» и призывал всех коммунистов последовать его примеру, отдав все силы на благо русского народа, то есть поддержать Власова и РОА¹.

18 июня 1943 г. при активном содействии Мальцева появился первый вербовочный пункт РОА на полуострове – в Евпатории. А уже 30 июня в Симферополе состоялся торжественный молебен по случаю открытия центрального вербовочного пункта. Как писал «Голос Крыма», он «был открыт для проведения систематической разъяснительной работы, консультации, записи добровольцев и оформления их в ряды РОА, так как сотни лучших людей нашей Родины уже подали заявления о вступлении в нее»². Впоследствии В. И. Мальцев покинул Крым, чтобы вступить «добровольцем в РОА». Этому событию «Голос Крыма» посвятил заметку³.

Следует сказать, что на этом публикации о Власовском движении в «Голосе Крыма» не закончились. После появления в Евпатории вербовочного пункта, в газете на третьей странице была создана специальная рубрика «Уголок добровольца». Здесь помещалась информация, посвященная формированию частей РОА, записи в нее добровольцев, их участию в боевых действиях и т.п. В дальнейшем сотрудничество «Голоса Крыма» и местной РОА приняло такие тесные формы, что ее главный редактор К. А. Быкович стал поручиком этой армии⁴.

---

¹ Голос Крыма. 1943. № 66. 4 июня.

² Голос Крыма. 1943. № 72. 18 июня; № 76. 27 июня; № 77. 30 июня.

³ Голос Крыма. 1943. № 71. 16 июня.

⁴ Голос Крыма. 1943. Июнь – август.

Все вышеперечисленные мотивы появления публикаций о РОА в «Голосе Крыма» были, в целом, характерны и для прессы других оккупированных территорий. Однако на полуострове имелись свои причины, связанные, прежде всего, с национальной политикой. Создание крымской РОА свидетельствовало о серьезных изменениях в этой политике, поскольку до 1943 г. нацисты активно пытались сделать крымских татар опорой своего оккупационного режима при явной дискриминации русских¹.

Благосклонное отношение немцев к Власовскому движению показало, что с этим отчасти покончено, а немецкая национальная политика выходит на новые позиции. Одной из них должно было стать сотрудничество между коллаборационистами из различных этнических групп. В связи с этим следует отметить появление в крымских частях РОА и крымских татар. Это подтверждает целый ряд публикаций в «Голосе Крыма»: «Плечом к плечу с РОА», «Борьба татар против большевизма», «Голос крови зовет меня» и т.п.²

Стоит сказать, что изменения в подаче крымско–татарской тематики на страницах «Голоса Крыма» являются характерными и для других материалов о невлазовском военном коллаборационизме. После появления публикаций о РОА их количество осталось по-прежнему небольшим. Однако теперь в подобных материалах появилась определенная система: практически все они были встроены во власовскую тематику, даже если речь шла о латышах, эстонцах или казаках³.

Оценивая пропагандистское воздействие «Голоса Крыма» на крымское население, следует иметь в виду несколько моментов. Например, при чтении воспоминаний свидетелей оккупации может сложиться впечатление, что, в целом, доверием у широких масс газета не пользовался. Однако нужно учесть, что большинство этих воспоминаний писалось после 1945 г. В пе-

---

¹ Bundesarchiv-Militärarchiv (Deutschland). RH 20. Armeeeoberkommandos. Bd. 5: AOK 11. RH 20–11/433. Bl. 31–32.

² Golos Krima. 1943. № 75. 25 июня; № 84. 16 июля; № 90. 30 июля.

³ См., например: Golos Krima. 1943. № 35. 22 марта; № 39. 31 марта; № 51. 1 мая.

риод же оккупации «Голос Крыма» существовал не сам по себе, а являлся одним из главных печатных органов в системе нацистской пропаганды на полуострове. И до середины 1943 г. эта система работала довольно эффективно.

Газета вместе с другими подобными изданиями вполне справлялась с формированием у крымчан картины, где военный коллаборационизм был массовым. Отчасти это соответствовало действительности: в 1941–1943 гг. количество добровольцев в коллаборационистских частях только росло¹.

Этот эффект от пропаганды хорошо прослеживается даже в воспоминаниях крымских партизан, так как появление на территории Крыма РОА серьезно обеспокоило советское военно-политическое руководство. И на это были свои причины. В военном отношении эти части не представляли сколько-нибудь значительной силы. По самым оптимистическим подсчетам, к весне 1944 г. в их рядах находилось не более 4 000 человек. Однако, как было показано выше, политико-пропагандистский вес РОА на полуострове оказался больше военного. Понимая значимость этой проблемы, советское руководство разработало целый комплекс соответствующих мероприятий. А их выполнение было возложено на крымских партизан и подпольщиков. Об одном из таких мероприятий, относящемся к лету 1943 г., в своих воспоминаниях поделился партизанский командир Н.Д. Луговой. По его словам, партизаны активно следили за редактором «фашистской газеты “Голос Крыма” Быковичем», чтобы взорвать его маломагнитной миной, но безрезультатно². То есть, сотрудники «Голоса Крыма» вполне справлялись со своими обязанностями и до определенного момента удовлетворяли немецких кураторов. Однако, начиная с осени 1943 г., газета стала вызывать у оккупационных властей серьезные нарекания. Как известно, этот год прошел под знаком ухудшения положения Вермахта на Восточном фронте. Это не могло не сказаться и на крымской ситуации. Скрыть поражения уже не представлялось возможным, поэтому все меньше людей верило немецкой пропаганде. Параллельно с этим, с лета 1943 г., стало вновь наби-

---

¹ GARK. F. P-156. Op. 1. D. 31. L. 96об, 121; D. 39. L. 53.

² Луговой Н. Д. Побратимы. Киев: Политиздат Украины, 1985. С. 315.

рать силу партизанское движение. Пользуясь поддержкой с «большой земли», крымские партизаны и подпольщики создали свой аппарат психологической войны, который уже почти не уступал немецкому. Поэтому энтузиазм крымчан относительно мероприятий оккупационных властей заметно поубавился. И, в первую очередь, это коснулось процесса создания коллаборационистских формирований, поток добровольцев в которые закономерно иссяк. Более того, начался обратный процесс – переходы на советскую сторону¹.

Также следует сказать, что во второй половине 1943 г. произошли события, повлиявшие на динамику развития Власовского движения в целом. А именно: после того, как в ходе поездок на оккупированные территории генерал А. А. Власов сделал ряд высказываний, идущих вразрез с нацистской «восточной политикой», его фактически поместили под домашний арест и запретили выступать публично².

Одним из последствий этих событий стало то, что власовская тематика начала пропадать со страниц коллаборационистской прессы. И на примере «Голоса Крыма» это видно особенно отчетливо. Так, если почти всю весну и лето 1943 г. материалы о РОА печатались здесь почти в каждом номере, то ближе к осени этого года их количество заметно уменьшилось. А «Уголок добровольца» с 13 августа исчез вообще³.

Отголоски проблем генерала Власова с нацистским руководством нашли свое своеобразное отражение на страницах «Голоса Крыма». Так, в январе 1944 г. Штаб пропаганды «Крым» в одном из своих отчетов отмечал, что среди крымчан имеется много сторонников так называемой «третьей силы», ждущих поражения Германии и СССР и победы западных союзников. По мнению сотрудников штаба, публикации на эту тему в «Голосе Крыма» могли снизить «страх перед возвращением большевиков»⁴.

---

¹ Романько О. В. Крым в период немецкой оккупации. Национальные отношения, коллаборационизм и партизанское движение. 1941–1944. М.: Центрполиграф, 2014. С. 247–250, 254, 294–295, 340–343.

² Штеенберг С. Генерал Власов. М.: Эксмо, 2005. С. 123–132.

³ Golos Krima. 1943. № 96. 13 августа.

⁴ GARK. F. P-156. Op. 1. D. 26. L. 25, 34.

В конце концов, подобные опасения привели к тому, что крымское Власовское движение прекратило свое существование еще до полного освобождения полуострова – в феврале 1944 г. Тем не менее, использование темы РОА в целях пропаганды продолжалось и в 1944 г. За оставшиеся три месяца оккупации (до начала апреля) «Голос Крыма» разместил восемь материалов, где так или иначе упоминалась эта армия. Последним из них было стихотворение Н. Саранчи, озаглавленное «Воинам РОА». Газета опубликовала его за неделю до начала советского наступления¹. Следует отметить, что вместе с темой РОА со страниц «Голоса Крыма» за 1944 г. практически исчезают материалы и о других проявлениях военного коллаборационизма. А те, что публиковались, напоминали материалы 1941–1942 гг., в которых шла речь о «дружеском сораотничестве добровольцев Востока с Германской армией»².

Таким образом, проблема военного коллаборационизма на страницах оккупационной газеты «Голос Крыма» играла существенную роль, но только с определенного периода. А именно: с весны 1943 г. До этого, ее место в той пропагандистской модели, которую нацисты реализовали в Крыму, было незначительным, а освещение – бессистемным. Эта ситуация изменилась коренным образом после появления на страницах «Голоса Крыма» публикаций на тему Власовского движения и РОА. Во многом это было связано, как с «раскручиванием» нацистами этого движения вообще, так и сугубо крымскими аспектами – корректировкой национальной политики на полуострове. Поэтому, с марта по сентябрь 1943 г. «Голос Крыма» становится фактически газетой Власовского движения – случай для региональной прессы уникальный. А его публикации на коллаборационистскую тематику – весьма эффективным средством для психологической обработки крымчан и «воспроизводства» военного коллаборационизма. Тем не менее, начиная с поздней осени 1943 г., энтузиазм местного населения относительно РОА стал слабеть. Произошло это по целому ряду причин: коренной перелом на Восточном фронте, деятельность крымских партизан и подпольщиков и т. п. Наконец, существенную роль сыграла

---

¹ Golos Krima. 1944. № 41. 2 апреля.

² Golos Krima. 1944. № 35. 19 марта.

боязнь нацистов, что «Голос Крыма» и местная РОА станут площадкой для развития идей так называемой «третьей силы». Все это привело к тому, что к началу 1944 г. проблема военного коллаборационизма на страницах «Голоса Крыма», вновь, как и в первый год оккупации, стала освещаться мало и бессистемно. Однако в данном случае это уже не имело никакого значения. Нацистская пропагандистская модель на полуострове фактически была уничтожена – ее заявлениям вообще или ее отдельным структурам, типа «Голоса Крыма», уже не верили.

Литература:

1. Луговой Н. Д. Побратимы. Киев: Политиздат Украины, 1985.
2. Романько О. В. Крым в период немецкой оккупации. Национальные отношения, коллаборационизм и партизанское движение. 1941–1944. М.: Центрполиграф, 2014.
3. Романько О. В. Нацистская пропаганда в оккупированном Крыму (1942–1944): органы и формы деятельности // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Общественные и гуманитарные науки. 2015. № 5.
4. Штеенберг С. Генерал Власов. М.: Эксмо, 2005.

Romanko O. W., Simferopol

DAS THEMA DER KRIEGSKOLLABORATION IN DER ZEITUNG „GOLOS KRIMA“ (DIE STIMME DER KRIM)¹

Abstract: Der Beitrag liefert eine Analyse der Berichterstattung der russischsprachigen Zeitung „Golos Krima“, die von 1941 bis 1944 in Simferopol zur Zeit der Besatzung herausgegeben wurde, zu Kriegskollaborationen. Die themenbezogene Analyse zeigt, dass bis zum Frühling 1943 die publizistische Aufbereitung dieser Prob-

---

¹ Die Forschung wurde mit finanzieller Unterstützung des RFFI in Rahmen des Projektes „Sowjetische Kriegsverbrecherprozesse in den Jahren 1943-1991: Ziele, Funktionen und Effekte der Auswahlmediatisierung“ durchgeführt (Projekt № 16-21-08001, a(m)).

ematik nicht systematisch nach dem Modell nationalsozialistischer Propaganda erfolgte, wie sie auf der Krim etabliert war. Nach dem Erscheinen der Publikationen über die Wlassow-Bewegung änderte sich die Berichterstattung über Kriegskollaborationen jedoch grundlegend. Es wird festgestellt, dass bis zu einem gewissen Zeitpunkt die Formen und Methoden der Berichterstattung zu dieser Thematik auf den Seiten der Zeitung „Golos Krima“ effiziente Ergebnisse brachten. Ab Herbst 1943 sank jedoch der Einfluss dieser Publikationen auf die öffentliche Meinung aus diversen Gründen stark und stieg danach nicht wieder an.

Schlüsselwörter: Zweiter Weltkrieg, Krim, Besetzung, Kollaboration, „Golos Krima“, russische Befreiungsarmee, A. A. Wlassow, W. I. Malzew.

Um die Bevölkerung der okkupierten sowjetischen Territorien zur Kollaboration zu bewegen, wendeten die Nationalsozialisten verschiedene Methoden an: von materiellen Anreizen bis zur ideologischen Mobilisierung. Für die psychologische Beeinflussung potenzieller Freiwilliger spielte Propaganda, hauptsächlich in Form von Druckmedien, eine wesentliche Rolle. In zahlreichen Zeitungen und Zeitschriften, die in den besetzten Territorien verbreitet wurden, wurde über bewaffnete Kämpfer berichtet, die gegen die Sowjetunion Widerstand leisteten. Die Halbinsel Krim stellte hierbei keine Ausnahme dar, Kollaboration spielte hier eine wichtige Rolle.

In diesem Zusammenhang ist sowohl das Modell der Propaganda von Interesse, das die Nationalsozialisten mithilfe der Presse auf der Krim umsetzen, als auch die Frage nach der konkreten Präsentation und der Bedeutung des Themas Kriegskollaboration in der Presse. Im Einzelnen: (a) Welche Aspekte dieser Thematik wurden verhandelt? (b) Welche Besonderheiten der Berichterstattung der Kollaborationsthematik sind festzustellen? (c) Wie effektiv waren Publikationen dieser Art für die Ausweitung von Kriegskollaboration?

Während der ersten Phase der Besetzung der Krim waren entsprechende Strukturen der 11. deutschen Armee mit der psychologischen Einflussnahme auf die Bevölkerung. Nach der Einstellung der Kampfhandlungen im September 1942 wurde auf dem Territorium der Halbinsel eine Kommandozentrale für Propaganda eingerichtet, deren Hauptziel die Bekämpfung der ideologischen Aktivitäten der

Sowjetmacht war. Das Kommando verfügte über ein verzweigtes Netz von Vertretungen, mittels dessen nationalsozialistische Propagandisten und ihre Ortshelfer die Schulen, Theater, Bibliotheken, Museen etc. auf der Krim verwalteten. Für die Beeinflussung der öffentlichen Meinung auf der Krim spielte die Presse eine große Rolle. Deshalb wurden mit Unterstützung der Besatzer russisch-, krimtatarisch- und deutschsprachige Zeitungen aufgelegt. Insgesamt erschienen während der Zeit der Okkupation sechzehn Titel¹.

Das wichtigste Organ war die Zeitung „Golos Krima“ – ein Presseorgan der Stadtverwaltung Simferopol. Ihre erste Nummer erschien am 12. Dezember 1941, die letzte am 9. April 1944. Mitte 1943, als die Auflage ihren Spitzenwert erreicht hatte, lag sie bei 80 000 Exemplaren. Für andere Zeitungen diente „Golos Krima“ als Muster und diente praktisch als Quelle für weitere Publikationen. Außerdem existierte keine der anderen 12 russischsprachigen Zeitungen durchgängig von Anfang bis Ende der Besatzungszeit².

Die Zeitung, die einen Umfang von vier Seiten hatte veröffentlichte Materialien, die das sowjetische System entlarvten und die nationalsozialistische „neue Ordnung“ glorifizierten, sowie Berichte von Gefechtsfeldern und Artikel über das Wirtschafts- und Kulturleben auf der Halbinsel nach ihrer „Befreiung“. Nicht weniger Aufmerksamkeit wurde der Entlarvung der „jüdischen Verschwörung“ gewidmet³.

Alle auf der Halbinsel gedruckten Zeitungen befanden sich unter vollständiger Kontrolle der Besatzungsbehörden, die durch die Presseabteilung der Propagandakommandozentrale „Krim“ ihren Einfluss ausübten. Zwecks Gleichschaltung sollten alle Publikationen von oben frei gegeben werden. Als Hilfe für die Redaktionen, die die Zeitungen in den Sprachen der Völker der UdSSR verlegten, wurde in Berlin vom Propagandaministerium regelmäßig ein Sam-

---

¹ Romanko O. W. Nationalsozialistische Propaganda auf der okkupierten Krim (1942-1944): Organe und Formen der Tätigkeit // Schriftenreihe der Petrosawodsker staatlichen Universität. Sozial- und Geisteswissenschaften. 2015. № 5. S. 11-16.

² Staatliches Archiv der Republik Krim. (ГАРК). F. II-156. F. 1. D. 26. L. 25-26.

³ Der Autor hat die Behandlung des Themas in der Zeitung „Golos Krima“ für die Jahre 1941-1944 analysiert.

melband unter dem Titel „Материал для русских газет“ („Material für russische Zeitungen“) veröffentlicht¹.

Zu solchen standardisierten Materialien gehörten Publikationen über die Teilnahme ausländischer Bürger an militärischen Unternehmungen Deutschlands, die beinahe von Beginn des Erscheinungszeitraums der „Golos Krima“ auf deren Seitungen gedruckt wurden. Bis zum Frühling 1943 gab es jedoch nur 10 Ausgaben der Zeitung, die inhaltlich von geringem Interesse sind. Die Themen kreisten entweder um den „Kreuzzug der europäischen Völker gegen den Bolschewismus“ im Allgemeinen² oder mit Bezug auf die Situation auf der Krim³.

In den Jahren der Besatzung hat „Golos Krima“ das Thema Kollaboration nicht oft und ausführlich verhandelt. Ab dem Frühjahr 1943 veränderte sich die Situation allerdings gravierend. „Golos Krima“ nahm nun eine einzigartige Stellung ein und unterschied sich stark von anderen Publikationen in den besetzten Gebieten. Das lag darin begründet, dass seit Ende 1942 die Wlassow-Bewegung und die russische Befreiungsarmee (ROA) eine zunehmend wichtige Rolle in der nationalsozialistischen „Ostpolitik“ und Propaganda spielte, auch auf der Halbinsel Krim.

Das erste Flugblatt von Wlassow – «Смоленский манифест» („Das Smolensker Manifest“) – war vor allem in Zentralrussland weit verbreitet, während es auf der Krim weitgehend unbekannt blieb. Über den ehemaligen sowjetischen General A. A. Wlassow wurde auf der Halbinsel erst dann gesprochen, als die Nationalsozialisten mit der Veröffentlichung seines offenen Briefes „Warum bin ich den Weg des Kampfes mit Bolschewismus gegangen?“ den nächsten propagandistischen Schritt taten. Diesem Dokument, in dem der ehemalige sowjetische General die Gründe erklärte, welche ihn dazu getrieben hatten, „einen Krieg gegen das stalinistische Regime zu eröffnen“, verdankte General Wlassow

---

¹ Im Archiv ГАРК wird ein Satz dieser Sammelbände für die Jahre 1943-1944 aufbewahrt.

² Golos Krima. 1941. № 4. 21.12; 1942. № 5. 15.01; № 8. 25.01; № 18.01.03.

³ Golos Krima. 1942. № 42. 24.05.

seine Popularität in einigen Gesellschaftschichten. Auf der Krim wurde der Brief im März 1943 in „Golos Krima“¹ publiziert.

Als erster reagierte auf diesen Brief der ehemalige Oberst der sowjetischen Luftwaffe und Bürgermeister von Jalta W. I. Malzew, der später eine zentrale Rolle in der Geschichte der Wlassow-Bewegung und der ROA spielen sollte. Er war sehr beeindruckt und las den Brief als Indiz dafür, dass die Deutschen ihre „Ostpolitik“ geändert hätten und nun den antisowjetischen Kräften die Möglichkeit einräumten, ein eigenes politisches Zentrum zu bilden und eine eigene Armee für den Kampf gegen den Bolschewismus zu formieren. Wie viele damals wusste er nicht, dass die Deutschen den Namen des ehemaligen sowjetischen Generals lediglich für propagandistische Zwecke ausnutzten. Malzew schritt zur Tat, und am 4. Juni veröffentlichte „Golos Krima“ seine Antwort auf General Wlassows Brief unter dem Titel: „Der Kampf gegen den Bolschewismus ist unsere Pflicht“. W. I. Malzew erklärte darin seinen Weg „vom Kommunismus zum Kampf gegen ihn“ und rief alle Kommunisten auf, seinem Beispiel zu folgen und alle Kräfte für das Wohl des russischen Volkes einzusetzen, sprich A. A. Wlassow und die ROA zu unterstützen².

Am 18. Juni 1943 wurde unter aktiver Teilnahme von W. I. Malzew der erste Rekrutierungspunkt der russischen Befreiungsarmee auf der Halbinsel in Eupatoria eingerichtet, und schon am 30. Juni fand in Simferopol eine feierliche Einweihungsmesse zur Eröffnung der Anwerbezentrale statt. Wie „Golos Krima“ berichtete, wurde sie „eröffnet, um systematisch Aufklärungsarbeit zu leisten, Freiwillige zu beraten und zu registrieren sowie sie formell in die ROA zu melden, weil Hunderte der besten Leute unserer Heimat schon Aufnahmeanträge gestellt haben“³.

Später verließ W. I. Malzew die Krim, um „als Freiwilliger in die ROA einzutreten“. Diesem Ereignis widmete „Golos Krima“ einen Artikel⁴.

---

¹ Golos Krima. 1943. № 33. 18.03.

² Golos Krima. 1943. № 66. 4.06.

³ Golos Krima. 1943. № 72. 18.06; № 76. 27.06; № 77. 30.06.

⁴ Golos Krima. 1943. № 71. 16.06.

Dies war nicht die letzte Publikation zur Wlassow-Bewegung in der Zeitung „Golos Krima“. Nach der Einrichtung des Rekrutierungspunktes in Eupatoria wurde in der Zeitung auf der dritten Seite eine eigene Rubrik namens „Ecke des Freiwilligen“ geschaffen. Hier wurden Nachrichten zur Aufstellung der ROA-Einheiten, zur Registrierung der Freiwilligen und der Teilnahme der ROA an Kampfhandlungen etc. platziert. Die Zusammenarbeit zwischen „Golos Krima“ und der ROA wurde so eng, dass der Chefredakteur K. A. Bykowsch zum Leutnant dieser Armee ernannt wurde¹.

Alle o. g. Gründe für Publikationen über die ROA in „Golos Krima“ waren grundsätzlich auch für die Presse anderer Besatzungsterritorien charakteristisch. Auf der Krim gab es aber auch eigene Gründe, die in erster Linie in ihrer Nationalitätenpolitik lagen. Die Bildung der ROA auf der Krim war ein klares Signal dafür, dass sich diese Politik änderte, denn bis 1943 hatten die Nationalsozialisten sehr aktiv versucht, die Krim-Tataren zur Basis ihres Okkupationsregimes zu machen, indem sie die Russen diskriminierten².

Das wohlwollende Verhältnis der Deutschen zur Wlassow-Bewegung markierte einen teilweisen Schlusspunkt dieser Strategie und zeigte, dass die deutsche Nationalitätenpolitik neue Positionen entwickelte. Dazu gehörte die angestrebte Zusammenarbeit von Kollaborateuren aus verschiedenen ethnischen Gruppen. In diesem Zusammenhang gehört auch die Eingliederung der Krim-Tataren in die ROA-Einheiten. Das bestätigt eine Reihe von Publikationen in „Golos Krima“: „Schulter an Schulter mit der ROA“, „Der Kampf der Tataren gegen den Bolschewismus“, „Die Stimme des Blutes ruft mich“ etc.³

So, wie sich die Berichterstattung zur krimtatarischen Thematik in „Golos Krima“ mit dem Aufkommen der ROA veränderte, geschah dies auch mit der Berichterstattung zu anderen Aspekten von Kollaboration jenseits der Wlassow-Bewegung. Die Zahl solcher Publikationen blieb auch nach dem Aufkommen von Artikeln über die ROA nach wie vor

---

¹ Golos Krima. 1943. Juni-August.

² Bundesarchiv-Militärarchiv (Deutschland). RH 20. Armeeeoberkommandos. Bd. 5: AOK 11. RH 20-11/433. Bl. 31-32.

³ Golos Krima. 1943. № 75. 25.06; № 84. 16.07; № 90. 30.07.

gering. Aber sie folgten einem einheitlichen Muster und waren an der Wlassowthematik ausgerichtet, selbst wenn es um Letten, Esten oder Kosaken ging¹.

Für die Einschätzung der propagandistischen Wirkung von „Golos Krima“ auf die Bevölkerung sind einige Momente zu berücksichtigen. Bei der Lektüre der Erinnerungen von Augenzeugen der Okkupation kann man den Eindruck gewinnen, dass die Zeitung letztlich kein Vertrauen in der Bevölkerung genoss. Dabei ist allerdings zu bedenken, dass die meisten solcher Memoiren nach 1945 verfasst wurden. Während der Besatzungszeit war „Golos Krima“ kein singuläres Phänomen, sondern war als eines der wichtigsten Presseorgane Teil des Systems der nationalsozialistischen Propaganda auf der Halbinsel. Und bis Mitte 1943 funktionierte dieses System ziemlich effizient. Es gelang der Zeitung gemeinsam mit anderen ähnlichen Organen sehr gut, der Bevölkerung der Krim ein Bild von Kollaboration als einer Massenbewegung zu vermitteln. Teilweise entsprach das auch der Realität: in den Jahren 1941-1943 stieg die Zahl der Freiwilligen in den Kollaborationseinheiten kontinuierlich².

Dieser Propagandaeffekt lässt sich sogar in den Memoiren von Krim-Partisanen gut beobachten, denn das Auftauchen der ROA auf dem Territorium der Krim war für die sowjetische militärpolitische Leitung Anlass zu großer Sorge. Und hierfür gabe es gute Gründe. Militärisch betrachtet stellten die Einheiten der ROA keine bedeutende Kraft dar. Selbst großzügige Berechnungen gehen davon aus, dass im Frühling 1944 in den Reihen der ROA höchstens 4 000 Männer standen. Die politisch-propagandistische Bedeutung der ROA auf der Halbinsel war jedoch, wie oben bereits gezeigt, größer als die militärische. Dessen war sich die sowjetische Leitung bewusst und entwickelte eine Reihe entsprechender Maßnahmen, deren Durchführung man Partisanen und Untergrundkämpfern übertrug. Von einer dieser Maßnahmen aus dem Sommer 1943 berichtet der Partisanenkommandeur N. D. Lugowoj in seinen Memoiren. Ihm zufolge verfolgten die Partisanen sehr aktiv den Chefredakteur der

---

¹ Sieh z. B. Golos Krima. 1943. № 35. 22.03; № 39. 31.03; № 51. 01.05.

² GARK. F. P-156. Op. 1. D. 31. L. 96ob, 121; D. 39. L. 53.

„faschistischen Zeitung ‚Golos Krima‘ Bykowitsch“, um ihn mit einer kleinmagnetischen Miene in die Luft zu jagen. Aber erfolglos¹.

Die Mitarbeiter von „Golos Krima“ erfüllten ihre Aufgaben also und die deutschen Mentoren waren bis zu einem bestimmten Moment mit ihnen zufrieden. Ab Herbst 1943 erregte die Zeitung aber Unmut beim Besatzungsregime. Bekanntermaßen kam es in diesem Jahr zu einer Verschlechterung der Lage der Wehrmacht an der Ostfront. Das beeinflusste zwangsläufig auch die gesamte Situation auf der Krim. Es war nicht mehr möglich, Niederlagen zu verheimlichen. Deshalb trauten immer weniger Menschen der deutschen Propaganda. Gleichzeitig kam ab 1943 die Partisanenbewegung wieder in Schwung. Mit Unterstützung vom „großen Land“ schufen die Partisanen und Untergrundkämpfer auf der Krim ein eigenes System der psychologischen Kriegsführung, das dem deutschen kaum nachstand. Daher war der Enthusiasmus der Krimbewohner gegenüber den Maßnahmen der Besatzungsmächte ziemlich schnell erlahmt. In erster Linie wirkte sich das auf die Bildung der Kollaborationseinheiten aus. Der Strom der Freiwilligen war erschöpft. Und mehr noch, es kam zu einer rückläufigen Entwicklung, die Freiwilligen begannen, auf die sowjetische Seite überzulaufen².

Darüber hinaus kam es in der zweiten Hälfte des Jahres 1943 zu einer Reihe von Ereignissen, die die Entwicklungsdynamik der Wlassow-Bewegung im Ganzen beeinflussten. Konkret wurde der ehemalige sowjetische General, nachdem er während einer Rundreise durch die Besatzungsterritorien einige Äußerungen getätigt hatte, die der nationalsozialistischen „Ostpolitik“ zuwiderliefen, de facto unter Hausarrest gestellt. Darüber hinaus wurde ihm verboten, öffentlich aufzutreten³.

Eine der Folgen dieses Ereignisses war, dass die Wlassow-Thematik von den Seiten der Kollaborationspresse verschwand. Im Fall von „Golos Krima“ war das besonders offensichtlich. Wenngleich fast den ganzen Frühling und Sommer 1943 über nahezu in jeder Nummer Materialien über die ROA veröffentlicht wurden, ging bereits ab Herbst

---

¹ Луговой Н. Д. Побратимы. Киев: Политиздат Украины, 1985. С. 315.

² Романько О. В. Крым в период немецкой оккупации. Национальные отношения, коллаборационизм и партизанское движение. 1941–1944. М.: Центрполиграф, 2014. С. 247-250, 254, 294-295, 340-343.

³ Штеенберг С. Генерал Власов. М.: Эксмо, 2005. С. 123-132.

1943 die Anzahl solcher Publikationen stark zurück und das „Eckchen des Freiwilligen“ verschwand ab 13. August komplett¹.

Die Probleme von General Wlassow mit der nationalsozialistischen Führung fanden auf den Seiten von „Golos Krima“ ihren bemerkenswerten Niederschlag. So merkte im Januar 1944 die Propagandazentrale „Krim“ in einem ihrer Berichte an, dass es unter den Krimbewohnern viele Anhänger einer so genannten „dritten Kraft“ gebe, die eine Niederlage Deutschlands und der UdSSR und einen Sieg der Alliierten erwarteten. Der Meinung der Mitarbeiter der Zentrale zufolge konnten Publikationen zu diesem Thema in „Golos Krima“ die „Angst vor Rückkehr der Bolschewiken“ mindern².

Letztendlich führten diese Befürchtungen dazu, dass die Wlassow-Bewegung auf der Krim zum Erliegen kam, und zwar im Februar 1944, noch bevor die Halbinsel vollkommen befreit wurde. Trotzdem nutzte man das Thema der ROA zwecks Propaganda auch noch im Jahr 1944. In der letzten Zeit der Okkupation bis Anfang April veröffentlichte „Golos Krima“ acht Publikationen, in denen diese Armee erwähnt wurde. Die letzte Veröffentlichung war ein Gedicht von N. Sarantscha mit dem Titel „An die Kämpfer der ROA“. Die Zeitung veröffentlichte dieses Gedicht eine Woche vor Beginn der sowjetischen Offensive³.

Im Laufe des Jahres 1943 verschwanden zusammen mit dem Thema der ROA auch Materialien über andere Formen von Kriegskollaborationen faktisch vollständig. Und die wenigen, die noch veröffentlicht wurden, ähnelten den Beiträgen aus den Jahren 1941-1942, in denen es um ein „freundliches Miteinander der Freiwilligen des Ostens mit der deutschen Armee“ ging⁴.

Zusammenfassend lässt sich feststellen, dass das Problem der Kriegskollaborationen auf den Seiten der Okkupationszeitung „Golos Krima“ eine signifikante Rolle spielte. Dies aber erst ab dem Frühjahr 1943. Bis dahin spielte es in der Propagandastrategie, die die Nationalsozialisten auf der Krim verfolgt hatten, eine untergeordnete Rolle und es gab keine klare Leitlinie der Berichterstattung. Diese Situation

---

¹ Golos Krima. 1943. № 96. 13.08.

² GARK. F. P-156. Op. 1. D. 26. L. 25, 34.

³ Golos Krima. 1944. № 41. 2.04.

⁴ Golos Krima. 1944. № 35. 19.03.

änderte sich grundlegend, nachdem auf den Seiten von „Golos Krima“ Beiträge zum Thema der Wlassow-Bewegung und der ROA erschienen waren.

Dies stand im Zusammenhang sowohl mit der Aufwertung dieses Themas durch die Nationalsozialisten im Allgemeinen als auch mit ganz speziellen auf die Situation der Krim bezogenen Aspekten, nämlich der Anpassung der deutschen Nationalitätenpolitik auf der Halbinsel. Deshalb war vom März bis zum September 1943 die Zeitung „Golos Krima“ de facto ein Presseorgan der Wlassow-Bewegung – ein außerordentlicher Fall in der Regionalpresse. Und ihre Beiträge zum Thema der Kriegskollaborationen waren ein äußerst effizientes Mittel der psychologischen einflussung der Krimbewohner und zur Intensivierung der Kriegskollaboration. Ab Spätherbst 1943 erlahmte der Enthusiasmus der Bevölkerung gegenüber der ROA dennoch. Dies hatte verschiedene Gründe: radikaler Umbruch an der Ostfront, Aktivitäten der Krim-Partisanen und Untergrundkämpfer etc.

Darüber hinaus spielten die Ängste der Nazis eine große Rolle, „Golos Krima“ und die örtliche ROA könnten eine Plattform bilden, auf der sich die Ideen der sog. „dritten Kraft“ entwickeln könnten. Dies alles führte dazu, dass zu Beginn des Jahres 1944 das Problem der Kriegskollaboration bei „Golos Krima“ wieder abgewertet und weniger systematisch verfolgt wurde, so wie bereits im ersten Besatzungsjahr. Aber dies war nicht mehr von der Bedeutung.

Das nationalsozialistische Propagandaschema auf der Halbinsel war de facto zerstört, die Bevölkerung traute den Erklärungen im Allgemeinen oder einzelnen Organen wie „Golos Krima“ nicht mehr.

Literaturverzeichnis:

1. Луговой Н. Д. Побратимы. Киев: Политиздат Украины, 1985.
2. Романько О. В. Крым в период немецкой оккупации. Национальные отношения, коллаборационизм и партизанское движение. 1941-1944. М.: Центрполиграф, 2014.
3. Романько О. В. Нацистская пропаганда в оккупированном Крыму (1942-1944): органы и формы деятельности // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Общественные и гуманитарные науки. 2015. № 5.

4. Штеенберг С. Генерал Власов. М.: Эксмо, 2005.

Биссманн Д., Берлин

ОПЕРАЦИЯ «ЦЕППЕЛИН»: СОВЕТСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ И СОТРУДНИКИ СЛУЖБЫ БЕЗОПАСНОСТИ (СД)

Аннотация: Операция «Цеппелин» представляла собой масштабную акцию с целью разложения Советского Союза методами военной разведки. Организатором операции являлось Главное управление имперской безопасности, начало реализации «Цеппелина» пришлось на конец 1941 – начало 1942 гг. Советские военнопленные служили для немецкой стороны важнейшим человеческим ресурсом, призванным обеспечить успех этого специфического предприятия. Операция «Цеппелин» освещается в настоящем докладе, после общего введения в тему, из перспективы истории знаний (Wissensgeschichte).

Ключевые слова: разведка, советские военнопленные, Главное управление имперской безопасности, Служба безопасности (СД), история знаний, перевод.

Что представляла собой операция «Цеппелин»? Под кодовым именем «Цеппелин» скрывалась, начиная с конца 1941 – начала 1942 гг., широкомасштабная операция, целью которой было разрушение Советского Союза средствами военной разведки. В качестве первого шага уполномоченные Главного управления имперской безопасности (РСХА), нацистской спецслужбы, которая сыграла главную роль в организации Холокоста и массовых убийств, провели в октябре 1941 г. первую систематическую «опросную акцию» среди советских военнопленных. Сведения социального, культурного и, в первую очередь, экономического свойства, полученные в результате этих опросов, укрепили немецкую сторону в ее предположении, что Советский Союз в состоянии вынести экономические тяготы войны с национал-социалистическим государством. Следова-

тельно, его можно было вывести из строя лишь средствами военной разведки, такими как шпионаж, саботаж и подрывная деятельность. В марте 1942 г. начался отбор советских военнопленных в качестве агентов «предприятия “Цеппелин”». Отобранных кандидатов размещали в так называемых «особлагах» (Sonderlagern), где они получали разведывательную подготовку и подвергались идеологической обработке. Жизненные условия в этих лагерях, то есть размещение, снабжение, а также обращение с пленными со стороны немцев, лишь отчасти отличались от условий в общих лагерях, и все же, как правило, были значительно лучше. Тем не менее, положение бывших советских солдат, оказавшихся в «особлагах», оставалось в высшей степени опасным и щекотливым. Это было справедливо как для меньшинства военнопленных, которые действительно были задействованы в подрывных акциях на территории СССР и позднее в своем большинстве арестованы органами советской военной контрразведки, так и для множества рекрутированных, которые по различным причинам не использовались в качестве агентов и, в случае, если они пережили войну, были репатриированы и осуждены как немецкие агенты и «изменники Родины».

Результаты операции, с точки зрения организаторов «Цеппелина», далеко не отвечали амбициозным целям разложения СССР изнутри, что послужило в течение войны причиной неоднократных реорганизаций. Значение «Цеппелина» в первую очередь заключалось в том, что он выступил как обширное экспериментальное и опытное поле для других разведывательных целей, а также как форма кооперации с советскими военнопленными, выходящая за рамки подготовки агентов. Так, например, организаторы «Цеппелина» и после октября 1941 г. систематически проводили опросы среди военнопленных с целью получения разведывательной информации. Наряду с этим под эгидой предприятия «Цеппелин» было создано большое число военных подразделений и политических организаций, которые были призваны сыграть важную роль в борьбе с партизанами и проведе-

нии различных национал-социалистических мероприятий мобилизационного плана¹.

Операция «Цепелин» из перспективы транснациональной истории знаний. История знаний, предметом изучения которой в том числе выступает то, что знали акторы или во что они верили, является инструментом, способным значительно обогатить как наше знание о «предприятии “Цепелин”», так и выявить новые формы сотрудничества между советскими военнопленными и немецкими акторами². Здесь мы должны принять во внимание три аспекта:

1) *Образы чужого и проекции Советского Союза как «немецкое знание».* Уже сами планы создания «предприятия “Цепелин”» основывались на определенных проекциях, таких как восприятие Советского Союза в качестве уязвимого «колосса на глиняных ногах» по причине его мультинационального характера. Само организационное оформление, образ функционирования и задачи «Цепелина» можно трактовать как манифестацию немецкого знания и дискурса на тему «Востока». Ключевыми факторами, которые оказывали воздействие на формирование этого знания, являлись не только расовая идеология, геополитика и обращение к псевдонаучной «народной пси-

---

¹ См.: более подробно об операции «Цепелин»: ВIMMANN DANIEL: ‚Ostexperten‘ und ‚Aktivisten‘ im Reichssicherheitshauptamt. Biographische Studien zu Nachrichtendienst und Gewalt zwischen Deutschland und der Sowjetunion, диссертация на соискание ученой степени PHD, Берлинский университет им. Гумбольдта, 2016 (готовится к публикации). См. также, более ранние публикации немецких и российских авторов, которые отчасти, к сожалению, либо слишком беглые, либо страдают описательностью: MALLMANN, KLAUS-MICHAEL: Der Krieg im Dunkeln. Das Unternehmen „Zeppelin“ 1942–1945 // WILDT, MICHAEL (Hg.): Nachrichtendienst, politische Elite und Mordeinheit. Der Sicherheitsdienst des Reichsführers SS. Hamburg, 2003. S. 324–346; Чуев С. Г. Спецслужбы Третьего Рейха. Кн. 1–2. СПб., 2003; Макаров В. Г. Поручик СД Николай Рутченко-Рутыч и его непредсказуемое прошлое // Родина. Российский исторический журнал. 2007. № 3. С. 83–87; Макаров В., Христофоров В. «Загадка» для «Цепелина» // Родина. Российский исторический журнал. 2007. № 5. С. 81–88.

² Характеристику места, которое история знаний занимает в соотношении с историей науки, социальной или культурной историей, см.: SARASIN PHILIPP. Was ist Wissensgeschichte? // Internationales Archiv für Sozialgeschichte der Deutschen Literatur 36 (2011). Nr. 1. S. 159–172. Кроме того, см. LÄSSIG, SIMONE. The History of Knowledge and the Expansion of the Historical Research Agenda. Bulletin of the German Historical Institute 2016. S. 29–58.

хологии», но также и амбивалентность, которая, например, в случае с советскими военнопленными выражалась в приписывании им тех качеств, которые хотела видеть немецкая сторона. Представления о Советском Союзе, которые в ходе войны неоднократно менялись и дифференцировались, наложили существенный отпечаток на немецкие планы и образ действий. Так, например, отбор советских военнопленных для участия в операции «Цеппелин» в значительной мере характеризовался фиксацией на антисоветском нарративе. Предпочтение оказывалось тем из военнопленных, кто называл себя жертвой сталинского режима. При этом те, кто рассказывал о большевистском терроре, нередко надеялись таким образом завоевать доверие немецкой стороны, которая охотно верила тому, что подтверждало ее собственные представления. Предпочтения немецкой стороны, как правило, не были тайной для советских военнопленных и те из них, кто пытался спастись от голода и смерти в концлагере любой ценой, использовали это знание, чтобы попасть в ряды участников «предприятия “Цеппелин”»¹.

2) *Авторы как носители знания и его производители.* Знание советских военнопленных как носителей знаний хорошо осознавалось обеими сторонами – как немецкой, так и советской: уполномоченные «Цеппелина», учитывая скудность других источников, рассматривали военнопленных как важнейших информантов, тем более что их количество было огромным. Опросы военнопленных в качестве одного из главных направлений деятельности «предприятия “Цеппелин”» вплоть до конца войны подвергались дальнейшей институционализации и становились все более профессиональными. Во время репатриации в Советский Союз в конце войны стало ясно, что советские органы также нуждались в знаниях советских военнопленных, при

---

¹ Что касается довоенного времени, то представления немцев о России, во всей их противоречивости, к настоящему времени исследованы сравнительно хорошо. См.: CASTEEL JAMES E. *Russia in the German Global Imaginary. Imperial Visions and Utopian Desires 1905–1941.* Pittsburgh 2016. Ряд основополагающих соображений в отношении представлений о самих себе и об образах чужого высказал Йорг Баберовски. См.: BABEROWSKI JÖRG: *Einleitung // DERS KÄELBLE, HARTMUT SCHRIEWER, JÜRGEN (Hg.). Selbstbilder und Fremdbilder. Repräsentation sozialer Ordnungen im Wandel.* Frankfurt am Main u. a., 2008. S. 9–13.

этом они зачастую боялись их неконтролируемого распространения. Для советской военной контрразведки СМЕРШ, а также для органов следствия допросы или, соответственно, показания военнопленных, не в последнюю очередь бывших участников «Цепелина», являлись главным источником сведений, а обращение «органов» с полученной информацией в существенной мере диктовалось собственными интересами советских спецслужб. В условиях конца войны, когда советским контрразведчикам как никогда требовалось продемонстрировать начальству свои успехи и свою необходимость, «предприятие “Цепелин”» служило смершевцам как доказательство, оправдывавшее их существование и как противник, чей потенциал угрозы сознательно завышался. Это делалось смершевцами и для того, чтобы обосновать свои методы работы, помешать сокращению государственных ассигнований и оправдать жесткое проведение репатриации. Органы советской юстиции в послевоенное время зачастую обосновывали выдвинутые обвинения и вынесенные приговоры исключительно на основании показаний бывших военнопленных, которые под давлением следствия, угрозы насилия и лагерного срока давали показания друг на друга, тем самым запуская цепную реакцию расследований и наказаний в отношении других репатриантов¹.

3) *Национал-социалистическая Германия и Советский Союз: перевод знания.* Чтобы понимать другой культурный контекст и уметь в нем ориентироваться, необходимо сначала «перевести» чужое знание, причем в ходе перевода постоянно происходит трансформация, в итоге в известной мере возникает «новое» знание. Это также справедливо для операции «Цепелин», представлявшей собой уникальную зону немецко-советского контакта. Без языкового посредничества большинство действующих лиц «Цепелина» вообще не смогли бы вступить в контакт друг с другом, так как большая часть советских военнопленных, привлеченных к участию в «Цепелине»,

---

¹ По поводу тезисов, сформулированных выше, см.: ВІВМАНН. „Ostexperten“. Что касается деятельности органов советской юстиции, см. в том числе: Звягинцев В. Е. Война на весах Фемиды. Война 1941–1945 гг. в материалах следственно-судебных дел. М., 2006.

не говорила по-немецки, а начальство немецких лагерей и уполномоченные сотрудники «Цепелина» были не в состоянии, донести информацию до военнопленных на русском или каком-либо другом языке, кроме немецкого. В результате точкой пересечения практически всегда становился переводчик или знаток чужого языка, от которого зависело многое. Ведь переводчики не ограничивались только механическим переводом. Так, например, в ходе пропагандистской обработки и мобилизации советских военнопленных, отобранных для «Цепелина», переводчикам необходимо было найти соответствия в чужом языке для описания культурных и социальных практик или концептов и знаний, зачастую серьезно «нагруженных» идеологически¹.

Литература:

1. Baberowski Jörg. Einleitung // Ders Kaelble, Hartmut Schriewer, Jürgen (Hg.). Selbstbilder und Fremdbilder. Repräsentation sozialer Ordnungen im Wandel. Frankfurt am Main u. a., 2008.

2. Bißmann Daniel. ‚Ostexperten‘ und ‚Aktivisten‘ im Reichssicherheitshauptamt. Biographische Studien zu Nachrichtendienst und Gewalt zwischen Deutschland und der Sowjetunion, phil. Diss., Humboldt-Universität zu. Berlin, 2016. (готовиться к печати).

3. Casteel James E. Russia in the German Global Imaginary. Imperial Visions and Utopian Desires 1905–1941. Pittsburgh, 2016.

4. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне / Под редакцией В. В. Коровина. Т. 5. Кн. 2. Границы СССР восстановлены, 1 июля – 31 декабря 1944 г. М., 2007.

5. Lässig Simone. The History of Knowledge and the Expansion of the Historical Research Agenda. Bulletin of the German Historical Institute, 2016.

---

¹ О переводе как проблемной области исторической науки см.: LÄSSIG, SIMONE: Übersetzungen in der Geschichte – Geschichte als Übersetzung? Überlegungen zu einem analytischen Konzept und Forschungsgegenstand für die Geschichtswissenschaft // GG 38 (2012). H. 2. S. 189–216.

6. Lässig Simone. Übersetzungen in der Geschichte – Geschichte als Übersetzung? Überlegungen zu einem analytischen Konzept und Forschungsgegenstand für die Geschichtswissenschaft // GG 38 (2012). H. 2.

7. Макаров В. Г. Поручик СД Николай Рутченко-Рутыч и его непредсказуемое прошлое // Родина. Российский исторический журнал. 2007. № 3.

8. Макаров В., Христофоров В. «Загадка» для «Цеппелина» // Родина. Российский исторический журнал. 2007. № 5.

9. Mallmann Klaus-Michael. Der Krieg im Dunkeln. Das Unternehmen „Zeppelin“ 1942–1945, in: Wildt Michael (Hg.). Nachrichtendienst, politische Elite und Mordeinheit. Der Sicherheitsdienst des Reichsführers SS. Hamburg, 2003.

10. Sarasin Philipp. Was ist Wissensgeschichte?, in: Internationales Archiv für Sozialgeschichte der Deutschen Literatur 36 (2011). Nr. 1.

11. Чуев С. Г. Спецслужбы Третьего Рейха. Кн. 1–2. СПб., 2003.

12. Звягинцев В. Е. Война на весах Фемиды. Война 1941–1945 гг. в материалах следственно-судебных дел. М., 2006.

Bißmann D., Berlin

SOWJETISCHE KRIEGSGEFANGENE UND DEUTSCHE SD IM "UNTERNEHMEN ZEPPELIN"

Abstract: Das Unternehmen ‚Zeppelin‘ war eine vom Reichssicherheitshauptamt an der Jahreswende 1941/1942 ins Leben gerufene Großoperation mit dem Ziel einer nachrichtendienstlichen Zersetzung der Sowjetunion. Sowjetische Kriegsgefangene dienten den deutschen Initiatoren dabei als wichtigste Personalressource für dieses Sonderunternehmen. Der Beitrag beleuchtet nach einer allgemeinen Einführung das Unternehmen ‚Zeppelin‘ aus Perspektive einer Wissensgeschichte.

Schlagwörter: Nachrichtendienst, sowjetische Kriegsgefangene, Reichssicherheitshauptamt, Sicherheitsdienst (SD), Wissensgeschichte, Übersetzung.

Was war das Unternehmen ‚Zeppelin‘? Unter dem Decknamen Unternehmen ‚Zeppelin‘ verbarg sich seit der Jahreswende 1941/42 eine organisatorisch weit gespannte Großoperation zur Zersetzung der Sowjetunion mit Mitteln des Nachrichtendienstes. Im Oktober 1941 hatten zunächst Beauftragte des Reichssicherheitshauptamtes (RSHA), das auch eine zentrale Rolle bei Holocaust und Massenmord spielte, eine erste systematische ‚Befragungsaktion‘ unter sowjetischen Kriegsgefangenen in deutschem Gewahrsam durchgeführt. Durch die so gewonnenen Angaben zu sozialen, kulturellen und vor allem wirtschaftlichen Aspekten der Sowjetunion sah man sich in der Annahme bestärkt, dass die Sowjetunion die Kraftanstrengung des Krieges gegen den NS-Staat ökonomisch durchhalten werde und lediglich mit nachrichtendienstlichen Methoden wie Spionage, Sabotage und Zersetzung aus dem Takt zu bringen sei. Im März 1942 begann die Auswahl von Kriegsgefangenen als Agenten für das Unternehmen ‚Zeppelin‘, die in verschiedenen Sonderlagern meist nachrichtendienstlich ausgebildet und propagandistisch beeinflusst wurden. Die Lebensbedingungen, also die Unterbringung, Versorgung und auch Behandlung durch die deutschen Verantwortlichen, unterschieden sich in diesen Lagern zum Teil, waren in der Regel aber signifikant besser als in den Kriegsgefangenenlagern. Gleichwohl blieb die Lage für die ausgewählten ehemaligen sowjetischen Soldaten in höchstem Maße prekär und gefährlich, was sowohl für die Minderheit unter ihnen gilt, die in der Sowjetunion tatsächlich zum Einsatz gelangen sollte und zumeist später von der sowjetischen Gegenspionage verhaftet bzw. von der Justiz verurteilt wurde, als auch für die zahlreichen Rekrutierten, die aus verschiedenen Gründen nicht eingesetzt worden waren und, sofern sie den Krieg überlebt hatten, repatriiert sowie meist als Agenten oder ‚Vaterlandsverräter‘ abgestraft wurden.

Die Ergebnisse der Operation blieben aus Sicht der ‚Zeppelin‘-Organisatoren stets weit hinter dem hoch gesteckten Ziel, die Sowjetunion von innen heraus zu zersetzen, zurück, was im Laufe des Krieges mehrfach zu einer Reorganisation führte. Von Bedeutung war das Unternehmen eher als umfangreiches Experimentier- und Testfeld für andere nachrichtendienstliche Belange und Formen der Kooperation mit sowjetischen Kriegsgefangenen, die über den Agenteneinsatz hinausgingen. So wurden z. B. durch die

Beauftragten der Operation auch nach Oktober 1941 systematisch Kriegsgefangenenbefragungen zur Nachrichtengewinnung durchgeführt. Daneben entstand unter Ägide des Unternehmens ‚Zeppelin‘ eine große Zahl von militärischen Einheiten und politischen Organisationen, die im Partisanenkampf und der NS-Mobilisierung eine wichtige Rolle spielen sollten.¹

Das Unternehmen ‚Zeppelin‘ aus Perspektive transnationaler Wissensgeschichte. Eine Wissensgeschichte, die sich unter anderem auch mit dem auseinandersetzt, was die Akteure wussten bzw. zu wissen glaubten oder vermuteten, verspricht eine bereichernde Perspektive auf das Unternehmen ‚Zeppelin‘ sowie auch andere Erscheinungsformen der Zusammenarbeit zwischen sowjetischen Kriegsgefangenen und deutschen Akteuren zu bieten.² Hier sollen drei Aspekte berücksichtigt werden:

1) *Fremdbilder und Entwürfe von der Sowjetunion als „deutsches Wissen“.* Bereits die Pläne zur Entstehung des Unternehmens ‚Zeppelin‘ basierten auf bestimmten Projektionen, die z. B. den Staatsverband der Sowjetunion angesichts seines multinationalen Gepräges als fragilen „Koloss auf tönernen Füßen“ entwarfen.

---

¹ Vgl. jetzt zum Unternehmen ‚Zeppelin‘ BIBMANN DANIEL ‚Ostexperten‘ und ‚Aktivisten‘ im Reichssicherheitshauptamt. Biographische Studien zu Nachrichtendienst und Gewalt zwischen Deutschland und der Sowjetunion, phil. Diss., Humboldt-Universität zu Berlin, 2016 (Publikation in Vorbereitung). S. 244–526. Vgl. auch die bisherigen deutsch- und russischsprachigen Arbeiten, die zum Teil aber kursorisch oder rein deskriptiv sind, u. a. MALLMANN, KLAUS-MICHAEL: Der Krieg im Dunkeln. Das Unternehmen „Zeppelin“ 1942–1945, in: WILDT MICHAEL (Hg.). Nachrichtendienst, politische Elite und Mordeinheit. Der Sicherheitsdienst des Reichsführers SS, Hamburger Edition. Hamburg, 2003. S. 324–346; ČUEV SERGEJ G.: Specslužby Tret’ego Rejcha, Kniga 2, Izdatel’skij dom "Neva". Sankt-Peterburg, 2003. S. 172–221; MAKAROV VLADIMIR G. Poručik SD Nikolaj Rutčenko-Rutyč i ego nepredskazuemoe prošloe, in: Rodina. Rossijskij istoričeskij žurnal, FGBU Redakcija „Rossijskoj gazety“, 2007. H. 3. S. 83–87; MAKAROV VLADIMIR G. CHRISTOFOROV VASILIJ. „Zagadka“ dlja „Ceppelina“, in: Rodina. Rossijskij istoričeskij žurnal, FGBU Redakcija „Rossijskoj gazety“, 2007. H. 5. S. 81–88.

² Eine Verortung der Wissensgeschichte – auch im Verhältnis zu Wissenschafts-, Sozial- oder Kulturgeschichte – findet man bei SARASIN, PHILIPP: Was ist Wissensgeschichte?, in: Internationales Archiv für Sozialgeschichte der Deutschen Literatur 36 (2011, De Gruyter). Nr. 1. S. 159–172. Vgl. außerdem LÄSSIG, SIMONE: The History of Knowledge and the Expansion of the Historical Research Agenda. Bulletin of the German Historical Institute 2016. S. 29–58.

Die organisatorische Ausgestaltung, Funktionsweise und Agenda des Unternehmens ‚Zeppelin‘ können auch als Manifestationen des Wissens und der Diskurse über den ‚Osten‘ verstanden werden. Zu den zentralen Einflüssen dieses Wissens gehörten nicht nur Rassenideologie, Geopolitik und Rückgriffe auf eine pseudowissenschaftliche Völkerpsychologie, sondern auch Ambivalenzen, die z. B. gegenüber sowjetischen Kriegsgefangenen mitunter auch in pauschal positiven Zuschreibungen zum Ausdruck kommen konnten. Die Vorstellungen von der Sowjetunion, die sich im Laufe des Krieges durchaus auch veränderten und ausdifferenzierten, prägten das deutsche Planen und Vorgehen wesentlich: So war z. B. die Auswahl der sowjetischen Kriegsgefangenen für die Operation in hohem Maße von einer Fixierung auf antisowjetische Narrative gekennzeichnet. Jene unter ihnen, die sich als Opfer Stalins zu erkennen gaben, erhielten oft den Vorzug. Dabei hoffte, wer vom Terror berichtete, nicht selten darauf, das Vertrauen der deutschen Seite zu gewinnen, glaubte diese doch gerne, was ihre Vorstellungen bestätigte. Die Präferenzen der deutschen Seite waren den sowjetischen Kriegsgefangenen häufig nicht verborgen geblieben und ebneten vielen von ihnen den Weg in das Unternehmen, die dem Hunger und der existentiellen Bedrohung im Kriegsgefangenenlager zu entkommen suchten.¹

2) *Die Akteure als Wissensträger bzw. –produzenten.* Die Bedeutung der sowjetischen Kriegsgefangenen als Wissensträger wurde von beiden Seiten – der deutschen wie auch der sowjetischen – erkannt: Den Beauftragten des Unternehmens ‚Zeppelin‘ galten sie vor allem in Ermangelung anderer Quellen als wichtigste Informanten über die Sowjetunion, auf die man zugleich in großer Zahl Zugriff hatte. Die Kriegsgefangenenbefragungen wurden als ein Schwerpunkt des Unternehmens daher bis zum Ende des Krieges immer weiter institutionalisiert und auch professionalisiert. Während der Repatriierungen in die Sowjetunion bei Ende des Krieges wurde

---

¹ Für die Vorkriegszeit sind die deutschen Russlandvorstellungen auch in ihren Ambivalenzen inzwischen vergleichsweise gut erforscht. Vgl. CASTEEL JAMES E. *Russia in the German Global Imaginary. Imperial Visions and Utopian Desires 1905–1941.* Pittsburgh, 2016. S. 19–174. Einige grundsätzliche Überlegungen zu Selbst- und Fremdbildern bietet z. B. BABEROWSKI JÖRG. Einleitung, in: DERS/KAELBLE, HARTMUT/SCHRIEWER, JÜRGEN (Hg.). *Selbstbilder und Fremdbilder. Repräsentation sozialer Ordnungen im Wandel,* Campus. Frankfurt am Main u. a., 2008. S. 9–13.

zudem deutlich, dass auch die sowjetischen Behörden das Wissen der ehemaligen sowjetischen Kriegsgefangenen benötigten bzw. dessen unkontrollierte Verbreitung sogar fürchteten. Für die sowjetische Spionageabwehr und die Ermittlungsbehörden waren die Verhöre bzw. die Aussagen der Kriegsgefangenen, darunter nicht zuletzt die der ehemaligen ‚Zeppelin‘-Angehörigen, eine zentrale Quelle, der Umgang der ‚Organe‘ mit diesen Kenntnissen in hohem Maße interessengeleitet: So diente das Unternehmen ‚Zeppelin‘ der sowjetischen Gegenspionage unter dem Erfolgs- und Legitimationsdruck des Krieges als Rechtfertigungsvehikel, als Gegner, dessen Bedrohungspotential man bewusst überbetonte, so z. B. wenn es darum ging, die eigene Arbeitsweise zu begründen, Ressourcenabzug zu verhindern oder später eine harte Linie bei der Repatriierung zu rechtfertigen. Die Justiz stützte viele ihrer Nachkriegsanklagen und –urteile häufig allein auf Aussagen von ehemaligen Gefangenen, die sich unter dem Druck der Ermittlungen und im Angesicht der Androhung von Gewalt und Lagerhaft gegenseitig belasteten und damit eine Kettenreaktion von Ermittlung und Bestrafung unter den übrigen Repatrianten in Gang setzten¹.

3) *Übersetzung von Wissen zwischen NS-Staat und Sowjetunion.* Um in einem anderen kulturellen Kontext verständlich und anschlussfähig zu sein, muss ‚fremdes‘ Wissen zunächst übersetzt werden, wobei bei der Übersetzung stets eine Umformung erfolgt, also gewissermaßen ‚neues‘ Wissen entsteht. Dies galt auch für die Tätigkeit im Unternehmen ‚Zeppelin‘, das eine eigenartige deutsch-sowjetische Kontaktzone bildete. Ohne sprachliche Vermittlungsprozesse konnten die meisten Akteure dort gar nicht miteinander in Kontakt treten, denn weder beherrschte der Großteil der ausgewählten sowjetischen Kriegsgefangenen Deutsch noch waren alle deutschen Lagerleiter und Beauftragten des Unternehmens in der Lage, sich diesen auf Russisch oder in einer anderen Sprache mitzuteilen. Die Schnittstelle bildete fast immer ein Dolmetscher

---

¹ Vgl. zu den oben formulierten Thesen BIBMANN: ‚Ostexperten‘. S. 460–474 u. 525f. Vgl. beispielhaft zur Verurteilung einiger hochrangiger ‚Zeppelin‘-Angehöriger durch die sowjetische Justiz ZVJAGINCEV, VJAČESLAV E. *Vojna na vesach femidy. Vojna 1941–1945 gg. v materialach sledstvenno-sudebnych del, „Izdatel’skie rešenija“*. Moskva, 2006. S. 709ff. u. 715 Anm. 1.

oder ein Sprachkundiger, von dem nicht wenig abhing. Denn die Übersetzungen beschränkten sich nicht auf eine schlichte Übertragung der Begriffe. So mussten zum Beispiel während der propagandistischen Mobilisierung und Ausbildung der ausgewählten Kriegsgefangenen im Unternehmen ‚Zeppelin‘ für kulturelle und soziale Praktiken oder für – oft ideologisch stark aufgeladene – Wissensordnungen und Konzepte Entsprechungen in der jeweils anderen Sprache gefunden werden.¹

Literaturverzeichnis:

1. Baberowski Jörg. Einleitung // Ders Kaelble, Hartmut Schriewer, Jürgen (Hg.). Selbstbilder und Fremdbilder. Repräsentation sozialer Ordnungen im Wandel. Frankfurt am Main u. a., 2008.

2. Bißmann Daniel. ‚Ostexperten‘ und ‚Aktivisten‘ im Reichssicherheitshauptamt. Biographische Studien zu Nachrichtendienst und Gewalt zwischen Deutschland und der Sowjetunion, phil. Diss., Humboldt-Universität zu. Berlin, 2016. (готовиться к печати).

3. Casteel James E. Russia in the German Global Imaginary. Imperial Visions and Utopian Desires 1905–1941. Pittsburgh, 2016.

4. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне / Под редакцией В. В. Коровина. Т. 5. Кн. 2. Границы СССР восстановлены, 1 июля – 31 декабря 1944 г. М., 2007.

5. Lässig Simone. The History of Knowledge and the Expansion of the Historical Research Agenda. Bulletin of the German Historical Institute, 2016.

6. Lässig Simone. Übersetzungen in der Geschichte – Geschichte als Übersetzung? Überlegungen zu einem analytischen Konzept und Forschungsgegenstand für die Geschichtswissenschaft // GG 38 (2012). H. 2.

---

¹ Instruktiv im Hinblick auf Übersetzungen als Problem der Geschichtswissenschaft LÄSSIG, SIMONE: Übersetzungen in der Geschichte – Geschichte als Übersetzung? Überlegungen zu einem analytischen Konzept und Forschungsgegenstand für die Geschichtswissenschaft, in: Geschichte und Gesellschaft 38 (2012, Vandenhoeck & Ruprecht). H. 2. S. 189–216.

7. Макаров В. Г. Поручик СД Николай Рутченко–Рутыч и его непредсказуемое прошлое // Родина. Российский исторический журнал. 2007. № 3.

8. Макаров В., Христофоров В. «Загадка» для «Цеппелина» // Родина. Российский исторический журнал. 2007. № 5.

9. Mallmann Klaus–Michael. Der Krieg im Dunkeln. Das Unternehmen „Zeppelin“ 1942–1945, in: Wildt Michael (Hg.). Nachrichtendienst, politische Elite und Mordeinheit. Der Sicherheitsdienst des Reichsführers SS. Hamburg, 2003.

10. Sarasin Philipp. Was ist Wissensgeschichte?, in: Internationales Archiv für Sozialgeschichte der Deutschen Literatur 36 (2011). Nr. 1.

11. Чуев С. Г. Спецслужбы Третьего Рейха. Кн. 1–2. СПб., 2003.

12. Звягинцев В. Е. Война на весах Фемиды. Война 1941–1945 гг. в материалах следственно-судебных дел. М., 2006.

ЛЮДИ И СУДЬБЫ

MENSCHEN UND SCHICKSALE

Ландау Ю., Веймар

СОВЕТСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В БУХЕНВАЛЬДЕ: СУДЬБЫ И ВОСПОМИНАНИЯ

Аннотация: Статья посвящена формированию официального советского нарратива о Бухенвальде во второй половине 1940-х – 1950-е гг., которому была свойственна героизация лагерного опыта узников и акцент на вооруженном сопротивлении. К такому выводу автор приходит в результате анализа доминирующих интерпретаций лагерной истории на разных исторических отрезках, как в ходе репрессий в отношении бывших узников Бухенвальда из числа советских и немецких граждан, так и их последующей реабилитации.

Ключевые слова: Бухенвальд, советские военнопленные, немецкие коммунисты, подполье, героизм, страдание, сопротивление, воспоминания, нарратив.

Память о Бухенвальде имеет для (бывших) советских граждан совершенно определенное звучание: она неразрывно связано с песней «Бухенвальдский набат», которая относилась к песням, наиболее часто передававшимся по советскому радио. Напомню лишь первые строки:

Люди мира, на минуту встаньте! / Слушайте, слушайте: /
Гудит со всех сторон –

Это раздаётся в Бухенвальде / Колокольный звон, / Колокольный звон.

Это возродилась и окрепла / В медном гуле праведная кровь. / Это жертвы ожили из пепла / И восстали вновь, / И восстали вновь, / И восстали, и восстали, / И восстали вновь! / И восстали, и восстали, / И восстали вновь!

В то время, как автор музыки Ваню Мурадели официально зачастую назывался единственным создателем песни, собствен-

но автор текста оставался долгое время забытым – Александр (Исаак) Владимирович Соболев (1915–1986), советский «рабочий-поэт» еврейского происхождения, которому власть долгое время отказывала в признании по причине его происхождения, стал известен только после смерти, в 1997 г., благодаря статье Марины Катус в журнале «Огонек». Полная лакуна истории возникновения этой героической песни, сыгравшей важную и чрезвычайно показательную роль для формирования популярной культуры памяти о войне, указывает также на проблемные места воспоминаний о Бухенвальде. Попытки героизации лагерного опыта и борьбы узников лагерей соседствовали здесь с элиминацией нежелательных аспектов воспоминаний.

Стихотворение «Бухенвальдский набат» было написано непосредственно сразу же после сооружения «Национального мемориального комплекса Бухенвальд»: в 1954–1958 гг. на холме Эттерсберг в память о жертвах, погибших в концентрационном лагере, был воздвигнут монументальный памятник. Устройство мемориального комплекса следовало дидактическому концепту: посетитель идет по дороге, усеянной стелами, на которых рельефно изображена семилетняя история лагеря. Эта дорога ведет вниз к трем массовым захоронениям. В природной ложбине Эттерсберга эсэсовцы зарыли в последние месяцы войны пепел около трех тысяч убитых узников. От этих трех захоронений, известных как «кольцевые могилы», посетитель поднимается к пятидесятиметровой звоннице в античном стиле, перед которой скульптор Фриц Гремер изваял группу фигур, призванных выражать страдание и волю узников к сопротивлению. Колокольная башня, выстроенная в 1958 г., как и ее колокол, видны и слышны издалека.

Стихотворение, равно как и песня¹ в драматическом музыкальном исполнении, отображают замысел архитектора ме-

---

¹ Стихотворение сначала было отклонено «Правдой» и в первый раз опубликовано в газете «Труд» в сентябре 1958 г. Всемирную известность приобрело в 1959 г. (в версии, положенной на музыку Ваню Мурадели) во время Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Вене, после исполнения студентами Уральского государственного университета. См.: Немировская Д. Бухенвальдский набат. Об истории создания и авторе. <http://www.stihi.ru/2015/07/03/6495> [20.09.2018].

мориала: после того, как посетитель спускается по дороге со стелами к могилам, в которых погребен пепел тысяч заключенных, он вновь поднимается вверх к величественной звоннице. Как и в тексте песни, «медный гул» напоминал о пролитой «праведной крови», жертвы восставали из пепла и возвращались в жизнь. Песня восьмикратно заклинала: они восстали. Прометеевский мотив мемориального комплекса и стихотворения Соболева задавали тон для героического лагерного нарратива и канонизированного воспоминания, подкрепленного архитектурой и колокольным набатом.

После короткого введения в проблематику подпольной организации советских военнопленных в лагере, я подвергаю здесь рассмотрению доминирующие интерпретации лагерной истории, возникшие на разных исторических отрезках. При этом я сначала обращаюсь к собранию свидетельств и сообщений, которые вышли из-под пера советских военнопленных непосредственно сразу же после их освобождения, а потом – к литературе о Бухенвальде, возникшей после 1957 г., в контексте строительства и торжественного открытия мемориальной колокольной башни. При этом я анализирую события, которые привели к тому, что воспоминания о Бухенвальде сначала в течение целого десятилетия не подлежали огласке, пока они не получили права голоса под аккомпанемент ударов бухенвальдского колокола.

Анита Ганценмюллер уже охарактеризовала различные группы советских узников Бухенвальда, а также амбивалентные формы их сопротивления. Я в свою очередь более подробно попытаюсь осветить формы организации советских заключенных в концентрационном лагере. Возникновение подпольной организации заключенных, находившейся под руководством немецких коммунистов, занимает в советской мемуарной литературе центральное место¹.

В результате подлой стратегии СС, в рамках которой часть функций управления лагерем перекладывалась на заключенных, в Бухенвальде был сформирован внутренний административный аппарат из числа зеков. Все эти капо, старшие по

---

¹ Пример посткоммунистического переосмысления лагерного опыта см.: Semprún J. Was für ein schöner Sonntag. Paris, 1980.

блокам и старшие по лагерю функционировали в рамках иерархии, установленной и поддерживаемой СС. Однако надо отметить, что властные полномочия лагерников были «хрупкими» (Йенс-Христиан Вагнер), поскольку полностью зависели от СС и могли быть прекращены в любой момент. Важнейшие посты в лагерной администрации Бухенвальда занимали, начиная с 1943 г., немецкие коммунисты, после того, как они одержали победу над уголовниками. Немецкие коммунисты представляли собой тип коммунистического функционера, который отличался «радикальностью, грубостью и жертвенностью», привык мыслить в рамках бинарной оппозиции «друг-враг» и всегда воспринимал безутешное настоящее на фоне безусловного позитивного видения будущего¹.

В качестве образчика такого немецкого коммуниста, который благодаря своим знаниям русского языка стал центральной фигурой немецкого коммунистического сопротивления, может рассматриваться Вальтер Бартель². Он родился в 1904 г. в Фюрстенберге на Хафеле, во время своей учебы в Берлине примкнул союзу торговых служащих из числа социалистической молодежи. В 1929–1932 гг. он изучал историю, философию и экономику в Международной ленинской школе – учебном заведении Коминтерна. В 1932 г. его отозвали обратно в Германию, где он находился в заключении в 1933–1935 гг. После его освобождения, которое, вероятно, последовало после заявления о принятии на себя соответствующих обязательств, поданного в гестапо, КППГ отправила его на подпольную работу в Прагу, где Бартеля вновь арестовали в 1939 г. и выслали в Германию, в концентрационный лагерь Бухенвальд. Здесь он находился в заключении с 1939 до 1945 г., работал в различных командах и очень быстро установил контакты с организацией КППГ и ее руководителем, Робертом Зивертом. После освобождения он отвечал за обнаружение воспоминаний о Бухенвальде и, таким образом, внес

---

¹ Neumann-Thein Ph. Parteidisziplin und Eigenwilligkeit. Das Internationale Komitee Buchenwald-Dora und Kommandos. Göttingen, 2014. S. 37.

² Далее события излагаются по: Neumann-Thein Ph. Parteidisziplin und Eigenwilligkeit. Das Internationale Komitee Buchenwald-Dora und Kommandos. Göttingen, 2014. S. 38ff.

существенный вклад в формирование интернационального канона нарратива о Бухенвальде.

Представители подпольной коммунистической партии занимали в лагере и другие важные позиции: Эрнст Буссе (1897–1952), профессиональный точильщик, был членом КПГ с 1920 г. и занимал руководящие посты в профсоюзных организациях и партии. С 1933 г. по 1945 г. он находился в заключении и достаточно рано занял должность лагерного старосты. С 1941 г. он стал капо лазарета для заключенных и мог как спасать узников, находившихся в смертельной опасности, от хватки СС, так и использовать свою власть для наказания перебежчиков и коллаборационистов. После освобождения Буссе короткое время был заместителем премьер-министра и министром внутренних дел Тюрингии. В 1950 г. он лишился своих постов, был арестован по распоряжению Советской военной администрации в Германии, осужден к заключению в ГУЛАГе и умер в Воркуте в 1952 году¹.

Немецкие коммунисты занимали ведущие позиции в «самоуправлении заключенных», в лагерном лазарете, а также в рабочих командах. Это доминирование противоречило их небольшой доли от общего количества узников Бухенвальда: численность узников лагеря выросла с 10 000 в августе 1942 г. до 88 000 в октябре 1944 г., в то время как доля немецких коммунистов был в 1944 г. ниже 10 процентов². И все же, немецкие коммунисты стали ключевыми фигурами организации коммунистического «актива» в лагере. Благодаря своему большому лагерному опыту – некоторые из них попали за колючую проволоку еще в 1933 г., – немецкие коммунисты выработали особые стратегии выживания. Кроме того, находясь в изгнании в Советской России или Чехословакии, они выучили иностранные языки. Треть коммунистического актива Бухенвальда посещала в Москве Международную ленинскую школу, завязав многочисленные контакты не только с советскими коммунистами, но и коммунистами других национальностей.

---

¹ Niethammer L. Der, gesäuberte‘ Antifaschismus: Die SED und die roten Kapos von Buchenwald. Dokumente. Berlin, 1994. S. 496.

² Neumann-Thein Ph. Parteidisziplin und Eigenwilligkeit. Das Internationale Komitee Buchenwald-Dora und Kommandos. Göttingen, 2014. S. 33.

Организованный коммунистический актив «соседствовал» в лагере с быстро растущим сообществом заключенных. В соответствии с расистской формой организации лагерной жизни ряд групп узников подвергался особой стигматизации. На самой нижней ступени «социальной лестницы» находились советские военнопленные – наряду с синти и рома, а также евреями. После того как в конце 1944 г. эсэсовцы зачистили лагерь уничтожения, евреи стали составлять самую большую группу среди заключенных Бухенвальда. Их загнали в бывшие конюшни, приспособленные под бараки, которые располагались в так называемом «малом лагере». Узники содержались там в нечеловеческих условиях в страшной тесноте. По данным на начало апреля 1945 г., из 48 000 узников 17 100 размещались в «малом лагере», тысячи умерли в последние месяцы перед освобождением лагеря 11 апреля 1945 г. или в самом лагере, или в ходе «маршей смерти». В общей сложности из четверти миллиона узников, которые прошли через Бухенвальд за все время его существования умерли или были убиты, по меньшей мере, 56 000 человек. Пережили заключение в концентрационном лагере Бухенвальд около 21 000 человек, из них около 900 детей и подростков.

Принимая во внимание структуры власти и господства, созданные СС и учитывая массовую смертность в лагере, радиус действия коммунистического подполья оставался весьма ограниченным. Немецкие коммунисты устанавливали контакты с другими группами в лагере. Непосредственно перед освобождением определяющим для интернациональной подпольной организации стал термин «Интернациональный лагерный комитет», который под руководством Вальтера Бартеля координировал деятельность различных национальных групп. При этом Интернациональный комитет считал главными следующие задачи: улучшение жизненных условий для всех узников, борьбу с СС и его пособниками (доносчиками и провокаторами), и в то же время – улаживание конфликтов между различными национальностями. Эти цели отчасти противоречили друг другу.

Наряду с советскими коммунистами, которые вначале организовались в лагере в две группы, действовавшие параллельно, свой комитет сопротивления создали французские заклю-

ченные, их комитет был организован по принципу народного фронта. Что же касается немецких коммунистов, то наибольшим влиянием они обладали в статистическом отделении лагеря, занимавшемся вопросом учета труда заключенных. Здесь они составляли списки заключенных, отправлявшихся из лагеря. Таким образом, с одной стороны, они могли спасти заключенного, скрыв его от включения в состав опасной рабочей команды, с другой – намеренно послать в такую команду зека, которого подозревали в доносительстве СС. Эта деятельность, связанная с решением, кому жить и кому умирать, вела к конфликтам между разными группами в лагере. Так, один французский офицер обвинил коммунистов в том, что они намеренно включили заключенных из числа буржуазной элиты Франции в перечень зеков, отправленных для работы в концентрационный лагерь Миттельбау-Дора¹.

Для истории возникновения подпольной лагерной организации ключевым источником являются сообщения и свидетельства бывших заключенных. Ниже речь пойдет о том, в какой ситуации возникли и транслировались свидетельства советских заключенных. Уже непосредственно сразу же после освобождения Бухенвальда выжившие узники, в том числе из числа советских граждан, оставили многочисленные рукописные сообщения и рисунки, в которых речь шла о лагерной повседневности, терроре СС, работе подпольной организации, приводились конкретные примеры. Эти сообщения были опубликованы и размножены в газете русского лагерного комитета «Клич свободы». Структура газеты указывает на преимущественно политический характер издания. Так, в том числе там было размещено письмо бывших заключенных Сталину и речь «товарища Сталина» о положении в Польше. Гораздо большее собрание сообщений зеков и зарисовок лагерной жизни было опубликовано и размножено на стеклографе в мае 1945 г. Большинство этих рукописных очерков вошло в самодельную брошюру под заголовком «Конец Бухенвальда».

---

¹ Neumann-Thein Ph. Parteidisziplin und Eigenwilligkeit. Das Internationale Komitee Buchenwald-Dora und Kommandos. Göttingen, 2014. S. 48.

Первая версия этой брошюры была набрана и напечатана в июне 1945 г. в Эрфурте. При этом некоторые эпизоды уже тогда подверглись небольшому изменению, ряд эпизодов был опущен, отчасти были добавлены новые стихотворения. Гораздо более существенная редакционная обработка последовала во второй половине 1945 г., что привело к появлению третьей версии сборника. Сопроводительное письмо, которое было приложено к тексту третьей версии брошюры, отправленной в начале мая 1946 г. в адрес ЦК ВКП(б), называет причины, которые привели к появлению новой редакции текста:

«После просмотра генерал-майор Драгун и генерал-майор Вихорев пришли к выводу, что эти книги недостаточно полно освещают события в концентрационном лагере, о котором известно во всем мире. Прежде всего, плохо освещается деятельность подпольной организации. Они предлагают, подготовить третью книгу с учетом настоящих замечаний»¹.

Генерал-майор Василий Драгун, который был автором этого критического замечания, являлся руководителем военной миссии СССР во Франции и Италии в 1944–1945 гг., а Александр Вихорев занимал пост его адъютанта. Оба генерала отвечали за репатриацию советских граждан во Франции и Италии. Не исключено, что в Париже они встречались с коммунистами, входившими в состав французского комитета Бухенвальда, которые в свою очередь убедили их в том, что подпольная организационный узников Бухенвальда носила политический характер. В конечном итоге, третья версия сборника была опубликована в мае 1946 г., и в сопровождении письма редактора книги, Василия Азарова, члена военно-политического центра советской подпольной организации в Бухенвальде, была направлена в ЦК ВКП(б), Георгию Маленкову. Уже в первых строках письма Азаров писал: «В концентрационном лагере Бухенвальд существовала военно-политическая организация». Это первое предложение было призвано, свести воедино под одним заголовком – организованное военное сопротивление – собрание разных личных сообщений, перспектив и опыта. Далее Азаров перечислял успехи организации сопротивления: ей удалось объединить

---

¹ Отчет, ВвА.

массы, воспитывать людей в коммунистическом духе, проводить саботаж и диверсионные акты в фашистском тылу и подготовить восстание в лагере¹. Очень точно перечислялась материальная база восстания и оружие (900 винтовок, 193 пистолета), вслед за чем делался следующий важный вывод: «Следует отметить, что лагерь сам себя освободил еще до прихода американских войск. Когда пришли американцы, восставшие взяли в плен 183 немецких солдата и офицера, а также несколько десятков убили».

Уже в первых двух версиях собрания материалов образца мая и июня 1945 г. прослеживалось смещение фокуса со страданий заключенных на их организованную борьбу. Так, в первом введении мая 1945 г. говорилось: «Эта книга написана нами нашей кровью. Она рассказывает об ужасных буднях Бухенвальда, о тысячах наших товарищей, погибших в лагере, о системе пыток и издевательства, организованной в лагере гитлеровскими садистами, которые подвергали своих жертв [доселе] неизвестным долгим пыткам, прежде чем их убить». Но уже в июне 1945 г. подчеркивались не столько страдания, сколько стойкость узников, пока еще не в смысле боевой организации, а в смысле моральной стойкости: «Ни пытки, ни трудности (голод и смерть тысяч людей) – ничто не могло сломить человека в полосатой робе, который боролся за свои коммунистические идеи». В мае 1946 г. во введении к книге мотив вооруженного сопротивления был поставлен на первое место, отодвинув опыт страдания узников. От констатации индивидуальной моральной стойкости авторы перешли к организованной сплоченности: «Эта скромная книга рассказывает читателям о большой деятельности военно-политической организации глубоко в подполье фашистского концентрационного лагеря. Она показывает храбрость, мужество и стойкость русских людей, одетых в полосатую робу, которые каждый час рисковали своей жизнью, до конца оставаясь верными своей Родине, благородным и возвышенным идеалам коммунизма. Эта книга также рассказывает о злодеяниях, унижениях и зверствах фашистов в концентрационном лагере». Автором введения был Сергей Котов,

---

¹ Письмо Азарова Маленкову // Отчет, ВвА

который ранее являлся одним из издателей газеты «Клич свободы». Получив образование в МИФЛИ, он служил политруком в Красной армии, где и приобрел опыт агитации и пропаганды, прежде чем попал в плен и оказался в Бухенвальде. Здесь в качестве члена политической организации он тайно распространял листовки, посвященные таким темам, как советская конституция или положение на фронтах¹. После освобождения Бухенвальда Котов был назначен политическим руководителем сборного пункта для бывших советских военнопленных в г. Ордруфе². В качестве члена штаба он отвечал здесь за политические характеристики узников, которые играли важную роль для репатрируемых в СССР. Для возвращавшихся домой было важно фигурировать в качестве участников боевой организации. Сообщения, опубликованные в сборнике «Конец Бухенвальда», где наряду с именами авторов также приводится место их проживания до войны, указывает на функцию свидетеля лагерного сопротивления.

С какими трудностями пришлось столкнуться вернувшимся на Родину, показывает судьба Николая Кюнга, который начал свою военную службу в Бресте, попал в плен во время боев за Бобруйск и Киев и сначала был отправлен на работы в шахтах в Бельгию, а весной 1943 г. его перевели в Бухенвальд. Там он работал на оружейной фабрике и тайно сочинял статьи для подпольной газеты военнопленных. В мае 1944 г., как Кюнг писал в своих воспоминаниях, опубликованных в 1958 г., он стал членом службы безопасности коммунистической подпольной организации. На этом посту он нес ответственность за проверку кадров подполья, а также за формирование команд для работы вне лагеря. Таким образом, он мог спасти товарищей, находившихся в смертельной опасности или, наоборот, отправить на гибель тех, кого подозревали в сотрудничестве с СС³. После освобождения он вернулся в СССР. На войне погибли три его брата, зато его сестры и жена выжили. Кюнг работал сначала учителем, пока 11 марта 1949 г. не был арестован по пути

---

¹ Поливин Г. Это было в Бухенвальде. Новосибирск. 1959. С. 64.

² RGASPI. F. 7M. D. 2408. L. 81.

³ Виленский М. Э. Война за колючей проволокой. М., 1958. С. 49.

в школу¹. Его обвинили в том, что он добровольно сдался в плен, был «агентом гестапо» в концентрационном лагере Бухенвальд, где «предавал советских патриотов», а после возвращения шпионил для иностранных разведок. Следствие длилось в общей сложности 14 месяцев, из которых 8 месяцев Кюнг провел в одиночке, прежде чем его освободили в мае 1950 г. Несмотря на его же описания жестких наказаний, таких как одиночное содержание в холодном карцере, в 2005 г. он писал о времени, проведенной в советской тюрьме так: «Определенно заявляю – никакой жестокости, никакого физического порядка, пыток со мной не было; питание – нормальное»². Такая же судьба постигла Николая Симакова из Новосибирска, советского представителя в Интернациональном лагерном комитете. После своего возвращения он был арестован в 1948 г. и провел два года в следственной тюрьме.

Репрессии против советских узников Бухенвальда находились в тесной связи с расследованием, которое советская военная администрация в Германии вела в отношении немецких коммунистов из числа бывших узников. В период между 6 апреля 1950 г. и 5 февраля 1951 г. были неоднократно допрошены Эрнст Буссе, Эрих Решке и другие свидетели. В вину Буссе и Решке вменялось сотрудничество с гестапо и выдача нацистам своих товарищей по заключению. Обвинения базировались на показаниях одного бывшего заключенного, которого Решке, будучи шефом полиции Тюрингии, в 1946 г. арестовал как шпиона. Последний, помещенный под арест в советском специальном лагере Бухенвальд, принимал участие в подготовке обвинения против Решке³. Решке и Буссе были осуждены к длительным срокам заключения. Буссе умер 31 августа 1952 г. в Воркуте. Решке в 1955 г. репатриировали в ГДР, где он после своей реабилитации в 1956 г. работал в системе исполнения наказаний. Вальтер Берндт, менее известный немецкий коммунист, был

---

¹ Кюнг Н. Ф. Для меня война началась в Бресте. Воспоминания 2005, записанные А. А. Анохиной. http://www.ainros.ru/osdgl/t6/kyng_nf.pdf

² Там же.

³ Niethammer L. Der ‚gesäuberte‘ Antifaschismus: Die SED und die roten Kapos von Buchenwald. Dokumente. Berlin, 1994. S. 79ff.

старостой блока в палаточном лагере «малого лагеря» Бухенвальда. В 1945 г. он был арестован советскими органами государственной безопасности и помещен в советский спецлагерь на территории Германии. Оттуда, будучи признанным работоспособным, он был отправлен в Караганду, где работал на разных стройках. В то время как большинство его солагерников были, в конечном счете, отпущены, Бернд был осужден советским судом в Караганде в 1949 г. к продолжительному заключению по обвинениям, связанным со временем его заключения в концентрационном лагере Бухенвальде.

Расследования в отношении ведущих коммунистических функционеров из числа узников привели к тому, что их голоса перестали звучать в мемуарной литературе. Ситуация изменилась только в 1956 г., когда благодаря «десталинизации», начатой 20 съездом КПСС, бывшие солдаты наконец-то получили право голоса, в том числе отправляя свои воспоминания в редакцию газеты «Правда». Теперь дискурс плена был частично реабилитирован, однако при условии, чтобы особенно подчеркивалось мужество и борьба бывших военнопленных как до попадания в плен, так и в заключении. После того, как во исполнение решения ЦК КПСС в сентябре 1956 г. был основан Советский комитет ветеранов войны, последний был расширен в 1957 г. за счет отдела бывших военнопленных и участников антифашистского сопротивления. Достаточно рано также было сформулировано пожелание, чтобы бывшие советские заключенные приняли участие в деятельности Международного комитета узников Бухенвальда в составе делегации. Хотя в уставе Советского комитета ветеранов войны было зафиксировано, что ветераны принимают участие в пропагандистской работе как внутри СССР, так и за рубежом, казалось, что ЦК КПСС не спешил пойти навстречу пожеланиям ветеранов Бухенвальда. Возможно, это было связано с затянувшимся подбором кандидатур советских представителей в международный комитет. В конце концов, в 1957 г. Н. Ф. Кюнг и Н. С. Симаков были выбраны советскими представителями в Международном комитете узников лагерей Бухенвальд и Миттельбау-Дора. К этому времени Кюнг работал учителем в Московской области и был кандидатом в члены КПСС, беспартийный Симаков руководил

в Новосибирске отделом снабжения министерства автомобильной промышленности. Беспартийность могла стать проблемой, но, в конце концов, известность Кюнга и Симакова оказалась решающей в ходе подбора кандидатов¹. Вслед за этим стартовала широкая кампания по распространению воспоминаний о Бухенвальде: в течение 1957 г. в редакциях советских газет состоялись многочисленные встречи с членами бухенвальдского отделения Советского комитета ветеранов войны. По радио прозвучали четыре получасовых репортажа. Статьи о Бухенвальде публиковались в таких печатных изданиях как «Новое время», «Смена», «Физкультура», «Исторический архив», «Советская Россия» и еще девяти других газетах и журналах. Такая интенсивная публицистическая деятельность («работа с общественностью») привела к официальной реабилитации ее протагонистов: более 30 бывших коммунистов из числа бывших узников были вновь приняты в КПСС до декабря 1957 года².

В последующие годы появился целый ряд книг о Бухенвальде, частью иллюстрированных, с текстами автобиографического характера. Зачастую издание этих книг осуществлялось по инициативе редакторов местных газет. В своем разнообразии они только частично соответствовали тому официальному тону, который задавался текстом введения или аннотации, в которых, как правило, писалось исключительно о героической борьбе узников. Напротив, несмотря на канонизацию истории вооруженного освобождения из лагеря, в целом сформировался многослойный образ различных форм лагерной жизни, от конфликтов в среде заключенных и до самоутверждения узников, будь то тайные культурные мероприятия, читки вслух, распространение фронтовых сводок, политическая просветительная работа или даже боксерский поединок, в ходе которого Андрей Борзенко из Ташкента в честной схватке неожиданно нокаутировал чемпиона Европы, тем самым решающим образом укрепив престиж советских узников.

Публицистическое «наступление» официальных воспоминаний о Бухенвальде, тем не менее, оказало свое воздействие на

---

¹ GARF. F. 9541. Op. 1. D. 51. L. 189.

² GARF. F. 9541. Op. 1. D. 181. L. 50.

неофициальный сегмент памяти о лагере. Каждая газетная статья, каждая радиопередача, каждая встреча ветеранов будили и одновременно формулировали воспоминания у читателей и слушателей. Эта новая волна воспоминаний требовала артикуляции: многочисленные письма в адрес Советского комитета ветеранов войны свидетельствовали о жизненных траекториях бывших узников Бухенвальда. Однако для тех был важен не столько рассказ о героизме, сколько конкретное улучшение тяжелых условий жизни. Так, например, Ф. Д. Бровко писал в 1958 г. комитету ветеранов, что после его возвращения на Родину, несмотря на его инвалидность, он попал под подозрение в сотрудничестве с врагом и был исключен из компартии, в которой состоял с 1924 г. Благодаря популяризации истории узников Бухенвальда в прессе и на радио у него снова появилась надежда, и он теперь ждет подтверждения факта своего заключения в Бухенвальде, чтобы восстановить свое членство в партии. Письмо завершилось восхвалением советского общества и призывом к товарищам в комитете ветеранов, оказать ему помощь¹. И хотя эта часть воспоминаний не опубликована, ее следует рассматривать комплементарно или в диалоге с опубликованными «героическими» свидетельствами: официальный нарратив сопротивления являлся инструментом легитимации публичной индивидуальной реабилитации, например, в качестве члена КПСС, или давал возможность претендовать на место в санатории.

Тем временем комитет ветеранов продолжил осуществлять свою внешнеполитическую повестку дня: весной 1958 г. В. Попов, советский военнопленный, узник Бухенвальда и один из инициаторов создания лагерной подпольной организации, посетил целый ряд бывших концлагерей. При этом он публично критиковал пренебрежительное отношение к массовым захоронениям советских граждан, а также слабое представление «материалов, которые показывают патриотическое поведение советских военнопленных и их антифашистское сопротивление»². В сентябре 1958 г. в Веймар наконец-то отправилась советская

---

¹ GARF. F. 9541. Op. 1. D. 312. L. 80.

² GARF. F. 9541. Op. 1. D. 410. L. 3.

делегация в составе шести бывших узников, чтобы принять участие в «международном мероприятии, посвященном торжественному открытию памятника». В отчете о своей деятельности комитет ветеранов писал, что участие советской делегации имело «большое политическое значение, которое позволило укрепить и расширить международные связи с борцами сопротивления из Франции, Германии, Бельгии, Польши, Австрии, Чехословакии»¹.

Официальную память о Бухенвальде и ее политическую функцию, возможно, следует сравнить с далеко слышимым звонком колокола Бухенвальда. Разнообразный, с многими тонами, отзвук этого звучания в советской повседневности бывших узников Бухенвальда оказался напрямую связан с официальным нарративом.

Литература:

1. Виленский М. Э. Война за колючей проволокой. М., 1958.
2. Кюнг Н. Ф. Для меня война началась в Бресте. Воспоминания 2005, записанные А. А. Анохиной. Режим доступа: http://www.ainros.ru/osdg1/t6/kyng_nf.pdf [20.09.2018].
3. Немировская Д. Бухенвальдский набат. Об истории создания и авторе. Режим доступа: <http://www.stihi.ru/2015/07/03/6495> [20.09.2018].
4. Поливин Г. Это было в Бухенвальде. Новосибирск. 1959.
5. Neumann-Thein Ph. Parteidisziplin und Eigenwilligkeit. Das Internationale Komitee Buchenwald–Dora und Kommandos. Göttingen, 2014.
6. Niethammer L. Der ‚gesäuberte‘ Antifaschismus: Die SED und die roten Kapos von Buchenwald. Dokumente. Berlin, 1994.
7. Semprún J. Was für ein schöner Sonntag. Paris, 1980.
8. Vilenskij M. Vojna za koljučeј provolokoj. M., 1958.

---

¹ ГАРФ. Ф. 9541. Оп. 1. Д. 410.

SOWJETISCHE KRIEGSGEFANGENE IN BUCHENWALD: SCHICKSALE UND ERINNERUNGEN

Abstract: Der Vortrag thematisiert die Entstehung des offiziellen sowjetischen Narrativs über das KZ Buchenwald in den 1940er und 1950er Jahren. Der Vortrag bietet dabei eine Analyse der dominierenden Deutungen der Lagergeschichte in verschiedenen Zeitabschnitten dieser Epoche. Insgesamt war hier die die Konzentration auf den organisierten militärischen Widerstand zentral, mit der eine Heroisierung der Lagererfahrung gelang.

Schlüsselwörter: Buchenwald, sowjetische Kriegsgefangene, deutsche Kommunisten, Untergrundorganisation, Widerstand, Heroismus, Leiden, Erinnerungen, Erzählung.

Die Erinnerung an Buchenwald hat für (ehemalige) Sowjetbürger einen bestimmten Klang: Sie ist untrennbar mit dem Lied „Die Glocke von Buchenwald“ verbunden, das in der Sowjetunion zu den häufig gespielten Radiobeiträgen gehörte. Ich erinnere nur an die ersten Zeilen:

Люди мира, на минуту встаньте! / Слушайте, слушайте: /
Гудит со всех сторон –

Это раздаётся в Бухенвальде / Колокольный звон, /
Колокольный звон.

Это возродилась и окрепла / В медном гуде праведная
кровь. / Это жертвы ожили из пепла / И восстали вновь, /

И восстали вновь, / И восстали, и восстали, / И восстали
вновь! / И восстали, и восстали, / И восстали вновь!¹

Während der Komponist des Liedes Vano Muradeli offiziell meist als alleiniger Urheber des Liedes genannt wird, blieb der eigent-

---

¹ „Menschen der Welt, steht für eine Minute auf! / Hört, hört: / Es tönt von allen Seiten – das kommt aus Buchenwald/ Der Glockenschlag / Der Glockenschlag / Da ist wiedergeboren und erstarkt / im kupfernen Dröhnen das gerecht vergossene Blut. / Das sind die Opfer, die aus der Asche wiedergeboren wurden / Und sie sind wieder aufgestanden /Und sie sind wieder aufgestanden / Und aufgestanden, und aufgestanden / Und wieder aufgestanden! / Und aufgestanden, und aufgestanden / Und wieder aufgestanden!“

liche Schöpfer des Textes lange Zeit unerwähnt – Aleksandr (eigentlich Isaak) Vladimirovič Sobolev (1915–1986), ein sowjetisch-jüdischer „Arbeiterdichter“, dem die Anerkennung aufgrund seiner Herkunft zeitlebens verwehrt blieb und der erst posthum, 1997 durch einen Artikel Marina Katys in der Zeitschrift „Ogonek“ bekannt wurde. Die von Brüchen gezeichnete Entstehungsgeschichte dieses heroischen, für die populäre Kultur der Erinnerung an den Zweiten Weltkrieg wichtigen und äußerst präsenten Lieds verweist auf die Schwierigkeiten der Erinnerung an Buchenwald: Die Versuche einer heroischen Überhöhung der Lagererfahrung, des Kampfes der Häftlinge im Lager einerseits und den Ausschluss unerwünschter Erinnerungsaspekte andererseits.

Das Gedicht „Die Glocke von Buchenwald“ entstand unmittelbar nach dem Aufbau der „Nationalen Mahn- und Gedenkstätte Buchenwald“: In den Jahren 1954–1958 war auf dem Ettersberg zur Erinnerung an die Opfer des Konzentrationslagers Buchenwald ein monumentales Denkmal errichtet worden. Die Anlage folgt einem didaktischen Konzept: Der Besucher geht einen von Stelen gesäumten Weg – die Stelen bilden sieben Jahre der Geschichte des Konzentrationslagers in Reliefs ab – hinab zu einer Anlage bestehend aus drei Massengräbern. In natürlichen Erdsenken des Ettersbergs hatte die SS in den letzten Kriegsmonaten die Asche von etwa dreitausend Toten verscharrt. Von diesen als „Ringgräber“ gestalteten Gräbern steigt der Besucher hinauf zu einem 50 Meter hohen, in antikem Stil gestalteten Glockenturm, vor dem eine vom Bildhauer Fritz Cremer gestaltete Figurengruppe das Leid und vor allem den Widerstandskampf der Häftlinge darstellen soll. Der 1958 fertiggestellte Glockenturm ist von weitem zu sehen und zu hören.

Das Gedicht und, in der dramatischen musikalischen Ausführung auch das Lied¹ geben wider, was die Architektur der Mahnmalsanlage vorgab: Nachdem man über den Stelenweg herabgestiegen war zu den großen Ringgräbern, in denen die Asche Tausender Häftlinge begraben

---

¹ Das Gedicht wurde von der Pravda abgelehnt und im September 1958 in der Zeitschrift „Trud“ zum ersten Mal abgedruckt. Weltweit bekannt wurde es 1959 (in der 1958 durch Vano Muradeli vertonten Version) durch die Aufführung bei den Weltjugendfestspielen in Wien, aufgeführt durch Studenten der Ural – Universität. Vgl. Nemirovskaja Dina, Buchenal'dskij nabat. Ob istorii sozdanija i avtore, <http://www.stihi.ru/2015/07/03/6495> [20.09.2018].

liegt, erhebt man sich wieder zu dem großen Glockenturm. Ähnlich der Text des Gedichts: Das „kupferne Dröhnen“ der Glocke erinnert an das „gerecht vergossene Blut“, die Opfer kehren aus der Asche ins Leben zurück, beschwörend wird achtmal wiederholt: sie sind wiederaufgestanden. Das prometheische Motiv der Mahnmalsanlage und dieses Gedichts geben den Ton für eine heroisch zu erzählende Lagererfahrung vor und sind gleichzeitig in Architektur und Glockenklang verdichtete kanonisierte Erinnerung.

Nach einer kurzen Einführung zu den Problemen einer illegalen Organisation sowjetischer Kriegsgefangener im Lager nehme ich die in den verschiedenen historischen Zeiträumen entstandenen, vorherrschenden Deutungen in den Blick. Dabei beziehe ich mich zunächst auf einen Sammelband, den die befreiten sowjetischen Häftlinge unmittelbar nach ihrer Befreiung von Buchenwald verfassten und schließlich auf die nach 1957, im Kontext mit der Fertigstellung und Einweihung des Glockenturms verbundene Literatur. Dabei gehe ich auch auf die Umstände ein, die dazu führten, dass die Buchenwald-Erinnerung für über ein Jahrzehnt zunächst verstummte, bis sie mit dem großen „Glockenschlag“ wieder hörbar wurde.

Anita Ganzenmüller hat bereits die verschiedenen Gruppen sowjetischer Kriegsgefangener in Buchenwald sowie die unterschiedlichen Formen ihres Widerstands charakterisiert. Im Folgenden werde ich daher näher auf die Organisationsformen der sowjetischen Häftlinge im Konzentrationslager eingehen. Die Entstehung einer Untergrundorganisation der Häftlinge, die unter der Federführung deutscher Kommunisten stand, ist in der sowjetischen Erinnerungsliteratur von zentraler Bedeutung¹.

Durch die perfide Strategie der SS, ihre Herrschaftsfunktionen zu einem Teil auf die Häftlinge zu übertragen, war ein interner Verwaltungsapparat von „Funktionshäftlingen“ im Lager entstanden. Diese „Kapos“, „Blockältesten“ und „Lagerältesten“ waren den entsprechenden Funktionen in der SS-Hierarchie zugeordnet. Allerdings blieb diese Herrschaft stets nur „abgeleitet und fragil“ (Jens-Christian Wagner). Die wichtigsten Funktionen im Lager besetzten ab 1943 deutsche Kommunisten, nachdem sie sich gegen die

---

¹ Als postkommunistische Erfahrungsverarbeitung vgl. Jorge Semprún, Was für ein schöner Sonntag. Paris, 1980.

„kriminellen“ Häftlinge durchgesetzt hatten. Sie repräsentierten einen Typ des kommunistischen Funktionärs, der sich durch „Radikalität, Rücksichtslosigkeit und Opferbereitschaft“ ausgrenzte, in Freund-Feind-Kategorien zu denken gewohnt war und eine trostlose Gegenwart immer vor dem Hintergrund einer positiven Zukunftsvision wahrnahm¹.

Als beispielhaft für einen kommunistischen Funktionär und aufgrund seiner russischen Sprachkenntnisse als zentrale Figur kann Walter Bartel gelten². 1904 in Fürstenberg/Havel geboren, schloss er sich in Berlin während seiner Lehre zum kaufmännischen Angestellten der sozialistischen Jugend an. Er wurde zwischen 1929 und 1932 für ein Studium der Geschichte, Philosophie und Ökonomie an die Internationale Leninschule nach Moskau geschickt, bevor er 1932 nach Deutschland zurückberufen wurde, wo er zwischen 1933 und 1935 in Haft saß. Nach seiner Freilassung, die auf eine Verpflichtungserklärung bei der Gestapo zurückgegangen sein soll, schickte ihn die illegale KPD 1936 nach Prag, wo er 1939 verhaftet und nach Deutschland, in das Konzentrationslager Buchenwald, ausgewiesen wurde. Dort war er von 1939 bis 1945 in Haft, arbeitete in verschiedenen Kommandos und nahm schnell Kontakt zur KPD-Organisation im Lager und deren Leiter, Robert Siewert, auf. Nach der Befreiung koordinierte und steuerte er die Berichte aus Buchenwald und legte so einen international gültigen Kanon der Buchenwald-Erzählung fest.

Die illegale kommunistische Partei besetzte im Lager weitere wichtige Positionen: Ernst Busse (1897-1952), gelernter Schleifer, war seit 1920 KPD-Mitglied und hauptamtlicher Funktionär der Gewerkschaft und der Partei. Insgesamt von 1933 bis 1945 in Haft, wurde er in Buchenwald früh zum Lagerältesten. Seit 1941 war er als Kapo im Häftlingskrankenbau eingesetzt und konnte dort gefährdete Häftlinge vor dem Zugriff der SS retten oder aber auch Überläufer und Kollaborateure bestrafen. Nach der Befreiung wurde er kurzfristig stellvertretender Ministerpräsident und Innenminister in Thüringen. Nach seiner Abberufung als Ministerpräsident wurde Busse

---

¹ Neumann-Thein Ph. Parteidisziplin und Eigenwilligkeit. Das Internationale Komitee Buchenwald-Dora und Kommandos. Göttingen, 2014. S. 37.

² Im Folgenden nach: Neumann-Thein. S. 38ff.

1950 von der SMAD inhaftiert, zu lebenslanger Lagerhaft im Gulag verurteilt und starb 1952 in Workuta¹.

Die deutschen Kommunisten übernahmen in der „Häftlingselbstverwaltung“, im Krankenbau oder in den Arbeitskommandos zunehmend wichtige Führungspositionen, was im Widerspruch stand zu ihrem zahlenmäßigen Anteil im Lager: Während insgesamt die Anzahl der Häftlinge von 10 000 im August 1942 auf 88 000 Menschen im Oktober 1944 angestiegen war, betrug der Anteil deutscher Kommunisten 1944 unter 10 Prozent². Dennoch wurden die deutschen Kommunisten zu Schlüsselfiguren der Organisation des kommunistischen „Aktivs“ im Lager: Aufgrund ihrer zum Teil sehr langen, bereit 1933 begonnenen Haftzeit, hatten sie sich besondere Überlebensstrategien angeeignet. Zudem hatten sie im Exil in Russland oder der Tschechoslowakei Sprachkenntnisse erworben. Ein Drittel des Buchenwalder KPD-Aktivs hatte die Internationale Lenin-Schule in Moskau besucht, aus dieser Zeit resultierten zahlreiche Kontakte nicht nur zu anderen sowjetischen, sondern auch internationalen kommunistischen Kadern.

Dem organisierten kommunistischen „Aktiv“ im Lager stand eine schnell wachsende „Häftlingsgesellschaft“ gegenüber. Entsprechend der rassistischen Organisationsform des Lagers wurden einige unterschiedliche Häftlingsgruppen besonders stigmatisiert. An der untersten Sprosse der „sozialen Leiter“ standen die sowjetischen Kriegsgefangenen – neben inhaftierten Sinti und Roma und jüdischen Häftlingen. Nachdem die SS in Evakuierungstransporten Ende 1944 die Vernichtungslager geräumt hatte, stellten jüdische Häftlinge die größte Gruppe in Buchenwald. Sie wurden in Pferde-stallbaracken im „Kleinen Lager“ brutal eingepfercht. 17 100 der insgesamt 48 000 Menschen waren Anfang April 1945 im „Kleinen Lager“ inhaftiert, Tausende starben in den letzten Monaten vor der Befreiung des Lagers am 11. April 1945, im Lager oder auf den Todesmärschen. Insgesamt starben von einer Viertelmillion inhaftierter Menschen mindestens 56 000. Etwa 21 000 Menschen

---

¹ Niethammer L. Der ‚gesäuberte‘ Antifaschismus: Die SED und die roten Kapos von Buchenwald. Dokumente. Berlin, 1994. S. 496.

² Neumann-Thein. S. 33.

überleben das Konzentrationslager Buchenwald, von ihnen etwa 900 Kinder und Jugendliche.

Angesichts der durch die SS vorgegebenen Macht- und Herrschaftsstrukturen und angesichts des massenhaften Todes im Lager blieb der Aktionsradius der illegalen kommunistischen Partei sehr begrenzt. Die deutschen Kommunisten nahmen Kontakt zu anderen Gruppen im Lager auf. Unmittelbar vor der Befreiung wurde der Begriff „Internationales Lager-Komitee“ für die internationale Lagerorganisation geprägt, die unter der Leitung von Walter Bartel die verschiedenen nationalen Gruppen im Lager koordinierte. Dabei setzte sich das Internationale Komitee zum einen das Ziel, die Lebensbedingungen insgesamt für die Häftlinge zu verbessern, den Kampf mit der SS und deren Helfern, den Spitzeln im Lager, aufzunehmen und gleichzeitig Konflikte zwischen den verschiedenen Nationalitäten zu schlichten. Diese Ziele schlossen sich zum Teil jedoch gegenseitig aus.

Neben den sowjetischen Kommunisten, die zunächst zwei parallele Gruppen im Lager bildeten, schlossen sich insbesondere die französischen Häftlinge zu einem Widerstandskomitee zusammen, das sich nach dem Prinzip der Volksfront organisierte. Einflussreich war insbesondere die Tätigkeit der deutschen Kommunisten in der Arbeitsstatistik, wo sie Listen für Transporte von Häftlingen zusammenstellten. Damit konnten sie zum einen gefährdete Häftlinge vor dem Transport in ein gefährliches Arbeitskommando bewahren oder Häftlinge, die als Spitzel angesehen wurden, absichtlich in ein solches Kommando schicken. Diese Tätigkeit, verbunden mit einer Entscheidung über Tod und Leben, führte zu Konflikten zwischen den verschiedenen Gruppen im Lager. So warf etwa ein französischer Offizier den deutschen Kommunisten vor, sie hätten inhaftierte Vertreter der bürgerlichen Elite Frankreichs absichtsvoll auf Transportlisten in das Zwangsarbeiterlager Mittelbau-Dora geschickt¹.

Für die Entstehung einer Untergrundorganisation sind die Berichte eine zentrale Quelle. Im Folgenden wird daher zunächst auf die Überlieferungslage zu den Berichten sowjetischer Häftlinge eingegangen. Bereits unmittelbar nach der Befreiung Buchenwalds verfassten u.a. sowjetische Häftlinge zahlreiche handschriftliche Berich-

---

¹ Neumann-Thein. S. 48.

te und Zeichnungen, die den Lageralltag, den Terror der SS, die Arbeit der Untergrundorganisation in Einzelbeispielen darstellten. Diese Schilderungen wurden in die Zeitschrift des russischen Lagerkomitees „Klič svobody“ aufgenommen und vervielfältigt. Die Gliederung der Zeitung weist jedoch auch auf den politischen Schwerpunkt der Zeitung hin. So erschienen dort u.a. Schreiben der ehemaligen Häftlinge an Stalin, eine Rede des Genossen Stalins zur Lage in Polen. Eine größere Auswahl von Berichten und Zeichnungen aus der Lagergeschichte wurde im Mai veröffentlicht und auf einem Glasplattenapparat vervielfältigt. Unter dem Titel „Konec Buchenval'da“ („Das Ende Buchenwalds“) erschienen mehrere dieser handgeschriebenen, von Hand zusammengenähten Broschüren.

Diese erste Version wurde im Juni 1945 in Erfurt gesetzt und gedruckt. Dabei wurden bereits einige der Episoden leicht verändert, einige wurden weggelassen, zum Teil wurden Gedichte neu hinzugefügt. Eine genauere redaktionelle Bearbeitung muss in der zweiten Jahreshälfte 1945 erfolgt sein, die zu einer dritten Version des Sammelbandes führte. Das Begleitschreiben, mit dem die dritte Version des Textes Anfang Mai 1946 an das CK VKP (b) geschickt wurde, nennt die Gründe, weshalb eine Neubearbeitung des Textes für notwendig gehalten wurde:

„Nach Durchsicht kamen Generalmajor Dragun und Generalmajor Vichorev zu dem Schluss, dass diese Bücher ein Konzentrationslager von Weltrup bei weitem nicht vollständig beleuchten und vor allem die Tätigkeit der Untergrundorganisation unklar beleuchtet ist. Sie schlugen vor, ein drittes Buch unter Berücksichtigung dieser Kommentare zu schreiben“¹.

Generalmajor Vassilij M. Dragun, verantwortlich für diesen kritischen Kommentar, war Leiter der Militärmission der UdSSR in Frankreich und Italien 1944-1945, Aleksandr I. Vichorev sein Adjutant. Beide waren mit der Repatriierung sowjetischer Staatsbürger in Frankreich und Italien beauftragt. Nicht unwahrscheinlich ist, dass sie in Paris mit kommunistischen Mitgliedern des französischen Buchenwald-Komitees in Kontakt gekommen waren, die sie von der politischen Bedeutung der Untergrundorganisation der Häftlinge in Buchenwald überzeugt hatten. Die dritte Version des Sammelbandes

---

¹ Bericht, BwA

wurde im Mai 1946 schließlich mit einem Brief des Redakteurs Vasilij N. Azarov, Mitglied des militärisch-politischen Zentrums der sowjetischen Untergrundorganisation in Buchenwald, versehen und an das CK der VKP (b) z. H. Georgij Malenkov geschickt. Bereits im ersten Satz des Briefes an Malenkov schreibt Azarov: „Im Konzentrationslager Buchenwald existierte eine militärisch-politische Organisation.“ Dieser erste Satz sollte die Sammlung verschiedener individueller Berichte, Perspektiven und Erfahrungen unter einer gemeinsamen Überschrift – des organisierten militärischen Kampfes – subsumieren. Im Weiteren listete Azarov die Erfolge der Widerstandsorganisation auf: Es sei der Organisation gelungen, „die Massen zu vereinen, die Menschen im kommunistischen Geist zu erziehen, Sabotage- und Diversionsakte im faschistischen Hinterland zu organisieren und einen Aufstand im Lager vorzubereiten“¹. Sehr genau wurden die materielle Basis dieses Aufstandes, die vorhandenen Waffen (900 Gewehre, 193 Pistolen) aufgelistet, um schließlich zur wesentlichen Aussage zu kommen: „Es ist bezeichnend, dass das Lager sich selbst vor dem Eintreffen der amerikanischen Truppen befreite. Bei Eintreffen der amerikanischen Truppen hatten die Aufständischen 183 deutsche Soldaten und Offiziere gefangen genommen und einige Dutzend getötet.“

Deutlich ist bereits in den ersten beiden Versionen des Berichts vom Mai und Juni 1945 die Verschiebung vom Leid der Häftlinge hin zu deren organisiertem Kampf nachzuvollziehen. So heißt es in der ersten Einleitung vom Mai 1945: „Dieses Buch ist von uns mit unserem Blut geschrieben. Es erzählt vom grausamen Alltag in Buchenwald, von den Tausenden unserer Genossen, die ums Leben gekommen sind, vom System der Folter und Misshandlungen, das die hitlerschen Sadisten im Lager eingerichtet hatten, die ihre Opfer [zuvor] ungekannten langwierigen Qualen unterwarfen, ehe sie sie ermordeten.“ Bereits im Juni 1945 wird hingegen weniger das Leid, als die Standhaftigkeit der Häftlinge betont, jedoch noch nicht im Sinne einer Kampforganisation als im Sinne moralischer Festigkeit: „Weder Foltern noch Schwierigkeiten (Hunger und Tod Tausender Menschen) – nichts konnte den Menschen in der gestreiften Kleidung ins Wanken bringen, der für seine kommunistischen Ideen

---

¹ Brief Azarov an Malenkov, Bericht, BwA.

kämpfte.“ Bereits im Mai 1946 hatte sich in der Einleitung das Motiv des bewaffneten Kampfes vor die Erfahrung des Leids der Häftlinge geschoben, vor die Feststellung der individuellen moralischen Standfestigkeit rückte nun der organisatorische Zusammenhalt: „Dieses bescheidene Buch erzählt den Lesern die große Tätigkeit der militärisch-politischen Organisation tief im Untergrund des faschistischen Konzentrationslagers. Es zeigt die Kühnheit, den Mut und die Standhaftigkeit der russischen Menschen, die in die gestreifte Kleidung eingekleidet waren, die, stündlich ihr Leben riskierend, bis zuletzt ihrer Heimat und den hehren und edlen kommunistischen Idealen treu blieben. Schließlich erzählt dieses Buch auch von den Untaten, den Erniedrigungen und dem wilden Wüten der Faschisten im Konzentrationslager.“ Autor dieser Einleitung war Sergej D. Kotov, der auch schon als Mitherausgeber der Zeitung „Klič Svobody“ auftaucht. Ausgebildet im Moskauer philologischen Institut, hatte er bereits als „Politruk“ in der Armee Erfahrung in der Agitation und Propaganda gesammelt, bevor er in Buchenwald als Mitglied der politischen Organisation geheime Handzettel verbreitete, auf denen Themen wie die sowjetische Verfassung oder die militärische Lage abgehandelt wurden.¹ Nach der Befreiung Buchenwalds war Kotov als politischer Leiter im Sammelpunkt für ehemalige Häftlinge in Ohrdruf eingesetzt². Als Mitglied des Stabs im russischen Lager war er für die politischen Beurteilungen der Häftlinge zuständig, die für deren Repatriierung in die Sowjetunion eine wichtige Rolle spielten. Für die Rückkehr war es wichtig, als Kämpfer in einer militärischen Organisation auftreten zu können. Auch die Berichte des Sammelbandes „Konec Buchenal'da“, die neben den Namen der Autoren auch deren Wohnort vor dem Krieg nennen, verweisen auf dessen Funktion als Zeugnis des Widerstandes im Lager.

Mit welchen Schwierigkeiten die Rückkehrer rechnen mussten, zeigte sich etwa am Schicksal Nikolaj F. Kjungs, der seinen Militärdienst in Brest begonnen hatte, in den Kämpfen um Bobruisk und Kiew gefangengenommen wurde und zunächst im belgischen Bergwerk Zwangsarbeit leisten musste, bevor er im Frühjahr 1943 nach Buchenwald gebracht wurde. Dort arbeitete er in der Waffenfabrik und schrieb

---

¹ Polivin G. Eto bylo v Buchenal'de. Novosibirsk. 1959. S. 64.

² RGASPI. F. 7M. Op. 1. D. 2408. S. 81.

heimlich an Artikeln für die Zeitschrift der Kriegsgefangenen. Im Mai 1944 wurde er nach seinem 1958 veröffentlichten Bericht Mitglied der Sicherheitsabteilung der kommunistischen Untergrundorganisation. In dieser Position war er für die Überprüfung der Kader und für die Zusammenstellung von Außenkommandos zuständig – und konnte so totgeweihte Genossen retten oder andere ausliefern, die verdächtigt wurden, mit der SS zu kollaborieren¹. Nach der Befreiung kehrte er in die Sowjetunion zurück. Im Krieg waren drei seiner Brüder ermordet worden, seine Schwestern und seine Ehefrau hatten überlebt. Er arbeitete zunächst als Lehrer, bevor er am 11. März 1949 auf seinem Weg zur Schule verhaftet wurde². Vorgeworfen wurde ihm, sich freiwillig in Kriegsgefangenschaft begeben zu haben, als „Agent der Gestapo“ im Konzentrationslager Buchenwald „sowjetische Patrioten verraten zu haben“ und nach seiner Rückkehr als Spion für ausländische Dienste tätig geworden zu sein. Die Untersuchungshaft dauerte insgesamt 14 Monate, 8 Monate musste Kjung in Einzelhaft verbringen, bevor er im Mai 1950 freigelassen wurde. Trotz seiner Beschreibung drastischer Strafen, wie die Einzelhaft im kalten Karzer, urteilte er 2005 über seine Haftzeit nach dem Krieg: „Es gab keine Grausamkeit, keine physische Gewaltanwendung, keine Folterungen, die Ernährung war normal“³. Ähnlich wie bei N. F. Kjung verlief auch das Schicksal von Nikolaj Simakov aus Novosibirsk, sowjetischer Vertreter im internationalen Lagerkomitee, der nach seiner Rückkehr 1948 verhaftet und zwei Jahre in Untersuchungshaft festgehalten wurde.

Die Repressalien gegen sowjetische Häftlinge aus Buchenwald standen in engem Zusammenhang mit den Ermittlungen des sowjetischen Militärs in Deutschland gegen deutsche kommunistische Häftlinge: Zwischen dem 6. April 1950 und dem 05.02.1951 wurden Ernst Busse und Erich Reschke sowie weitere Zeugen mehrfach vernommen. Vorgeworfen wurde Busse und Reschke, mit der Gestapo zusammengearbeitet und Mithäftlinge ausgeliefert zu haben. Die Vorwürfe gingen auf eine Anklage eines ehemaligen Mithäftlings zurück, den Reschke als Chef der Thüringer Polizei 1946 als Spion

---

¹ Vilenskij M. Vojna za koljučej provolokoj. M., 1958. S. 49ff.

² Im Folgenden: N. F. Kjung, *Dlja menja vojna načalas' v Breste*, 2005 aufgezeichnet von A. A. Anochina, http://www.ainros.ru/osdg1/t6/kyng_nf.pdf [20.09.2018].

³ Ebd.

verhaftet hatte – inhaftiert im sowjetischen Speziallager Buchenwald wirkte er mit an der Anklage gegen Reschke¹. Reschke und Busse wurden zu lebenslänglicher Haft verurteilt, Busse starb am 31.8.1952 in Workuta, Reschke wurde 1955 repatriert und arbeitete nach seiner Rehabilitierung 1956 im Strafvollzug der DDR. Walter Berndt, ein weniger bekannter deutscher Kommunist, wurde aufgrund seiner Funktion als Blockältester im Zeltlager des „Kleinen Lagers“ Buchenwald 1945 vom sowjetischen Geheimdienst verhaftet und zunächst im sowjetischen Speziallager inhaftiert. Von dort als arbeitsfähig ausgesucht, wurde er mit 1 000 weiteren Internierten 1947 nach Karaganda gebracht, wo er auf verschiedenen Baustellen arbeitete. Während die meisten Mithäftlinge entlassen wurden, verurteilte ihn ein sowjetisches Gericht in Karaganda 1949 zu einer langjährigen Haftstrafe aufgrund der Vorwürfe gegen ihn aus der Haftzeit im Konzentrationslager Buchenwald.

Mit den Untersuchungen gegen führende kommunistische Häftlinge war auch deren Stimme in der Memoirenliteratur zunächst verstummt. Dies ändert sich erst 1956, als sich infolge der mit dem 20. Parteitag der KPdSU 1956 begonnenen „Entstalinisierung“ zahlreiche ehemalige Soldaten zu Wort meldeten und ihre Erinnerungen an die Redaktion der Pravda sendeten. Die Erzählung über die Kriegsgefangenschaft war nun zum Teil rehabilitiert worden, musste allerdings den Kampf der Häftlinge vor der Gefangennahme und in Haft besonders hervortreten lassen. Nachdem das CK der KPdSU im September 1956 das Komitee der Kriegsveteranen gegründet hatte, war dies 1957 um ein Abteilungsbüro für ehemalige Kriegsgefangene und Teilnehmer am Widerstand gegen den Faschismus erweitert worden. Früh wurde dort der Wunsch formuliert, auch in den internationalen Komitees der Konzentrationslager mitzuwirken und eine sowjetische Delegation zu entsenden. Obwohl in den Statuten des Veteranenverbandes festgelegt war, die Veteranen als innen- und außenpolitische Propagandisten einzusetzen, schien das CK der KPdSU den Buchenwald-Veteranen sehr zögerlich gegenüber gestanden zu sein. Vermutlich war auch die Auswahl der sowjetischen Vertreter im internationalen Buchenwald-Komitee mit Schwierigkeiten verbunden. Schließlich wurden 1957 Nikolaj

---

¹ Niethammer. S. 79ff.

F. Kjung und Nikolaj S. Simakov zu den sowjetischen Vertretern im Internationalen Komitee Buchenwald und Mittelbau-Dora ausgewählt. Kjung war zu dieser Zeit Lehrer im Moskauer Gebiet und Parteikandidat, Simakov leitete die Versorgungsabteilung im Ministerium für Automobilindustrie in Novosibirsk und war parteilos. Dies wurde zwar als Problem konstatiert, letztlich war jedoch der hohe Bekanntheitsgrad Kjungs und Simakovs bei der Auswahl entscheidend¹. Daraufhin setzte eine intensive Kampagne ein, die die Buchenwald-Erinnerungen verbreitete: So fanden im Laufe des Jahres 1957 zahlreiche Treffen der Mitglieder der Buchenwald-Abteilung im Sowjetischen Veteranenverband in den Redaktionen der Gebietszeitungen statt; vier zum Teil halbstündige Radiobeiträge wurden gesendet; Artikel erschienen in den Zeitungen *Novoe vremja*, *Smena*, *Fiskul'tura*, *Istoričeskij archiv*, *Sovetskaja Rossija* und neun weiteren Zeitungen und Zeitschriften. Diese intensive publizistische Tätigkeit („Öffentlichkeitsarbeit“) führte zu einer offiziellen Rehabilitierung ihrer Protagonisten: Mehr als 30 ehemalige Kommunisten wurden bis zum Dezember 1957 wieder in die Reihen der Partei aufgenommen².

In den Folgejahren entstanden zahlreiche Bücher, zum Teil illustriert, mit autobiographisch angelegten Texten zu Buchenwald. Häufig zeichneten sich Redakteure von Lokalzeitungen für die Herausgabe verantwortlich. In ihrer Vielschichtigkeit entsprechen sie jedoch nur teilweise dem in der Einleitung oder im Klappentext vorgegebenen Tenor, ausschließlich den organisierten Kampf der Häftlinge abzubilden. Vielmehr entstand – abgesehen von der Kanonisierung der bewaffneten Befreiung aus dem Lager – ein vielschichtiges Bild unterschiedlicher Formen von Netzwerken im Lager, von Konflikten innerhalb der Häftlingsgesellschaft und der Selbstbehauptung der Häftlinge, sei es durch heimliche kulturelle Veranstaltungen, Lesungen und die Weitergabe von Informationen von der Front, politische Aufklärungsarbeit oder auch ein Boxkampf im Lager, in dem Andrej Borzenko aus Taschkent überraschend den Europameister in einem fairen Kampf K.O. schlug und damit das Prestige sowjetischer Häftlinge entscheidend verbessern half.

---

¹ GARF. F. 9541. Op. 1. D. 51. S. 189.

² GARF. F. 9541. Op. D. 1. 181. S. 50ff.

Die publizistische „Offensive“ der offiziellen Buchenwald-Erinnerung wirkte sich jedoch auch auf die inoffizielle Buchenwald-Erinnerung aus. Jeder Zeitungs- und Radiobeitrag, jedes Treffen der Veteranen in den Redaktionen weckte und formulierte gleichzeitig Erinnerungen, die nun auch artikuliert werden konnten: Zahlreiche Briefe an das Veteranenkomitee zeugen von den Erfahrungen der Buchenwald-Häftlinge in der Sowjetunion. Den ehemaligen Häftlingen ging es dabei jedoch weniger um das heroische Narrativ, als um eine konkrete Verbesserung ihrer schwierigen Lebensverhältnisse. So schrieb beispielsweise F. D. Brovko 1958 an den Veteranenverband, er sei nach seiner Rückkehr in die Heimat als Invalide Verdächtigungen ausgesetzt worden und habe seine seit 1924 bestehende Parteimitgliedschaft verloren. Durch die Popularisierung der Buchenwald-Erfahrung in der Presse und im Radio habe er jedoch wieder Hoffnung geschöpft, er hoffe auf eine Bestätigung über seine Haftzeit in Buchenwald, um wieder in die Partei aufgenommen zu werden. Der Brief schließt mit einem Loblied auf die sowjetische Gesellschaft und einer erneuten Anrufung der Genossen im Veteranenverband, ihm zu helfen¹. Auch wenn dieser Teil der Erinnerungen nicht gedruckt wurde, ist er doch gewissermaßen komplementär oder im Dialog zu den veröffentlichten heroischen Berichten zu lesen: Das veröffentlichte Widerstandsnarrativ gab die Legitimation, eine öffentliche individuelle Rehabilitierung – als Parteimitglied, oder durch den Zuspruch eines Sanatoriumsplatzes – einzuleiten.

Währenddessen verfolgte der Verband seine außenpolitische Agenda weiter: Im Frühjahr 1958 reiste V. Popov, als russischer Kriegsgefangener in Buchenwald inhaftiert und Mitinitiator der Untergrundorganisation, durch verschiedene ehemalige Konzentrationslager. Dabei kritisierte er die Vernachlässigung der Massengräber sowjetischer Bürger und die schwache Darstellung von „Materialien, die das patriotische Verhalten der sowjetischen Kriegsgefangenen und ihren antifaschistischen Kampf zeigten“². Im September 1958 reiste schließlich eine sowjetische Delegation bestehend aus sechs ehemaligen Häftlingen nach Weimar, um dort an der „interna-

---

¹ GARF. F. 9541. Op. 1. D. 312. S. 80ff.

² GARF. F. 9541. Op. 1. D. 410. S. 3.

tionalen Manifestation zur Einweihung des Denkmals“ teilzunehmen. In seinem Tätigkeitsbericht schrieb der Veteranenverband, die Teilnahme habe „große politische Bedeutung, da sie die internationalen Verbindungen mit den Widerstandskämpfern Frankreichs, Deutschlands, Belgiens, Polens, Österreichs, der Tschechoslowakei festigen und ausbauen konnte“¹.

Die offizielle Erinnerung an Buchenwald und deren politische Funktion lässt sich abschließend vielleicht mit dem weithin hörbaren Klang der Buchenwald-Glocke vergleichen. Der mannigfaltige, mehrtönige Widerhall dieses Klangs im sowjetischen Alltag ehemaliger Buchenwald-Häftlinge ist mit dieser offiziellen Erinnerung in einen direkten Bezug zu setzen.

Literaturverzeichnis:

1. Виленский М. Э. Война за колючей проволокой. М., 1958.
2. Кюнг Н. Ф. Для меня война началась в Бресте. Воспоминания 2005, записанные А. А. Анохиной. Режим доступа: http://www.ainros.ru/osdg1/t6/kyng_nf.pdf [20.09.2018].
3. Немировская Д. Бухенвальдский набат. Об истории создания и авторе. Режим доступа: <http://www.stihi.ru/2015/07/03/6495> [20.09.2018].
4. Поливин Г. Это было в Бухенвальде. Новосибирск. 1959.
5. Neumann-Thein Ph. Parteidisziplin und Eigenwilligkeit. Das Internationale Komitee Buchenwald-Dora und Kommandos. Göttingen, 2014.
6. Niethammer L. Der ‚gesäuberte‘ Antifaschismus: Die SED und die roten Kapos von Buchenwald. Dokumente. Berlin, 1994.
7. Semprún J. Was für ein schöner Sonntag. Paris, 1980.
8. Vilenskij M. Vojna za koljučej provolokoj. М., 1958.

---

¹ GARF F. 9541. Op. 1. D. 410.

СОПРОТИВЛЕНИЕ СОВЕТСКИХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В КОНЦЕНТРАЦИОННОМ ЛАГЕРЕ БУХЕНВАЛЬД

Аннотация: В сообщении анализируется весь спектр практик сопротивления советских узников Бухенвальда, который в советское время сводился исключительно к вооруженному сопротивлению. Характеризуется роль сетей лагерного сопротивления, организованного главным образом немецкими коммунистами, для становления и функционирования групп сопротивления советских узников из числа военнопленных и «политических».

Ключевые слова: Бухенвальд, концентрационный лагерь, советские заключенные, немецкие коммунисты, сопротивление, солидарность, нарратив.

Наше представление о сопротивлении советских заключенных в концентрационных лагерях по-прежнему в значительной степени определяется нарративом вооруженного сопротивления. Это соответствует тому образу, который нарисован во многих сообщениях и мемуарах бывших советских заключенных. Из дошедших до нас источников только незначительная часть была создана во время заключения: это в основном материальные артефакты. Редкостью является собрание свидетельств узников, которое возникло непосредственно сразу после освобождения в 1945–1946 гг. Большинство свидетельств появилось, начиная со второй половины 1950-х годов, уже в контексте «оттепели». Нередко их авторы после репатриации «приобрели» еще один лагерный опыт, на этот раз в ходе фильтрации. Этот опыт сыграл свою роль в процессе написания воспоминаний бывшими советскими военнопленными и его также необходимо принимать во внимание. Ряд свидетельств, таких как свидетельства, включенные в сборник материалов под редакцией Хайнца Гронау, появился в ответ на конкретные требования со стороны немецких коммунистов. Гронау сам был заключенным Бухенвальда в 1938–1945 гг. и принадлежал к коммунистическому подполью. Таким образом, другие перспективы

описания сопротивления лагерников оказались вытеснены на периферию и не дошли до нас. Исследование материалов Гронау показывает, что в результате был создан специфический групповой канон, который фокусировал воспоминания и свидетельства заключенных исключительно на организованном вооруженном сопротивлении.

Это особенно касается группы советских военнопленных. Изображение солдата Красной Армии, сражающегося по другую сторону фронта, даже в неволе, которого не в силах сломить фашисты, являлось единственно возможным вариантом, который мог быть органично вписан в советский нарратив «сопротивления всего народа против немецко-фашистских захватчиков». Советская пропаганда объявила образ сражающегося солдата Красной Армии, готового пожертвовать жизнью ради Родины, единственно возможным. Поэтому именно советские военнопленные подчеркивали свою готовность дать отпор врагу, так как им было необходимо, найти оправдание своему нахождению в плену. Поэтому их сообщения содержат элементы высокой героики. Все другие формы сопротивления, такие как индивидуальное самоутверждение, оказались в результате на заднем плане.

Настоящий доклад призван разрушить этот нарратив «военного сопротивления» и продемонстрировать целый спектр «сопротивленческих» действий военнопленных. Какие формы сопротивления на самом деле практиковали советские заключенные, особенно военнопленные? Какие предпосылки побудили их к этому? В какой мере сформировались сети группового сопротивления и каково было их качество? Имелась ли среди участников сопротивления разница во мнениях или даже конкуренция? И где лежали границы сопротивления – речь идет как о внешних пределах, налагаемых лагерями СС, так и о внутренних самоограничениях.

Выступление является апробацией первых результатов научно-исследовательского проекта, в ходе которого планируется осуществить широкое изучение поведения советских военнопленных целого ряда лагерей. Несмотря на то, что уже существуют исследования сопротивления в концентрационных лагерях, по-прежнему нет работы, которая была бы посвящена спе-

цифической группе советских заключенных лагерей всех видов. Препятствием на пути всестороннего освещения темы является также сложность лагерного общества, многогранность линий развития и амбивалентность межгруппового сопротивления. Из-за ограниченного времени выступления автор вынужден опустить здесь несколько аспектов.

Источниковую базу моего доклада составляют ранние сообщения 1945–1946 гг., хранящиеся в архиве Бухенвальда, а также уже упомянутое собрание материалов Хайнца Гронау, возникшее в 1970-е годы. В качестве теоретической основы я применяю концепцию сопротивления Детлефа Гарбе, который нарисовал модель четырех последовательных категорий: самопомощь, солидарность, отказ и сопротивление. Эта модель задает структуру для сложных и разнообразных практик сопротивления. По словам Гарбе, в основе всего была «[...] решимость к самопомощи, которую заключенные противопоставили намеренному уничтожению их идентичности, практиковавшемуся СС, а также безнадежности лагерной реальности». В свою очередь самоутверждение стало «[...] предпосылкой для солидарности [...] которая обычно связывала небольшие товарищества и приносила пользу всем участникам». «Воля сохранить личность порождала отказ, к которому заключенные [...] прибегали в определенных экзистенциальных ситуациях». Что же касается собственно сопротивления, то оно, согласно Гарбе, характеризовалось явным убеждением и твердым намерением.

II. Предпосылки сопротивления и структура групп. Не все заключенные могли оказывать сопротивление, для этого требовались конкретные предпосылки. Каких-либо шансов была лишена специфическая группа советских военнопленных, которые были убиты сразу же после прибытия в лагерь во исполнение приказа Верховного главнокомандования вермахта об обращении с политическими комиссарами. Казни советских военнопленных проходили в Бухенвальде с сентября 1941 г. по 1944 г. По оценкам, число жертв составляет здесь около 8 400 человек. Совершенно очевидно, что время прибытия в лагерь и странственные условия были решающими для разработки стратегий выживания. Кроме того, сопротивление следует рассматривать как дело определенной специфической группы. Здесь

ключевую роль играла категория, к которой относился тот или иной узник. Эта категория определяла позицию заключенного в лагерной иерархии, что, в свою очередь, диктовало степень доступа к материальным благам и персональным сетям заключенных. В нарративе сопротивления бывших заключенных групповая классификация выступает в качестве краеугольного камня идентичности, а амбивалентность идентичностей часто приводила к конкуренции за лидирующие позиции в лагере. Это наблюдается и в отношении советских заключенных. В одной из рецензий, которая датирована 1972 г., говорится: «В книге не было сказано о деятельности подпольной организации советских военнопленных. Но именно среди них возникла нелегальная организация, именно здесь была выработана ее структура и определены ее цели [...]. Нет сомнений в том, что заявления политических заключенных стали жертвой тенденциозного отбора». Уже из этого текста видно, что сами акторы проводили четкое разделение между «военнопленными» и «политическими» узниками.

Появление советских военнопленных стало поворотным моментом в истории сопротивления в Бухенвальде. Так, когда 18 октября 1941 г. прибыли первые 2 000 военнопленных из Шталага XD Витцендорф, спонтанно была проведена акция по оказанию им помощи. Для политического подполья это не осталось без последствий: немецких коммунистов перевели в «штрафную роту», и они потеряли важный пост главного старосты лагеря, который теперь был занят одним из уголовников. Для коммунистического сопротивления это было неудачей, и потребовалось время до конца 1942 г., прежде чем коммунисты вновь смогли утвердить свое положение в конкуренции с «зелеными»¹. Смертельная угроза, которую в этой ситуации несли репрессии со стороны СС, оставила травму в памяти немецких коммунистов, и в конечном итоге привела к тому, что они с этого момента считали приоритетными сохранение безопасности организации и обеспечение своих собственных позиций.

---

¹ Уголовники носили в Бухенвальде зеленые нашивки, политзаключенные – красные и т.д.

Группа советских военнопленных была заперта за колючей проволокой на территории, изолированной от остального лагеря. Место заключения военнопленных функционировало в качестве своего рода «особого объекта» вплоть до освобождения Бухенвальда. Контакты с заключенными других групп стали возможны для советских военнопленных только после того, как весной 1942 г. их стали использовать на общих работах. К лету 1942 г. в результате болезней и голода их численность уменьшилась почти вдвое. Только после того, как их задействовали для работ на предприятиях Гуслоффверке II и DAW, высокая смертность начала сокращаться, так что количество советских военнопленных колебалось в Бухенвальде вплоть до 1945 г. в пределах 800–900 человек.

К военнопленным относилась также группа советских политзаключенных, зарегистрированных как «политические русские». Спектр их происхождения и причины ареста были чрезвычайно неоднородны. В этой «политической» группе имелись также военнослужащие Красной Армии, которых, например, отправили в концентрационный лагерь за попытку побега. Однако в качестве «политических заключенных» эти военнопленные не подвергались изоляции, они были распределены между казармами по всему лагерю. Поэтому у них был больший и совершенно иначе организованный круг действий, чем у советских военнопленных в трудовом лагере. «Политические русские» сыграли важную роль в организации контактов заключенных. Однако, прежде всего, они помогли сформировать культурную и политическую жизнь в лагере.

Самоутверждение. Сразу же после того, как узников помещали в концентрационный лагерь, каждый заключенный поначалу мог рассчитывать только на себя. Определяющей была борьба за еду, одежду или место для сна. Недоедание и голод стали главными инструментами СС, чтобы сломить узников концентрационных лагерей. Не сдаваться голоду было синонимом борьбы за сохранение своей личности. Кроме того, сразу же после попадания в лагерь заключенные оказывались вовлеченными в борьбу за определенное положение в системе неравенства, созданной СС. Однако стратегии, направленной исключительно на самоутверждение своей собственной персоны, проти-

востояла культурная деятельность в лагере. Для тех заключенных, которые имели к ней доступ, она имела центральное значение, поскольку обладала морально восстанавливающим эффектом. Так, среди советских военнопленных были художники, которые пытались отразить повседневную жизнь в своих рисунках. Эти рисунки рисовались втайне, на клочках негодной бумаги, углем, огрызками карандаша или тушью. Одним из таких художников был Валентин Ермакович. Студент архитектурного вуза, он стал сержантом Красной Армии и попал в плен в конце 1942 г. под Ленинградом. Ермакович был переведен в концентрационный лагерь Бухенвальд в 1943 г. из Шталага XII А Лимбург-ан-дер-Лан. Рисунки Ермаковича очень выразительны. Их ценность в качестве источников, несомненно, состоит в том, что они документируют лагерную повседневность, ведь в отличие от письменных свидетельств они возникли непосредственно в лагере. Портреты, такие как портрет польского заключенного Юзефа Прибула, дают возможность снабдить «лицами» анонимных заключенных. Даже те заключенные, которые не выжили в лагере, тем самым были вырваны из забвения. Художники, подобные Ермаковичу, пытались уловить перспективу своих товарищей по лагерю – перспективу жертв. Рисунки являлись инструментом борьбы за интеллектуальное выживание, а также средством, воспринимать себя как личность и как цивилизованное существо и, тем самым, отличать себя от своих палачей. Таким образом, искусство было стратегией выживания и в то же время средой, чтобы показать свое сопротивление.

Солидарность. Неравенство заключенных, созданное лагерями СС, в основном преследовало целью разобщение и атомизацию заключенных. В этом смысле лагерь СС абсолютно не был заинтересован в солидарности заключенных, напротив, он форсировал существующие противоречия и конфликты. Таким образом, возможность выживания могла быть достигнута только путем присоединения к уже существовавшим групповым структурам. Присоединение к той или иной группе зависело политических убеждений, национальной принадлежности, общего религиозного исповедания и других социальных маркеров. На этой базе развивались различные формы солидарной помощи – как специфические для каждой отдельной группы, так и меж-

групповые. Гарбе подчеркивает, что предоставление помощи было возможно только теми заключенными, которые больше не были вынуждены, обеспечивать только собственное выживание.

В качестве примера солидарной помощи можно назвать спасение в общей сложности 904 детей и подростков. Для их размещения коммунистическое сопротивление приспособило две казармы – блок 8 и блок 66. В детском блоке 8, который находился в непосредственной близости от лагеря военнопленных, советские заключенные энергично поддерживали старшего по блоку Франца Лейтнера. Для нравственного воспитания, а также для дисциплинирования детей, вероятно, по инициативе советского военнопленного Михаила Левченкова, в феврале 1944 г. была создана школа, в которой военнопленные учили детей. Одним из учителей школы был Якоб Гофтман, который попал в Бухенвальд под ложным именем. До войны он работал в Ростове как цирковой артист, а в сентябре 1941 г. был взят в плен под Смоленском. Гофтман был евреем. Ему удалось раздобыть документы погибшего солдата Красной Армии. Отныне его звали Яков Никифоров. После попытки побега из Шталага Берген-Бельзен осенью 1943 г. его отправили в Бухенвальд. Благодаря посредничеству немецких коммунистов он был переведен в блок 8. Здесь Гофтман отвечал за музыкальное воспитание детей, учил их песням и стихотворениям. В воспоминаниях узников содержатся также упоминания о коротких эстрадных выступлениях детей перед советскими военнопленными. Кроме того, несовершеннолетним ученикам преподавали математику, немецкий, русский, спорт, географию и историю. «Гражданский» пленный Владимир Холопцев из числа обслуживания «школьного» барака писал: «В наше дело были вовлечены некоторые немецкие и чешские товарищи, которые особенно помогали нам с бумагой и карандашами. Эти чрезвычайно важные учебные материалы добывались с большим трудом в писарском отделении, отделении трудового учета, в библиотеке, в кладовой, где хранились личные вещи заключенных, и даже в писарском отделении СС. Советские военнопленные [...] сделали из фанеры две небольшие доски, которые были спрятаны за стенными шкафами».

Здесь явно выражается межгрупповое взаимодействие акторов, в котором принимали участие советские заключенные, несмотря на весь связанный с этим риск. Выбор «надежных» опекунов по уходу за несовершеннолетними был основан на их политической «надежности». В этом принимали участие также советские военнопленные, которые благодаря такой «подбору кадров» имели возможность сыграть существенную роль в формировании политики подполья. Однако помощь детям советских заключенных не была полностью бескорыстной: так, имеются свидетельства о формировании подпольных молодежных групп, которые должны были распространять среди лагерников свежие новости о событиях на фронте. Такая деятельность была далеко небезопасной в условиях концентрационного лагеря. Таким образом, несовершеннолетние стали активной составляющей конспиративных структур.

Отказ и уклонение. В сообщениях бывших советских заключенных содержатся многочисленные описания отказа от работы и саботажа. Именно они составляют основное ядро советского нарратива сопротивления. В Бухенвальде среди военнопленных было в ходу крылатое выражение: «Команда X – работа никс»! Для военнопленных этот лозунг был неписанным законом, призывом к саботажу путем замедления работы. Кроме того, они изготавливали холодное оружие и бутылки с зажигательной смесью для подполья.

Следует также упомянуть еще одну форму отказа от работы – побег. Согласно Герману Лангбайну, побег не является формой сопротивления. Лангбайн характеризует их как «деятельность с более широкими целями». Гарбе, в свою очередь, рассматривает побег именно как форму активного сопротивления, хотя они часто были «направлены против групповых интересов [...] заключенных». На самом деле, побег преимущественно были средством обеспечения собственного выживания. Они не были предназначены для выживания конкретной группы заключенных как коллектива и, следовательно, лишены компонента солидарности. Побег были характерны особенно для группы советских заключенных. Однако побег означали непредсказуемую ситуацию для организованного сопротивления и, следовательно, таили в себе угрозу. Так, с немецким сопротивлением оказалась связана судьба одного

советского офицера, отправленного в Бухенвальд для немедленной казни в феврале 1943 г. Там ему удалось бежать, и он спрятался в главном лагере. Эсэсовцы потребовали выдать его под угрозой суровых наказаний. Руководство немецкого сопротивления выполнило это требование и передало офицера эсэсовцам. Этот пример свидетельствует об амбивалентности именно организованного сопротивления в концентрационном лагере. С одной стороны, организованные структуры могли оказывать помощь лишь в том случае, если сохраняли за собой ключевые позиции в лагере; с другой стороны, функционеры из числа узников не могут избежать разделения ответственности за преступления СС.

Организованное сопротивление. В качестве специфической черты Бухенвальда часто называют «чрезвычайно высокую степень организации» коммунистического сопротивления. После освобождения этот нарратив формировался главным образом под влиянием немецких коммунистов, которые ссылались на Интернациональный лагерный комитет (ILK), основанный летом 1943 г. Этому комитету подчинялись все национальные группы сопротивления.

Советские заключенные также заявляли о строгой иерархии, единой воле и безусловном повиновении в своих рядах. Но есть доказательства того, что дисциплина и групповая идентичность были достигнуты с большим трудом. Кроме того, в более поздних публикациях наблюдается тенденция, скрыть сложные моменты в процессе создания единого советского центра сопротивления. Несомненно, вначале существовали различные подпольные группы – как состоявшие из военнопленных, так и из политзаключенных. Общей для них была задача улучшения материальной ситуации. Но они действовали отдельно друг от друга и, по словам бывшего военнопленного Алексея Лысенко, «[...] не сформулировали для себя четких и точных задач создания подпольного движения [...]». Об аналогичных трудностях сообщал в 1946 г. Василий Азаров, инженер из Гомеля, депортированный в Бухенвальд в августе 1942 г. как «политический русский». Среди советских политзаключенных возник ряд групп, самопровозглашенная цель которых заключалась в организации материальной самопомощи, а также моральном и политическом укреплении духа советских заключенных.

Напротив, ориентация военнопленных на вооруженное сопротивление использовалась как обязательный и дисциплинирующий элемент, определявший их идентичность. Это отделяло военнопленных от других групп заключенных из числа советских граждан. Кроме того, они были отделены от лагеря в пространственном отношении, за счет изолированного содержания. Внутри этой обособленной группы тон задавал сержант Николай Симаков. Он прибыл в Бухенвальд в составе первого транспорта военнопленных в октябре 1941 г. Осенью 1942 г. вместе со Степаном Баклановым ему удалось добиться объединения разрозненных нелегальных групп военнопленных. Они называли себя «ударной бригадой», целью которой было вооруженное восстание. «Организационно и функционально структура бригады полностью повторяла структуру Красной Армии». Это разделение военных и политических функций, а также ведение контрразведки с целью выявления шпионов и шпииков воспринял впоследствии также объединенный советский центр сопротивления. Однако объединение военнопленных с группой «политических русских» состоялось только в конце 1943 г. То, что процесс сближения длился так долго, дает основание предполагать наличие противоречий и конкуренции.

Помимо этого, для советской группы сопротивления было характерно самодисциплинирование. В конце концов, коллектив военнопленных представлял собой «[...] довольно верное отображение сталинского общества». Это также означало готовность, активно выявлять коллаборационистов и врагов. Например, бывший генерал Григорий Кушнир-Кушнарев, подозреваемый в том, что он служил информатором для СС, был «до смерти залечен» с помощью немецких заключенных из числа немецкой обслуги лазарета. Даже в своих рядах члены советского сопротивления «обезвреживали» тех, с кем возникали личные разногласия. Так произошло с Василием Жуком, «политическим русским», который был слишком «горяч» для всех сторон. По словам Симакова, его по рекомендации немецких товарищей включили в состав рабочей команды, которая работала на предприятиях Густлофф-Верке I в Веймаре. В данном случае произошло дисциплинарное воздействие немецких коммунистов,

для которых главной целью было обеспечение групповой безопасности.

Самопровозглашенной целью организованного сопротивления было вооруженное восстание. Согласно преданию, восстание целенаправленно готовилось путем саботажа, контрабанды оружия, изготовления ручных гранат, холодного оружия, а также радиостанции. Как движущая сила восстания, в советском нарративе изображалась именно группа военнопленных: в сообщениях выживших военнопленных четко подчеркивается, что они неоднократно настаивали на восстании. Если же читать отчеты немецких представителей Интернационального лагерного комитета, то эта часть истории вряд ли найдет свое подтверждение.

10 апреля 1945 г. 500 вооруженных советских военнопленных под руководством Симакова были отправлены из лагеря в ходе акции СС по его очистке. По некоторым данным, Симаков и поддержавшие его военнопленные единолично приняли решение о побеге во время так называемого «марша смерти». Если следовать этому рассказу, то он подтверждает гипотезу, согласно которой советские военнопленные постоянно конфликтовали с остальной частью лагерного сопротивления, стремясь вырваться из лагеря с оружием в руках. Некоторым военнопленным действительно удалось сбежать. Они присоединились к партизанским отрядам или к частям Красной Армии. Так, Алексей Лысенко принимал участие в освобождении Праги.

III. Резюме. Для сопротивления советских заключенных в концентрационном лагере Бухенвальд основополагающим было наличие организованных ранее сетей коммунистов немецкого, чешского, польского и австрийского происхождения. Только на основе уже существовавших структур можно было разработать стратегии выживания и сформировать культуру сопротивления. Конкретные примеры показывают, что вопреки традиции и связанным с ней акцентом на военном сопротивлении, сопротивление советских заключенных имело *гораздо более широкий спектр*. Таким образом, советский нарратив сопротивления, в том виде, в котором он сложился сразу после освобождения, но не позднее второй половины пятидесятых годов, представляет собой *упрощение* и, следовательно, *обесценивание* всего спек-

тра сопротивленческих действий советских заключенных. Повествование о вооруженном сопротивлении «за колючей проволокой концентрационных лагерей» было обусловлено для советских заключенных необходимостью, оправдать собственное попадание в плен. Поэтому именно военнопленные указывали, что они также сражались за победу над фашизмом, будучи военным отрядом организованного подпольного движения в концентрационном лагере. Тем самым они надеялись на общественное оправдание своего пленения, в чем им до определенного времени было отказано. Эта «внешняя» способность к сопротивлению сочетается в нарративе с высокой степенью «внутренней» сопротивляемости и усиленным чувством своей всемирной миссии. Если в ранних сообщениях все еще наблюдаются следы разногласий внутри отдельных советских групп сопротивления, то в более поздних свидетельствах эти конфликты затушевываются в пользу закливаемого единства. Немецкие коммунисты в своих воспоминаниях оставляли дисциплинирующую роль именно за собой, в то время как военное сопротивление советских военнопленных представляется в качестве нового импульса. Однако, в свете истории эвакуации лагеря эсэсовцами становится ясно, что немецкие коммунисты понимали сопротивление иначе. Для них на первом месте была безопасность организации и свое собственное существование. Немецкая часть сопротивления в Бухенвальде проигнорировала то вынужденное положение, в котором находились советские военнопленные, а именно необходимость вырваться из лагеря с оружием в руках даже ценой собственной смерти.

Ganzenmüller A., Weimar

WIDERSTAND SOWJETISCHER HÄFTLINGE IM KONZENTRATIONSLAGER BUCHENWALD

Abstract: Der Vortrag analysiert die Bandbreite von widerständigem Verhalten sowjetischer Häftlinge des KZ Buchenwald. In der sowjetischen Ära wurde ausschließlich der bewaffnete

Widerstand betrachtet. Der Vortrag analysiert die Bedeutung des Widerstandnetzwerks, das vor allem von deutschen Kommunisten organisiert wurde, für Aufbau und Funktionsweise der sowjetischen Widerstandsgruppen von Kriegsgefangenen und Politischen Häftlingen.

Schlüsselwörter: Buchenwald, Konzentrationslager, sowjetische Gefangene, deutsche Kommunisten, Widerstand, Solidarität, Erzählung.

Unser Bild vom Widerstand sowjetischer Häftlinge in Konzentrationslagern ist bis heute wesentlich von dem Narrativ eines militärisch ausgerichteten Widerstandes geprägt. Dies entspricht der Perspektive, die sich in vielen Berichten und Memoiren ehemaliger sowjetischer Häftlinge widerspiegelt. Nur ein Bruchteil der überlieferten Quellen sind während der Lagerzeit entstanden: hier handelt es sich zumeist um materielle Überreste. Eine Rarität ist eine Sammlung von Berichten, die unmittelbar nach der Befreiung 1945/1946 entstand. Die meisten weiteren Zeugnisse erschienen ab der zweiten Hälfte der 50er Jahre im Kontext des „Taufwitters“. Nicht selten hatten ihre Verfasser nach der Repatriierung eine „zweite Lagererfahrung“ im Zuge der Filtrationen hinter sich. Diese Erfahrung muss im Entstehungsprozess sowjetischer Berichte mitgedacht werden. Etliche Zeugnisse wurden zudem auf konkrete Nachfrage deutscher Kommunisten erstellt, etwa die von Heinz Gronau angelegte Materialsammlung. Gronau war selbst von 1938–1945 Buchenwaldhäftling und gehörte zum kommunistischen Untergrund. Anders gelagerte Perspektiven wurden im Zuge dessen hinausgedrängt und damit nicht tradiert. Das Quellenstudium der Gronau-Sammlung belegt die Herausbildung eines gruppenspezifischen Kanons für sowjetische Häftlinge, der den militärisch organisierten Widerstand fokussiert. Dies gilt insbesondere für die Gruppe der sowjetischen Kriegsgefangenen. Die Darstellung des jenseits der Front, selbst in Gefangenschaft kämpfenden Rotarmisten, der sich von den Nationalsozialisten nicht brechen lässt, erscheint hier als einzige Möglichkeit, sich in die sowjetische Erzählung vom „Widerstand des gesamten Volkes gegen die faschistischen Eindringlinge“ einzuschreiben. Die sowjetische Propaganda erklärte das Bild des aufopferungsvoll für die Heimat kämpfenden Rotarmisten zum

einzig akzeptierten Narrativ. Daher betonen insbesondere sowjetische Kriegsgefangene ihre militärische Wehrhaftigkeit. Sie standen unter dem Druck, ihre Gefangenschaft rechtfertigen zu müssen. Ihre Berichte enthalten deshalb stark heroisierende Elemente. Andere Formen widerständigen Verhaltens, wie individuelle Selbstbehauptung, treten demgegenüber in Hintergrund.

Dieses Widerstandsnarrativ möchte der Vortrag aufbrechen und nach einem Spektrum an widerständigen Handlungen sowjetischer Häftlinge fragen. Welche Formen von Gegenwehr lassen sich für sowjetische Häftlinge, insbesondere für ehemalige sowjetische Kriegsgefangene, konstatieren? Welchen Voraussetzungen unterlagen diese? Inwieweit kam es zu gruppenspezifischen Netzwerken und von welcher Qualität waren diese? Gab es Meinungsverschiedenheiten oder gar Konkurrenzkämpfe? Und wo stieß sowjetischer Widerstand an seine Grenzen – sowohl mit Blick auf eine von außen bestimmte Begrenzung durch die Lager-SS als auch auf eine gruppeninterne, also selbstbestimmte?

Bei dem Beitrag handelt es sich um einen Werkstattbericht, der am Anfang eines Forschungsprojekts steht, welches auch lagerübergreifend angedacht ist. Zwar existieren Untersuchungen zum Widerstand in Konzentrationslagern, doch eine gruppenspezifische und lagerübergreifende Studie für sowjetische Häftlinge existiert nicht. Etliche Aspekte müssen aus zeitlichen Gründen unberücksichtigt bleiben. Die Komplexität der Lagergesellschaft, Entwicklungslinien und Ambivalenzen eines gruppenübergreifenden Widerstands können nicht in ausreichendem Umfang thematisiert werden.

Quellenbasis meiner Ausführungen bilden die sich im Archiv der Gedenkstätte Buchenwald befindenden frühen Berichte der Jahre 1945/46 sowie die bereits erwähnte, in den 70er Jahren zusammengestellte Materialsammlung von Heinz Gronau. Als theoretischen Rahmen lege ich den Widerstandsbegriff von Detlef Garbe an, der in einem Modell von vier aufeinander aufbauenden Kategorien – Selbsthilfe, Solidarität, Verweigerung und Widerstand – der Vielschichtigkeit widerständiger Verhaltensweisen Struktur verleiht. Dabei war nach Garbe die „Entschlossenheit zur Selbsthilfe, die der von der SS beabsichtigten Zerstörung der eigenen Identität und der Hoffnungslosigkeit der Lagerrealität trotzte“. Diese

Selbstbehauptung war,, Voraussetzung für Solidarität, die sich zumeist in kleinen Kameradschaften vollzog und allen Beteiligten Nutzen versprach.“ „Aus dem Willen zur Identitätswahrung erwuchs auch jene Verweigerung, die von Häftlingen in bestimmten, für sie existentiellen Situationen eingenommen wurde.“ Widerstand war somit nach Garbe, von einer klaren Überzeugung und festen Absicht gekennzeichnet.

II. Voraussetzungen und Gruppenstruktur. Nicht allen Häftlingen war es möglich Widerstand zu leisten, dafür bedurfte es konkreter Voraussetzungen. Hierfür steht die Gruppe sowjetischer Kriegsgefangener, die im Zuge des vom Oberkommando der Wehrmacht erlassenen Befehls der „Richtlinien über die Behandlung politischer Kommissare“ unmittelbar nach ihrer Ankunft ermordet wurden. Exekutionen sowjetischer Kriegsgefangener fanden in Buchenwald von September 1941 bis 1944 statt. Schätzungen zufolge liegt die Zahl der Opfer hier bei etwa 8 400. Deutlich wird, dass Einlieferungszeitpunkt und räumliche Gegebenheiten bestimmend für die Entwicklung von Überlebensstrategien waren. Zudem muss Widerstand gruppenspezifisch betrachtet werden. Hier spielte die Haftkategorie eine wesentliche Rolle. Sie definierte die Stellung innerhalb der Lagerhierarchie, wodurch der Zugang zu Gütern und personellen Netzwerken bestimmt wurde. Im Widerstandsnarrativ ehemaliger Häftlinge bildet die Haftkategorie einen identitätsstiftenden Grundpfeiler, aus dem oft Konkurrenzen um Deutungshoheiten erwuchsen. Dies ist auch für sowjetische Häftlinge zu beobachten. In einem Schreiben des Jahres 1972 heißt es: „Nicht dargestellt wurde im Buch die Tätigkeit der illegalen Organisation der sowjetischen Kriegsgefangenen. Aber gerade dort war es doch, wo die illegale Organisation entstand, wo ihre Struktur festgelegt und die Ziele [...] abgesteckt wurden. [...] Es steht außer Zweifel, dass die Aussagen der politischen Häftlinge einer tendenziösen Auswahl anheimfielen“. Hieraus geht hervor, dass die Akteure selbst eine klare Trennung in „Kriegsgefangene“ und „Politische“ unternahmen.

Die Ankunft der ersten sowjetischen Kriegsgefangenen war eine Zäsur in der Widerstandsgeschichte Buchenwalds. So kam es zu einer spontanen Hilfsaktion, als am 18. Oktober 1941 die ersten 2 000 Kriegsgefangenen aus dem Stalag XD Wietzendorf eintrafen.

Für den politischen Untergrund blieb dies nicht ohne Folgen: Kommunisten wurden in die „Strafkompanie“ versetzt und sie verloren die wichtige Funktion des I Lagerältesten, die nun mit einem Vorbestraften besetzt wurde. Für den kommunistischen Widerstand war dies ein Rückschlag und er brauchte bis Ende des Jahres 1942, um sich gegen die „Grünen“ erneut zu behaupten. Die hier erlebte existentielle Bedrohung durch die Repressionen der SS blieb vor allem im Gedächtnis der deutschen Kommunisten traumatisch und sollte letztlich dazu führen, dass deutsche Kommunisten von nun an die Sicherheit der Organisation und die eigenen Positionen als primär betrachteten.

Die Gruppe der Kriegsgefangenen wurde in einen mit Stacheldraht vom Rest des Lagers isolierten Bereich gesperrt. Er blieb als Art „Sondereinrichtung“ bis zur Befreiung Buchenwalds bestehen. Kontakte mit Häftlingen anderer Gruppen waren für Kriegsgefangene erst mit dem Arbeitseinsatz im Frühjahr 1942 möglich. Bis zum Sommer 1942 hatte sich ihre Zahl durch Krankheit und Hunger nahezu halbiert. Erst mit Einsatz in den Betrieben der Gustloffwerke II und der DAW ging die hohe Sterblichkeit der Gruppe zurück, so dass sich ihr Bestand bis 1945 zwischen 800 und 900 einpendelte.

Zu den Kriegsgefangenen verhält sich die Gruppe der als „politische Russen“ registrierten sowjetischen Häftlinge. Das Spektrum ihrer Herkunft und ihrer Verhaftungsgründe ist extrem heterogen. So fanden sich auch Rotarmisten in der Gruppe der „politischen Russen“, die z.B. wegen Fluchtversuchen in KZ's eingeliefert wurden. Als „politische Häftlinge“ unterlagen diese Kriegsgefangenen jedoch nicht der Isolierung, sie waren auf verschiedene Baracken des ganzen Lagers verteilt. Daher hatten sie größere und anders gelagerte Handlungsspielräume als sowjetische Kriegsgefangene des Arbeitslagers. Die „politischen Russen“ spielten eine wichtige Rolle bei Vermittlungen von Kontakten. Vor allem aber gestalteten sie das kulturelle und politische Leben im Lager mit.

III. Selbstbehauptung. Unmittelbar nach ihrer Einlieferung in ein KZ waren Häftlinge zunächst auf sich selbst zurückgeworfen. Hier waren der Kampf um Essen, Kleidung oder genügend Schlafplatz bestimmend. Mangelernährung und Hunger waren ein zentrales Instrument der Lager-SS, um Menschen im KZ zu brechen.

Sich dem Hunger nicht zu ergeben war gleichbedeutend mit dem Ringen um das Aufrechterhalten der eigenen Identität. Darüber hinaus fing sofort nach der Einlieferung das Erkämpfen einer gewissen Position innerhalb des von der SS geschaffenen Systems der Ungleichheit statt. Das hier auf die eigene Person gerichtete Moment der Selbstbehauptung wird jedoch aufgebrochen durch kulturelle Aktivitäten im Lager. Für jene Häftlinge, die einen Zugang zu ihr hatten, war sie von zentraler Bedeutung, da sie eine moralisch aufbauende Wirkung entfaltete. So gab es unter den sowjetischen Kriegsgefangenen Künstler, die versuchten mit Zeichnungen den Lageralltag zu spiegeln. Heimlich erfolgte dies meist auf Abfallpapier, mit Bleistift- und Kohleresten oder mit Tusche. Einer von ihnen war Valentin S. Ermakovič. Der Student der Architektur, geriet als Sergeant der Roten Armee Ende 1942 bei Leningrad in Kriegsgefangenschaft. Über das Stalag XIIA Limburg-an-der-Lahn wurde er 1943 in das KZ Buchenwald verbracht. Von Ermakovič liegen uns sehr aussagekräftige Zeichnungen vor. Zweifellos liegt der Quellenwert hier in einer Dokumentation des Lageralltags, entspringen sie doch im Gegensatz zu den Schriftquellen unmittelbar der Zeit des Lagers. Porträts, wie das des polnischen Häftlings Józef Pribula trugen dazu bei, dass Häftlingen, ein „Gesicht verliehen wurde“. Aber auch jene Häftlinge, die das Lager nicht überlebten, wurden so dem Vergessen entrissen. Künstler, wie Ermakovič versuchten ihre Perspektive – also die Perspektive der Opfer – festzuhalten. Die Zeichnungen stehen für ein Ringen um intellektuelles Überleben und auch als Mittel, sich als Individuum und als zivilisiertes Wesen zu begreifen und dadurch von den Tätern zu unterscheiden! Kunst war damit Überlebensstrategie und zugleich Medium, die eigene Widerständigkeit zu zeigen.

Solidarität. Die von der Lager-SS geschaffene Ungleichheit der Häftlinge verfolgte grundsätzlich die Vereinzelung der Häftlinge. In diesem Sinne war die Lager-SS an keiner Solidarisierung zwischen Häftlingen interessiert, sondern forcierte bestehende Gegensätze und Konflikte. Die Möglichkeit zu überleben, konnte daher nur durch ein sich Anschließen an bereits bestehende Gruppenstrukturen erfolgen. Bei der Suche nach einem Gruppenanschluss spielten politische Überzeugung, Zugehörigkeit zu einer Nation, ein gemeinsames religiöses Bekenntnis oder auch ähnliche soziale

Prägungen eine Rolle. Hieraus entwickelten sich verschiedene gruppenspezifische, aber auch gruppenübergreifende Formen solidarischer Hilfe. Garbe betont, dass das Leisten von Hilfe nur jenen Häftlingen möglich war, die nicht mehr ausschließlich dazu gezwungen waren, die Grundvoraussetzungen für das eigene Überleben zu sichern. Als Beispiel solidarischer Hilfe kann die Rettung von insgesamt 904 Kindern und Jugendlichen benannt werden. Für diese erreichte der kommunistische Widerstand die Einrichtung von zwei Baracken – Block 8 und Block 66. Im Kinderblock 8, der sich in unmittelbarer Nähe des Kriegsgefangenenarbeitslagers befand, standen sowjetische Häftlinge dem zuständigen Blockleiter Franz Leitner tatkräftig zur Seite. Für eine moralische Erbauung, aber auch für eine Disziplinierung der Kinder, wurde wohl auf Anregung des sowjetischen Kriegsgefangenen Michail Lewschenkow ab Februar 1944 eine Schule eingerichtet, in der auch Kriegsgefangene die Kinder unterrichteten. Einer dieser Lehrer war der unter falschem Namen ins Konzentrationslager Buchenwald verbrachte Jakob S. Gofman. Ursprünglich in Rostow als Zirkusartist beschäftigt geriet Gofman im September 1941 bei Smolensk in deutsche Kriegsgefangenschaft. Gofman war jüdischer Herkunft. Es gelang ihm, die Identität eines verstorbenen Rotarmisten anzunehmen. Von nun an hieß er Jakob Nikiforov. Gofman wurde nach einem Fluchtversuch aus dem Stalag Bergen-Belsen im Herbst 1943 nach Buchenwald verbracht. Durch Vermittlung deutscher Kommunisten erfolgte seine Verlegung in den Block 8. Hier war er für die musische Erziehung der Kinder verantwortlich. Er lehrte sie Lieder und Gedichte. Auch über Aufführungen von Sketchen vor sowjetischen Kriegsgefangenen wird berichtet. Darüber hinaus erhielten die Minderjährigen Unterricht in Mathematik, Deutsch, Russisch, Sport, Geografie und Geschichte. Der als Stubendienst eingesetzte „russische Zivilarbeiter“ Vladimir Cholopcev schreibt: „In unser Vorhaben waren einige deutsche und tschechische Kameraden eingeweiht, die uns vor allem mit Papier und Bleistiften halfen. Diese äußerst wichtigen Unterrichtsmaterialien wurde mit Mühe in den Kommandos der Schreibstube, der Arbeitsstatistik, der Bücherei, der Effektenkammer, ja sogar der SS-Schreibstube beschafft. Sowjetische Kriegsgefangene [...] fertigten aus Sperrholz zwei nicht sehr große Wandtafeln an, die hinter Wandschränken versteckt wurden.“

Deutlich kommt ein gruppenübergreifendes Zusammenspiel der Akteure zum Ausdruck, in welchem sowjetische Häftlinge sich trotz des damit verbundenen Risikos, einbrachten. Die Auswahl „zuverlässiger“ Betreuer die Pflege der Minderjährigen erfolgte nach politischer „Zuverlässigkeit“. Dies geschah auch durch Kriegsgefangene, die mit dieser „Kaderauswahl“ die Untergrundpolitik maßgeblich mitgestaltete. Gänzlich uneigennützig war die Hilfe sowjetischer Häftlinge den Kindern gegenüber aber nicht: so wird über die Bildung von Jugendgruppen berichtet, die aktuelle Meldungen von Geschehnissen an der Front, im Lager verbreiten sollten. Diese Tätigkeit war in den Verhältnissen eines KZ nicht ungefährlich. So wurden Minderjährige zu einem aktiven Teil konspirativer Strukturen gemacht.

Verweigerung und Entziehung. Schilderungen von Arbeitsverweigerung und Sabotage finden sich zahlreich in Berichten sowjetischer Häftlinge. Sie bilden einen wesentlichen Kern des sowjetischen Widerstandsnarrativs. In Buchenwald kursierte unter den Kriegsgefangenen das geflügelte Wort: „Kommando X – Rabotnix“! Für die Kriegsgefangenen war diese Parole quasi die illegale Anweisung, Sabotage durch Arbeitsverlangsamung herbeizuführen. Darüber hinaus stellten sie auch Stichwaffen und Brandflaschen für den Untergrund her.

Doch eine weitere Form der Verweigerung sei hier erwähnt-Fluchten. Nach Hermann Langbein stellen Fluchten keine Form des Widerstandes dar. Diesen macht Langbein an einer „Tätigkeit mit weitgesteckten Zielen“ fest. Garbe wiederum begreift sie als Form eines aktiven Widerstands, wenngleich sie oft „[...] gegen die Interessen der Häftlingsgesamtheit [...] gerichtet waren. In der Tat geht es bei Fluchten vornehmlich um die Sicherung der eigenen Existenz. Sie sind nicht auf das Überleben einer bestimmten Häftlingsgruppe als Kollektiv ausgerichtet und entbehren deshalb der solidarischen Komponente. Gerade für die Gruppe sowjetischer Häftlinge finden sie sich in erhöhter Zahl. Fluchten bedeuteten aber für den organisierten Widerstand eine unkalkulierbare Situation und somit eine Bedrohung. So ist mit dem deutschen Widerstand auch das Schicksal jenes sowjetischen Offiziers verbunden, der im Februar 1943 zur sofortigen Exekution nach Buchenwald verbracht wurde. Dort gelang ihm die Flucht und er versteckte sich im Hauptlager. Die SS forderte unter Androhung harter Strafen seine Herausgabe. Die Führung des deutschen

Widerstandes kam dieser Aufforderung nach und lieferte den Offizier aus. Dieses Beispiel steht für die Ambivalenz, mit der gerade organisierter Widerstand in Konzentrationslager verbunden war. Einerseits konnten organisierte Strukturen helfende Wirkung nur entfalten, wenn Schlüsselpositionen durch personelle Kontinuitäten beibehalten wurden, andererseits konnten sich Funktionshäftlinge dadurch einer Mitverantwortung an SS–Verbrechen nicht entziehen.

Organisierter Widerstand. Als Spezifikum für Buchenwald wird oft der „enorm hohe Organisationsgrad“ des kommunistischen Widerstandes benannt. Dieses Narrativ wurde nach der Befreiung insbesondere von deutschen Kommunisten geprägt, indem sie auf das im Sommer 1943 gegründete ILK verwiesen, dem alle nationalen Widerstandsgruppen untergeordnet waren. Strenge Hierarchie, einheitlichen Willen und unbedingten Gehorsam reklamieren auch sowjetische Häftlinge für sich. Doch gibt es Hinweise, dass Disziplin und Gruppenidentität mühsam errungen wurden. Zudem ist in späteren Veröffentlichungen die Tendenz erkennbar, komplizierte Entwicklungslinien bei der Formierung eines gemeinsamen sowjetischen Widerstandszentrums auszublenken. Dabei ist sicher, dass zunächst verschiedene illegale Gruppen bestanden – sowohl innerhalb der Kriegsgefangenen als auch unter den „politischen“ sowjetischen Häftlingen. Ihnen gemein war das Anliegen einer materiellen Verbesserung der Situation. Doch agierten sie losgelöst voneinander und hatten nach Aussage des ehemaligen Kriegsgefangenen Aleksej Lyssenko „[...] keine klaren, exakten Aufgaben zum Schaffen einer Untergrundbewegung für sich formuliert [...]“. Über Findungsschwierigkeiten berichtete auch 1946 Vasilij Azarov, ein Ingenieur aus dem Kreis Gomel, der im August 1942 als „politischer Russe“ nach Buchenwald verschleppt wurde. Danach kam es bei den „politischen Russen“ zu etlichen Neuformierungen mit personellem Austausch. Das selbsterklärte Ziel der „politischen Häftlinge“ bezog sich auf materielle Selbsthilfe und moralische und politische Erbauung der sowjetischen Häftlinge.

Dagegen wurde die militärische Sozialisation bei den Kriegsgefangenen als verbindendes, identitätsstiftendes und disziplinierendes Element eingesetzt. Dies grenzte die Kriegsgefangenen von den anderen sowjetischen Haftgruppen ab. Gleichzeitig waren sie durch die räumliche Trennung vom Rest des Lagers auch äußerlich als eigene

Gruppe definiert. Als prägende Figur wird hier Nikolaj S. Simakov benannt. Der Unteroffizier kam bereits mit dem ersten Transport im Oktober 1941 nach Buchenwald. Gemeinsam mit Stepan M. Baklanov, erreichte Simakov im Herbst 1942 eine Vereinigung der illegalen Kriegsgefangenengruppen. Sie bezeichneten sich als „Stoßbrigade“, die den bewaffneten Aufstand zum Ziel hatte. „Organisatorisch und funktionell wurde die Gliederung der Brigade in voller Übereinstimmung mit der Struktur der Roten Armee vorgenommen.“ Diese Unterteilung in militärische und politische Funktionen sowie einer aktiven Spionageabwehr wurde auch auf das allgemeine sowjetische Widerstandszentrum übertragen. Eine Vereinigung mit den Gruppen der „politischen Russen“ fand aber erst Ende des Jahre 1943 statt. Dass dieser Prozess einer Annäherung so lang dauerte, lässt Meinungsverschiedenheiten und Konkurrenzen vermuten. Davon abgesehen, war Selbstdisziplinierung kennzeichnend für die sowjetische Widerstandsgruppe. Sie stellten letztlich einen „[...] recht getreuen Spiegel der stalinistischen Gesellschaft“ dar. Dafür steht auch die Bereitschaft einer aktiven Abwehr von Kollaborateuren und Feinden. So wurde nachweislich der ehemalige General Grigorij Kuschnir-Kuschnarevs, der verdächtigt wurde, als Spitzel für die SS zu arbeiten, mit Hilfe von deutschen Funktionshäftlingen im Krankenbau „zu Tode gepflegt“. Auch innerhalb der eigenen Reihen wurden Mitglieder des sowjetischen Widerstandes im Zuge von persönlichen Differenzen „unschädlich“ gemacht. So im Falle von Vasilij Žuks, der als „politischer Russe“ allen Seiten „zu hitzig“ war. Laut Simakov wurde er auch auf Empfehlung der deutschen Genossen in das Arbeitskommando Gustloff-Werke I nach Weimar verlegt. Einmal mehr kommt hier der disziplinierende, auf Sicherheit drängende Einfluss der deutschen Kommunisten zum Tragen.

Das selbsterklärte Ziel des organisierten Widerstandes war der bewaffnete Aufstand. Darauf wurde der Überlieferung zufolge zielstrebig durch Sabotage, Waffenschmuggel, Bau von Handgranaten und Stichwaffen sowie eines Radiosenders hingearbeitet. Insbesondere die Gruppe der Kriegsgefangenen wird im sowjetischer Narrativ als treibende Kraft dargestellt: in ihren Berichten wird deutlich betont, dass sowjetische Kriegsgefangene mehrere Male auf einen Aufstand drängten. Liest man Berichte deutscher Vertreter des ILK, so findet dieser Teil der Geschichte hier kaum Benennung. Am 10. April 1945 gingen etwa 500 sowjetische

Kriegsgefangene unter der Leitung von Simakov bewaffnet auf Räumungstransport. Einigen Quellen zufolge, war dies ein selbstgefasster Entschluss Simakovs und der Kriegsgefangenen, die auf dem Todesmarsch die Flucht anstrebten. Folgt man dieser Erzählung, findet sich der Gedanke bestätigt, dass sowjetische Kriegsgefangene in dem ständigen Konflikt waren, kämpfend aus dem Lager gehen zu müssen. Einigen Kriegsgefangenen gelang im Übrigen die Flucht. Sie schlossen sich Partisanen-verbänden an oder der Roten Armee. So wirkte Aleksej Lyssenko zuletzt bei der Befreiung Prags mit.

IV. *Zusammenfassung.* Für Widerständigkeit sowjetischer Häftlinge im KZ Buchenwald war die Existenz bereits bestehender Netzwerke von Kommunisten deutscher, tschechischer, polnischer und österreichischer Herkunft grundlegend. Nur durch Anknüpfen an bereits bestehende Strukturen waren ein Entwickeln von Überlebensstrategien und ein Mitgestalten einer Widerstandskultur möglich. Dabei zeigen die Beispiele, dass entgegen der Überlieferung und der damit verbundenen Fokussierung auf militärische Widerstandshandlungen, Gegenwehr sowjetischer Häftlinge ein *weitaus breiteres Spektrum* aufwies. Damit stellt das sowjetische Widerstandsnarrativ, wie es unmittelbar nach der Befreiung, spätestens aber ab der zweiten Hälfte der 50 er Jahre zu finden ist, eine *Entdifferenzierung* und damit auch *eine* „Entwertung“ widerständigen Handelns sowjetischer Häftlinge dar. Das Narrativ des bewaffneten Widerstandes „hinter dem Stacheldraht deutscher Konzentrationslager“ resultierte aus dem Zugzwang sowjetischer Häftlinge, die eigene Gefangenschaft rechtfertigen müssen. Indem gerade Kriegsgefangene darauf verwiesen, dass man ebenso für den Sieg über den Faschismus kämpfte, nämlich als militärische Phalanx einer organisierten Untergrundbewegung im Konzentrationslager, erhoffte man sich die bis dato verwehrte öffentliche Akzeptanz der eigenen Gefangenschaft. Gekoppelt wird diese „äußere“ Wehrhaftigkeit an ein hohes Maß an „innerer“ Wehrhaftigkeit und an ein verstärktes weltanschauliches Sendungsbewusstsein. Kommen in frühen Berichten noch Unstimmigkeiten innerhalb der einzelnen sowjetischen Gruppierungen zur Sprache, werden diese Konfliktlinien in späteren Berichten zugunsten einer beschworenen Einigkeit überblendet. Hier reklamieren deutsche Kommunisten eine disziplinierende Rolle für sich, in deren

Darstellungen ebenfalls das *militärische Moment* der sowjetischen Kriegsgefangenen als neuer Impuls dargestellt wird. Mit Blick auf die Räumung des Lagers wird allerdings deutlich, dass von deutscher Seite das Verständnis vom Widerstand anders gelagert war. Hier stand die Sicherheit der Organisation und der eigenen Existenz an erster Stelle. Die Zwangslage, in der sich sowjetische Kriegsgefangene befanden, nämlich kämpfend aus dem Lager gehen zu müssen, auch unter Inkaufnahme des eigenen Todes, fand hier keine Berücksichtigung.

Чернобай О. Л., Новосибирск

НОВОСИБИРЦЫ – УЧАСТНИКИ ВОССТАНИЯ В БУХЕНВАЛЬДЕ

Аннотация: Статья посвящена организации подпольных групп советских военнопленных в лагере «Бухенвальд» для координации работы с гражданскими советскими пленными под руководством новосибирца Николая Симакова, его роли в осуществлении связи русского центра с интернациональным и подъёма восстания 11.04.1945 г.

Ключевые слова: Советские военнопленные, лагерь «Бухенвальд», малолетние узники фашизма, интернациональное антифашистское подполье, вооружённое восстание.

Материалов, касающихся пребывания в плену советских военнопленных, очень мало. Основная проблема работы с ними заключается в том, доступ к ним возможен только с разрешения либо близких родственников, либо спецорганов. Одним из наших соотечественников, судьба которого является показателем, был Николай Симаков. Для Новосибирска хранить память о нём очень значимо и актуально. В Новосибирске есть мемориальная доска на доме, где жил Николай Семёнович, Музей БМУФК им. Н. С. Симакова был открыт 11.02.1999 г. на территории школы № 192. Это уникальный, единственный за Уралом музей, посвященный малолетним узникам фашизма. Музей но-

сит имя нашего земляка Николая Семеновича Симакова, который еще при жизни стал легендой. В 2002 г. на территории школы был открыт памятник жертвам фашизма. В музее насчитывается около пятисот экспонатов и более ста воспоминаний бывших узников фашистских концлагерей. В Новосибирске уже давно существует общественная организация «Союз бывших малолетних узников фашистских концлагерей», председателем которой является Вера Маськова¹. Да, это малая толика, но новосибирцы стараются бережно хранить память о своих героях.

«Как и все советские дети, Коля Симаков пошел учиться в школу, которую закончил в 1931 г., у нас сегодня присутствуют выпускники этой школы, в которой он учился. Потом он поступил в фабрично-заводское училище, работал слесарем в депо. В 1935 г. поступил в машиностроительный техникум. Обычная судьба»². В 1940 г. Николай Семенович был призван на службу в ряды рабоче-крестьянской Красной армии, был старшим оружейным мастером полка, в котором служил.

Войну Николай Симаков встретил в первые же её часы – их 87-й пограничный отряд базировался в г. Ломже, Ломжинского района Белостокской области. Сутки их отряд стоял насмерть, но пробираясь через немецкие заслоны в Пинских болотах Симаков принял свой последний бой. Очнулся уже за колючей проволокой. Осенью 1941 года оказался в составе первой партии советских военнопленных в крупнейшем лагере смерти – Бухенвальде. Работая в каменоломне, а потом в шахте, Симаков тяжело заболел – развился туберкулёз. Это был приговор – туберкулёзников попросту уничтожали. Когда Симаков чувствовал себя уже очень плохо, его хотели использовать в «научных» исследованиях: «Эсесовцы делали смертельные инъекции, чтобы узнать, как убрать человека из жизни. Один уже нес в руках шприц, который предназначался Симакову, но антифашистский подпольный центр его задержал, и раньше пришел австрийский

---

¹ Интервью с председателем общественной организации «Союз бывших малолетних узников фашистских концлагерей» Веры Маськовой записано О. Л. Чернобай. Публикуется с личного разрешения респондента.

²Память об узнике Бухенвальда почтили в Новосибирске // URL: <http://tayga.info/129187>. (Дата обращения 07.09.2018 г.).

врач, член этого подполья, который сделал безвредную инъекцию, а сказал, что смертельную. Симакова перевели в барак для смертников и там выходили»¹.

Врач Густав Вегер познакомил его ещё с одним членом подполья – чехом Кветом Винцейном, а затем и с руководителем интернационального антифашистского центра – Вальтером Бартелем, членом компартии Германии, который более 13 лет скитался по тюрьмам и лагерям².

В марте 1943 г. начала работать организация советских военнопленных. Параллельно создавали такую же команду для руководства работой с гражданскими советскими пленными, их штабы объединили, а общее руководство поручили Николаю Симакову. Он же осуществлял связь русского центра с интернациональным. Встречи с Бартелем стали носить более конкретный характер – определялись формы работы и направления, обеспечение безопасности, проработка непредвиденных случаев. В обеих организациях, военнопленных и политических, решено было использовать структуру Красной Армии, как самую удобную и понятную всем. Военный сектор возглавил И. И. Смирнов, самый опытный офицер, участник первой мировой и гражданской войн, уже успевший побывать до Бухенвальда в трёх фашистских лагерях. За сектор безопасности отвечал Н. Ф. Кюнг, зам. политрука полковой школы Брестского гарнизона, переведённый в Бухенвальд из бельгийского лагеря за организацию саботажей. Политический сектор возглавил М. Левшенков, педагог по образованию. Им был налажен выпуск рукописной газеты «Правда пленных». Саботажники на заводах организовывали под руководством конструктора Б. Сироткина и инженеров Л. Орлова и Б. Даниленко³.

Каждое утро под звук духового оркестра из ворот лагеря выходили тысячи пленных вплоть до детей и направляли на ря-

---

¹ Интервью с сотрудником музея Железнодорожного района г. Новосибирска Лидией Котович записано О. Л. Чернобай. Публикуется с личного разрешения респондента.

² Сибирские страницы Великой Отечественной // Редактор-составитель Т. И. Петрова. Новосибирск: ОАО «Новосибирский полиграфкомбинат», 2005. С. 127.

³ Сибирские страницы Великой Отечественной. Новосибирск, 2005. С. 128.

дом расположенные предприятия. Это были «Мибау» – завод радиодеталей для самоуправляемых снарядов «Фау-1», завод военной амуниции «Дав» и оружейный «Густлов-верке». И везде антифашистское подполье работало вместе, из разных национальных отрядов, рука об руку. Во время арталётов разбивали или разбирали на детали дорогостоящие станки и оборудование, выводили из строя механизмы винтовок, электромоторы.

В самом лагере во всех бараках русских действовала информационная цепочка: сначала сводки о положении на фронтах получали от немецких и чешских подпольщиков. Потом сумели смастерить из похищенных в фашистских цехах деталей радио. Подпольный штаб взял под свою опеку детей концлагеря. Целый год смогла проработать подпольная школа.

Но самой главной работой всего подполья Бухенвальда была подготовка к вооружённому восстанию. Чтобы обезопасить себя от провалов, интернациональный центр вводил своих людей в административные и внутренние команды лагеря, в основном немецких и чешских патриотов. Меняли документы в канцелярии, знаки на одежде, объявляли карантин из-за якобы вспыхнувшего сыпного тифа, устраивали регулярные побег из поездов, когда узников эвакуировали в другие места.

Подробный план восстания, с учётом всех возможных вариантов, разрабатывали опытные офицеры Н. Потапов, П. Фортунатов, К. Карцев. Подполковник Карцев руководил ещё и разведкой¹. Первые боевые группы появились в бараках летом 1943-го, а к ноябрю была сформирована целая бригада, командиром которой назначили Степана Бакланова, а комиссаром – Михаила Левшенкова². В штаб к Николаю Симакову, как ручейки, стекались нити большой чёткой организации, готовой подняться по первому сигналу. И вот наступил 1945 год. Уже шли сражения в Чехословакии и Венгрии, отступающие гитлеровцы оставляли после себя одни руины. В Бухенвальде круглосуточно работал крематорий и расстрельные команды. Озверевшие фашисты вынашивали план полного уничтожения лагеря. 3.04.1945 г. по радио прозвучал приказ: «Всем евреям постро-

---

¹ Сибирские страницы Великой Отечественной. Новосибирск, 2005. С. 131.

² Сибирские страницы Великой Отечественной. Новосибирск, 2005. С. 132.

иться у ворот для эвакуации!» Интернациональный центр отдал тут же свою команду: не подчиняться! Около четырёхсот евреев спрятали в подвалах и на чердаках бараков, под полом в свинарнике, срочно передали им треугольники из красного материала с буквами SU (Совет Юнион), и евреи поменяли свои шестиконечные звёзды на русские винкеля. И всё же тот день полторы сотни еврейских узников были «эвакуированы» фашистами. В последующие три дня были сорваны приказы об отправке рабочих команд. Обстановка накалялась. В бараки ворвались вооружённые эсесовцы, началось массовое избиение, но к воротам дотащили лишь небольшую группу. Шесть тысяч человек от уничтожения были спасены.

Тогда же комендатура решила эвакуировать 480 советских военнопленных, живших в изолированных бараках. В эту группу попали и Симаков с Баклановым, поэтому в ночь перед отправкой они передали командование русским штабом в лагере Кюнгю, Карцеву и Смирнову. Утром 10 апреля колонна двинулась к Веймару, где всех погрузили в вагоны, но эвакуации по-эсесовски не получилось. Сразу «по цепочке» был передан последний приказ штаба: «Покинуть эшелон»! По пути следования всё новые группы спрыгивали сквозь сделанные прорези в стенках вагонов, и когда почти все ушли, спрыгнул и Симаков с Баклановым. Охрана стреляла им в след, но состав остановить уже побоялись. В самом Бухенвальде на следующий день, 11 апреля, в 15 часов 15 минут началось вооружённое восстание, опередившее на два часа акцию фашистов по полному уничтожению лагеря. Точно по ранее разработанному плану интернациональные отряды атаковали казармы эсесовцев, склады с оружием, гаражи, отключили связь, обесточили колючее ограждение и взяли лагерь полностью под свой контроль, подняв флаг свободы. Об этом Симаков узнал позже, будучи снова в рядах Советской Армии, на пути к Берлину. Впереди будет Победа, возвращение домой, рождение сына и два года допросов в тюрьмах Новосибирска и Москвы. Следователи, которые вели дело Симакова, инкриминировали ему, что он руководил антисоветским подпольем. Поверить, что в лагере смерти могло быть антифашистское подполье, не могли. Заставить подписать под пытками показания и оговорить себя человека, который прошел Бухен-

вальд, было бессмысленно». Каким горьким покажется это время ему, прошедшему ад Бухенвальда...

В 1958 г. состоится открытие мемориала «Бухенвальд»¹. И Симакову будет предоставлено слово, как руководителю русского подпольного штаба. Родина отметит его подвиг орденом Славы третьей степени, а ГДР – медалью «Борец против фашизма». Он будет нужен и дома и Международному комитету узников Бухенвальда, чтобы своими воспоминаниями помочь восстановить правдивую историю лагеря. Он сделал ровно столько, сколько успел. По воспоминаниям современников, он был «человеком уникального, пронизательного ума, высочайшей культуры, поведения дипломата, бесстрашного волевого характера, интуитивного предвидения предстоящих событий».

11.02.1969 г. Николай Семёнович скончался от туберкулёза. Но осталась память о подвиге. О нём прекрасно сказал руководитель международного антифашистского центра Бухенвальда Вальтер Бартель: «Поведение Симакова служило примером для других национальных групп и являлось демонстрацией великой морали советских патриотов»². А день восстания – 11 апреля стал Международным днём освобождения узников фашистских лагерей.

Литература:

1. Память об узнике Бухенвальда почтили в Новосибирске // <https://tayga.info/129187>.

2. Сибирские страницы Великой Отечественной // Редактор-составитель Т. И. Петрова. Новосибирск: ОАО «Новосибирский полиграфкомбинат», 2005.

---

¹ Память об узнике Бухенвальда почтили в Новосибирске // <https://tayga.info/129187>. Дата обращения: 20.08.2018 г.

² Сибирские страницы Великой Отечественной. Новосибирск, 2005. С. 133.

**SOWJETISCHE KRIEGSGEFANGENE AUS NOWOSIBIRSK
IN BUCHENWALD:
AUS DEN BESTÄNDEN DES GANO (STAATSARCHIV
DES OBLAST NOWOSIBIRSK)**

Abstract: Der Beitrag untersucht die Organisation der Untergrund-Gruppen der sowjetischen Kriegsgefangenen zur Koordination der Arbeit mit zivilen sowjetischen Gefangenen im KZ „Buchenwald“ unter der Leitung des aus Nowosibirsk stammenden Nikolaj Simakow sowie seine Rolle bei der Vernetzung des russischen Widerstandszentrums mit dem internationalem Untergrundzentrum und bei der Organisation des Aufstandes am 11.04.1945.

Schlüsselwörter: Sowjetische Kriegsgefangene, KZ Buchenwald, minderjährige Gefangene des Faschismus, internationaler antifaschistischer Widerstand, bewaffneter Aufstand.

Es gibt nur sehr wenige Materialien, die die Anwesenheit der sowjetischen Kriegsgefangenen in der Gefangenschaft dokumentieren. Das Hauptproblem besteht darin, dass der Zugang zu diesen Materialien nur auf Erlaubnis der Familienangehörigen oder der Sonderorgane möglich ist. Einer unserer Mitbürger, dessen Schicksal aufschlussreich ist, war Nikolaj Simakow. Die Erinnerungen an ihn zu bewahren, ist für Nowosibirsk sehr bedeutend und aktuell. In Nowosibirsk ist am ehemaligen Wohnhaus von Nikolaj Semenowitsch eine Gedenktafel angebracht. Das nach ihm benannte Museum der ehemaligen minderjährigen Gefangenen der faschistischen Lager wurde 11.02.1999 auf dem Territorium der Schule Nr. 192 eröffnet. Es ist ein eigenartiges Museum, das einzige seiner Art hinter dem Ural, das den minderjährigen Gefangenen des Faschismus gewidmet ist. Nikolaj Semenowitsch Simakow, der noch zu Lebzeiten eine Legende geworden war. Im Jahr 2002 wurde ein Denkmal für die Opfer des Faschismus auf dem Territorium der Schule eröffnet. Im Museum zählt man ca. 500 Exponate und über 100 Memoiren der ehemaligen Gefangenen der faschistischen Lager. In Nowosibirsk existiert schon seit langem der „Verband der ehemaligen Gefangenen der faschistischen Konzentrationslager“, dessen Vorsitzen-

de Wera Maskowa ist¹. Die Stadtbewohner bemühen sich, die Erinnerungen an ihren Helden zu pflegen.

„Wie alle sowjetische Kinder ging Kolja Simakow in die Schule, die er im Jahr 1931 absolvierte. Heute sind bei uns Absolventen dieser Schule zu Besuch. Dann wurde er in der Werkberufsschule eingeschrieben und hat als Schlosser im Bahnbetriebswerk gearbeitet. 1935 wurde er an der Maschinenbaubetriebsfachschule angenommen. Ein ganz gewöhnliches Schicksal“². Im Jahr 1940 wurde er in die Reihen der Roten Armee zum Wehrdienst einberufen. Er war Oberwaffenmeister seines Regiments.

Schon sehr bald wurde Nikolaj Simakow mit der Realität des Krieges konfrontiert, seine Grenzabteilung Nr. 87 war in der Stadt Lomzh im Lomzhinskij Bezirk des Belostoksker Gebiets stationiert. Einen Tag und eine Nacht kämpfte seine Truppe um Leben und Tod. Sie schlug sich durch deutsche Deckungseinheiten in den Pinsker Sümpfen und dort begann Simakow sein letztes Gefecht. Er kam erst wieder hinter Stacheldraht zu sich. Im Herbst 1941 geriet er mit dem ersten Trupp der sowjetischen Kriegsgefangenen in das größte Todeslager – ins KZ Buchenwald. Die Arbeit im Steinwerk und später im Schacht machte Simakow krank, es hatte sich Tuberkulose entwickelt. Das war ein hartes Urteil, denn die Tuberkulosekranken waren zur Vernichtung vorgesehen. Als Simakow sich schon sehr schlecht fühlte, wollte man ihn für „wissenschaftliche“ Untersuchungen ausnutzen. „SS-Männer setzten Giftinjektionen, um zu erforschen, wie man einen Menschen töten kann. Einer kam schon mit der Giftinjektion herbei, die für Simakow bestimmt wurde, aber das antifaschistische Untergrundzentrum stoppte ihn und ein österreichischer Arzt kam ihm zuvor, der Mitglied dieses Untergrundes war, und verabreichte heimlich eine harmlose Injektion. Simakow wurde in eine

---

¹ Das Interview mit der Vorsitzenden des „Verbands der ehemaligen Gefangenen der faschistischen Konzentrationslager“ Vera Maskowa wurde von O. L. Tschernobay geführt und wird mit persönlicher Erlaubnis von V. Maskowa veröffentlicht.

²Память об узнике Бухенвальда почтили в Новосибирске // URL: <http://tayga.info/129187>. Дата обращения 07.09.2018 г.

Todesbaracke für Sterbende überstellt und dort von Kameraden durchgebracht“¹.

Der Arzt Gustav Weger machte ihn mit einem weiteren Mitglied des Widerstands, dem Tschechen Kwet Winzein, bekannt und später mit dem Leiter des internationalen antifaschistischen Zentrums, Walter Bartel, der Mitglied der kommunistischen Partei Deutschlands war und schon ca. 13 Jahre in verschiedenen Gefängnissen und Lagern verbracht hatte².

Im März 1943 nahm die Organisation der sowjetischen Kriegsgefangenen ihre Arbeit auf. Gleichzeitig wurde eine ähnliche Mannschaft zur Leitung der Arbeit mit zivilen sowjetischen Gefangenen gebildet. Die Stäbe dieser beiden Organisationen wurden vereinigt und die Leitung wurde Nikolaj Simakow übertragen. Er war auch für die Vernetzung des russischen Zentrums mit dem internationalen zuständig. Die Besprechungen mit Bartel wurden konkreter, es wurden Formen und Perspektiven der Arbeit bestimmt, die Gewährleistung der Sicherheit, eventuelle Notsituationen. In beiden Organisationen, der der Kriegs- und der politischen Gefangenen, wurde entschieden, die Struktur der Roten Armee zu verwenden, weil die allen bekannt und so am leichtesten umzusetzen war. Die Leitung des militärischen Sektors übernahm I. I. Smirnow, der Offizier mit den meisten Erfahrungen, Teilnehmer des Ersten Weltkrieges und des Bürgerkrieges, der vor dem KZ Buchenwald schon in drei faschistischen Lagern war. Für den Sektor der Sicherheit war N. F. Küng zuständig, der Stellvertreter des politischen Leiters der Regiment-Schule in der Festung Brest, der aus einem Lager in Belgien wegen Organisation von Sabotageakten ins KZ Buchenwald versetzt worden war. Den politischen Sektor übernahm M. Lewschenkow, ein Pädagoge. Er organisierte die Herausgabe der handgeschriebenen Zeitung „Die Wahrheit der Gefangenen“. Die Sabotagen in den Werken wurden unter Leitung des Konstrukteurs B. Sirotkin von den Ingenieuren L. Orlow und B. Danilenko organisiert³.

---

¹ Das Interview mit der Mitarbeiterin des Museums des Zhelesnodorownyj Bezirkes der Stadt Nowosibirsk Lidia Korotowitsch wurde von O. L. Tschernobay geführt und wird mit persönlicher Erlaubnis der Befragten veröffentlicht.

² Сибирские страницы Великой Отечественной // Редактор-составитель Т. И. Петрова. Новосибирск: ОАО «Новосибирский полиграфкомбинат», 2005. С. 127.

³ Сибирские страницы Великой Отечественной. Новосибирск, 2005. С. 128.

Jeden Morgen, begleitet von Klängen eines Blasenorchesters, marschierten aus dem Tor des Lagers Tausende Häftlinge, einschließlich Kinder, und machten sich auf den Weg zu den nahe liegenden Betrieben: Das Werk für Radiobauerelemente für die selbstlenkende Rakete „V-I“ im KZ Dora-Mittelbau, DAW - Die deutschen Ausrüstungswerke und das Gustloffwerk-II. Und überall arbeitete der antifaschistische Untergrund aus verschiedenen nationalen Truppen Schulter an Schulter zusammen. Während der Luftangriffe zerschlugen sie kostbare Anlagen und Ausrüstungen oder bauten sie in einzelne Bauteile auseinander, setzten die Mechanismen der Gewehre und Automotoren außer Funktion.

Im KZ Buchenwald selbst gab es in allen russischen Baracken eine funktionierende Informationskette: zuerst erhielt man die Berichte zur Lage an den Fronten von deutschen und tschechischen Untergrundkämpfern. Danach gelang es, aus den aus faschistischen Werken entwendeten Bauteilen einen Radioempfänger zu basteln. Der Untergrundstab nahm die Kinder im Konzentrationslager unter seine Obhut. Ein gesamtes Jahr lang konnte die Untergrundschule funktionieren.

Aber die wichtigste Arbeit des gesamten Untergrunds im KZ Buchenwald war die Vorbereitung des bewaffneten Aufstands. Um sich abzusichern, gliederte das internationale Zentrum Häftlinge, meistens deutsche und tschechische Patrioten, in die administrativen und internen Kommandos des Lagers ein. Man wechselte die Unterlagen in der Kanzlei und Abzeichen an der Kleidung, verhängte eine Quarantäne wegen angebliches Flecktyphusausbruches, organisierte regelmäßig Fluchtaktionen aus den Zügen, wenn Häftlinge an andere Orte abtransportiert wurden.

Den ausführlichen Plan des Aufstandes, der alle möglichen Varianten berücksichtigte, erarbeiteten die erfahrenen Offiziere N. Potapow, P. Fortunatow, K. Karzew. Oberstleutnant Karzew leitete außerdem den Informationsdienst¹. Erste Kampfgruppen erschienen in den Baracken im Sommer 1943 und schon im November wurde eine Brigade gebildet, zu deren Kommandeuren Stepan Baklanow und Kommissar Michail Lewschenkow ernannt wurden². Im Stab bei Nikolaj Spiwakow liefen die Fäden einer großen, klar gegliederten

---

¹ Сибирские страницы Великой Отечественной. Новосибирск, 2005. С. 131.

² Сибирские страницы Великой Отечественной. Новосибирск, 2005. С. 132.

Organisation zusammen, jederzeit einsatzbereit war. Dann kam das Jahr 1945. Es wurden bereits Gefechte in der Tschechoslowakei und in Ungarn geführt, abrückende Hitlersoldaten ließen nur Ruinen zurück. In Buchenwald arbeiteten das Krematorium und die Erschießungskommandos rund um die Uhr. Die Faschisten entwickelten einen inhumanen Plan zur totalen Vernichtung des Lagers. Am 3.04.1945 ertönte aus dem Lautsprecher der Befehl: „Alle Juden zur Evakuierung am Tor antreten!“ Das internationale Zentrum gab sofort einen eigenen Befehl heraus: „Nicht gehorchen!“ Etwa 400 Juden wurden in den Kellern und auf den Dachböden der Baracken, unter dem Boden im Schweinestall versteckt. Die Juden ersetzten ihren sechszackigen Davidstern durch Winkel aus rotem Stoff mit den Buchstaben SU (Sowjetunion), die man ihnen besorgt hatte. Und trotzdem wurden an diesem Tag etwa 150 jüdische Häftlinge von den Faschisten „evakuiert“. Während der nächsten drei Tage wurden die Befehle zum Abtransport der Arbeitskommandos sabotiert. Die Lage spitzte sich zu. In die Baracken brachen bewaffnete SS-Männer ein, es begann ein Massenmassaker, aber urde nur ein kleiner Teil wurde zum Tor geschleppt. Sechstausend Menschen wurden vor der Vernichtung gerettet.

Kurz darauf entschied die Lagerkommandantur, 480 russische Kriegsgefangene zu evakuieren, die in den isolierten Baracken lebten. In diese Gruppe gerieten auch Simakow und Baklanow. Deshalb übergaben sie in der Nacht vor dem Abtransport die Leitung des russischen Stabs an Küng, Karzew und Smirnow. Am Morgen den 10. April bewegte sich die Kolonne nach Weimar, wo alle in die Transportwagen verbracht wurden. Die Evakuierung nach SS-Muster wurde aber nicht vollzogen. Über die Informationskette wurde sofort der letzte Befehl des Stabs übermittelt: „Transport verlassen!“ Unterwegs entkamen immer neue Gruppen den Militärtransport, indem sie durch selbst geschnittene Öffnungen vom Zug absprangen. Als fast alle anderen bereits geflohen waren, sprangen auch Simakow und Baklanow. Wachleute schossen ihnen hinterher, aber die Nationalsozialisten hatten Angst, den Transport zu stoppen. Im KZ Buchenwald begann am nächsten Tag, dem 11. April, um 15 Uhr 15 Minuten der bewaffnete Aufstand, zwei Stunden vor Beginn der geplanten Aktion der Faschisten zur totalen Vernichtung des Lagers. Genau nach dem im Voraus erarbeiteten Plan griffen die internationalen Gruppen die

SS-Kaserne, Munitionslager und Garagen an, die interne Verbindung wurde abgeschaltet, Stacheldraht vom Stromnetz genommen, so dass das Lager unter die vollständige Kontrolle der Aufständischen überkam. Schließlich hissten sie die die Fahne der Freiheit. Davon aber erfuhr Simakow erst später, als er schon wieder in den Reihen der Sowjetarmee Richtung Berlin marschierte. Vor ihm lagen noch der Sieg, die Rückkehr nach Hause, die Geburt des Sohnes und zwei Jahre Verhöre in Gefängnissen in Nowosibirsk und Moskau. Die Ermittler, die seinen Fall untersuchten, beschuldigten ihn, er hätte den antisowjetischen Untergrund im KZ geleitet. Sie konnten nicht glauben, dass es im Lager des Todes einen antifaschistischen Widerstand gab. „Zu versuchen, einen Menschen unter Folter zu zwingen, sich selbst zu beschuldigen und anzuschwärzen, der das KZ Buchenwald überlebt hatte, war sinnlos“. Wie bitter wird ihm diese Zeit scheinen! Ihm, einem Mann, der durch das Inferno von Buchenwald gegangen war.

Im Jahr 1958 fand die Eröffnung der Gedenkstätte Buchenwald statt¹. Und Simakow als dem Leiter des russischen Untergrundstabs wurde das Wort erteilt. Die Heimat belohnte seine Heldentat mit dem Ruhmesorden dritten Grades und die DDR mit der Verleihung der Medaille „Kämpfer gegen den Faschismus“. Man brauchte ihn sowohl zu Hause, als auch im internationalen Komitee der Gefangenen des KZ Buchenwald, damit er mit seinen Erinnerungen dazu beitragen konnte, die wahrhafte Geschichte des Lagers zu schreiben. Er tat, was er konnte. Erinnerungen der Zeitgenossen zufolge war er ein „Mensch mit einer einzigartigen, scharfsinnigen Intelligenz, höchster Kultur, mit dem Benehmen eines Diplomaten. Er hatte einen tapferen willestarken Charakter, konnte intuitiv bevorstehende Ereignisse vorausahnen“.

Am 11.02.1969 erlag Nikolaj Semenowitsch seiner TBC-Erkrankung. Die Erinnerung an seine Heldentat aber ist geblieben. Sehr treffende Worte über ihn fand der Leiter des internationalen antifaschistischen Zentrums des KZ Buchenwald Walter Bartel: „Simakows Verhalten diente als Muster für andere nationale Gruppen und war eine Demonstration der großen Moral der sowjetischen

---

¹ Память об узнике Бухенвальда почтили в Новосибирске // <https://tayga.info/129187>. (Дата обращения: 20.08.2018 г.).

Patrioten“¹. Und der Tag des Aufstandes – der 11. April – ist der internationale Erinnerungstag an die Befreiung der Gefangenen der faschistischen Lager geworden.

Literaturverzeichnis:

1. Память об узнике Бухенвальда почтили в Новосибирске // <https://tayga.info/129187>.

2. Сибирские страницы Великой Отечественной // Редактор-составитель Т. И. Петрова. Новосибирск: ОАО «Новосибирский полиграфкомбинат», 2005.

---

¹ Сибирские страницы Великой Отечественной. Новосибирск, 2005. С. 133.

**РЕПАТРИАЦИЯ, ПРОБЛЕМЫ ФИЛЬТРАЦИИ.
СУДЕБНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ В СССР**

**REPATRIERUNG, FILTRATION. STRAFVERFOLGUNG
IN DER UDSSR**

Герман А. А., Саратов

**ПРОВЕРОЧНО-ФИЛЬТРАЦИОННЫЕ ЛАГЕРЯ
КАК ГЛАВНЫЙ ЭЛЕМЕНТ МЕХАНИЗМА
РЕПАТРИАЦИИ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ
И ДРУГИХ ГРАЖДАН
(СЕРЕДИНА И КОНЕЦ 1940-Х ГГ.)**

Аннотация: Автор статьи, опираясь на малоизвестные архивные документы времен Великой Отечественной войны, исследует процесс создания и функционирования проверочно-фильтрационных лагерей на территории советского присутствия в Европе и непосредственно в СССР, показывает их в качестве главного элемента механизма принудительной репатриации советских военнопленных и других граждан, волею судьбы оказавшихся в Германии и на оккупированных ею территориях.

Ключевые слова: проверочно-фильтрационные лагеря, принудительная репатриация, военнопленные, остарбайтеры, Управление уполномоченного по делам репатриации, Отдел проверочно-фильтрационных лагерей НКВД СССР.

В ходе Второй мировой войны, особенно после нападения Германии на СССР, с его оккупированных территорий нацистами было перемещено огромное количество людей. По подсчетам П. М. Поляна их численность достигала 8,7 млн чел. Это были военнопленные (около 3,3 млн), как завербованные, так

и вывезенные принудительно оstarбайтеры (около 3,8 млн), беженцы и эвакуированные (1 млн) и др.¹

По мере освобождения оккупированных советских территорий и вступления советских войск в страны Восточной Европы высшее руководство СССР стало разрабатывать и принимать меры по репатриации советских граждан. В общепринятом понимании, репатриация – это добровольное возвращение на родину военнопленных и гражданских лиц, оказавшихся за её пределами вследствие войны, а также эмигрантов с восстановлением в правах гражданства. В сталинском СССР вся репатриация советских граждан в последние месяцы Второй мировой войны и после неё носила обязательный характер и осуществлялась, главным образом, принудительными методами. Во многом это было обусловлено Ялтинскими соглашениями 1945 г., где советскому руководству, несмотря на сопротивление союзников по антигитлеровской коалиции, удалось получить себе такое право².

Вся репатриация проводилась в строгом соответствии с требованиями руководящих документов высшего в тот период органа власти – Государственного Комитета Обороны (ГКО) и развивавших их ведомственных документов НКВД – органа, на который была возложена главная задача по осуществлению возвращения советских граждан на родину. Анализ этих документов позволяет выявить существо государственной концепции репатриации, формы и методы её осуществления.

Пожалуй, первым документом по репатриации можно считать постановление ГКО СССР № 1069 от 27.12.1941 г. Оно вышло в свет в самый разгар контрнаступления под Москвой, когда впервые с начала войны началось крупномасштабное освобождение оккупированных советских территорий. В этом постановлении уже чётко просматриваются основы будущей концепции репатриации.

---

¹ Полян П. М. География принудительных миграций в СССР: Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора географических наук. М., 1998. С. 25.

² Там же.

В целях выявления среди бывших военнослужащих Красной Армии, находившихся в плену и в окружении противника, изменников родины, шпионов и диверсантов предписывалось создавать в пределах армейского тыла сборно-пересыльные пункты для сбора всех находившихся в плену и окружении военнослужащих.

В обязанности всех воинских частей вменялось обязательное задержание граждан отмеченной выше категории. Задержанные должны были содержаться в специальных лагерях под эгидой НКВД. Для проверки задержанных при каждом лагере создавались особые отделы НКВД. После проверки лиц, на которых не обнаруживалось «компрометирующих материалов», передавали в военкоматы, остальных подвергали репрессиям¹.

Это постановление ГКО действовало все годы войны, пока военные действия шли в пределах СССР. Так зарождалась система проверки и «фильтрации» собственных граждан, оказавшихся на оккупированных территориях и за пределами СССР.

С вступлением Советской Армии на территорию сопредельных государств вопрос репатриации советских граждан, не только военнопленных, но и гражданских лиц, приобрёл для Советского руководства большое идеологическое, политическое и практическое значение.

18 августа 1944 г. Государственный Комитет Оборона СССР принял постановление «Об организации приёма возвращающихся на родину советских граждан, насильно угнанных немцами, а также по разным причинам оказавшихся за пограничной линией между СССР и Польшей». В основе его лежал принцип обязательного возвращения всех попавших за рубеж граждан СССР на родину, тщательной их проверки и применения мер репрессий к «предателям»².

04.10.1944 г. были назначены высшие должностные лица: Уполномоченным Совета Народных Комиссаров (с 1946 г. – Совета Министров) СССР по делам репатриации граждан СССР из Германии и оккупированных ею стран стал генерал-полковник Ф. И. Голиков, его заместителями – генерал-полковник

---

¹ GARF. F. 9408. Abteilung der Überprüfungsfiltrationslager. Op. 1. D.1. L. 85.

² GARF. F. 9526. Repatriierungsamt. Op. 1. D. 21. L. 46-47.

И. В. Смородинов и генерал-лейтенант К. Д. Голубев, помощниками – генерал-майор В. М. Драгун и А. А. Смирнов. 6 октября 1944 г. было принято Постановление ГКО СССР о деятельности Уполномоченного СНК по делам репатриации. 23.10.1944 г. Ф. И. Голиков возглавил Управление Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации граждан СССР из Германии и оккупированных ею стран¹.

В развитие Постановления ГКО СССР от 18.08.1944 г. уже в сентябре внутри НКВД создается отдел спецлагерей, в феврале 1945 г. переименованный в отдел проверочно-фильтрационных лагерей с главной функцией – «содержание и обеспечение фильтрации спецконтингента»². С самого начала «спецконтингент» состоял из двух категорий: 1) все военнопленные Красной армии и 2) гражданские лица – граждане СССР, оказавшиеся за пределами своей страны.

Опираясь на свой новый отдел, НКВД, под прикрытием ведомства Уполномоченного СНК по делам репатриации достаточно быстро создал мощную инфраструктурную сеть: от репатриационных миссий, перемещавшихся по всему свету в поисках «подлежащих репатриации лиц», до районных представителей или служб, отвечавших за приём советских граждан на местах.

Важнейшим элементом этой сети стали сборно-пересыльные пункты (СПП) и проверочно-фильтрационные лагеря (ПФЛ), создававшиеся в тылу советских войск. Они были организованы директивой Ставки ВГК № 11086 от 11.05.1945 г. Директивой предписывалось создание ста проверочно-фильтрационных лагерей (в том числе 70 для военнопленных и 30 для гражданских лиц) и 46 сборно-пересыльных пунктов (СПП). Каждый лагерь был рассчитан на 10 000 человек. Распределение ПФЛ и СПП по фронтам показано в таблице 1³.

---

¹ Полян П. Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в третьем рейхе и их репатриация. М.: Роспэн, 1996. С. 190.

² GARF. F. 9408. История фондообразователя.

³ GARF. F. 9408. Оп. 1. D.15. L. 6-8.

Таблица 1

**Распределение проверочно-фильтрационных
и сборно-пересыльных пунктов по фронтам**

Фронты	ПФЛ (для военнопленных / для гражданских лиц)	СПП
1-й Белорусский	30 (21/9)	10
2-й Белорусский	15 (10/5)	6
1-й Украинский	30 (22/8)	15
2-й Украинский	10 (7/3)	6
3-й Украинский	10 (7/3)	5
4-й Украинский	5 (3/2)	4

Число ПФЛ и СПП после окончания войны, по состоянию на 2 октября 1945 г. на территории занятых Советским Союзом стран показано в таблице 2.

В хозяйственном отношении эти ПФЛ и СПП подчинялись соответствующим фронтам или группам войск. Все остальные вопросы находились в ведении работников НКВД.

Таблица 2

**Количество проверочно-фильтрационных
и сборно-пересыльных пунктов и их распределение
по группам войск в октябре 1945 г.¹**

Группы войск	ПФЛ	СПП
Группа советских войск в Германии	53	–
Центральная группа войск	19	–
Северная группа войск	9	9

Кроме отмеченных выше ПФЛ и СПП существовали ещё приграничные проверочно-фильтрационные лагеря. На 02.10.1945 г. их насчитывалось 35. Они располагались в Гродно,

¹ GARF. F. 9408. Op. 1. D. 15. L. 5.

Бресте, Волковыске, Коломые, Яссах и других приграничных населённых пунктах и подчинялись непосредственно НКВД¹. Наконец, в самом СССР, разбросанные по всей его территории, действовали ещё непосредственно подчинённые ГУЛАГУ НКВД 46 проверочно-фильтрационных лагерей, 3 проверочно-фильтрационных отделения при исправительно-трудовых лагерях (ИТЛ), 18 погранично-фильтрационных пункта (ПФП)². Вся эта разветвлённая сеть лагерей и пунктов была укомплектована оперативными работниками, имевшими богатый опыт поиска «врагов» ещё с довоенных времён. 18.01.1945 г. были изданы две совместные директивы Начальника Тыла Красной Армии генерала армии Т. Хрулёва и Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации Ф. Голикова № 1/1240645 с и № 1/1240646 с, согласно которым предусматривалась следующее деление всех репатриантов:

- бывшие военнопленные (рядовой и сержантский состав). Их полагалось направлять в армейские сборно-пересыльные пункты (СПП), а после проверки органами военной контрразведки (СМЕРШ) направлять в армейские и фронтовые запасные части;
- бывшие военнопленные офицеры – направлялись в ПФЛ НКВД;
- военнопленные и гражданские лица, служившие в строевых немецких спецформированиях, «власовцы», полицейские и прочие подозрительные. Их также направляли в ПФЛ НКВД;
- интернированное гражданское население (под ним понимались остарбайтеры и другое гражданское население СССР, оказавшееся за пределами СССР). Они проходили проверку во фронтовых СПП и погранично-фильтрационных пунктах НКВД (ПФП), после чего мужчины призывного возраста направлялись в запасные части фронтов или округов, остальные – к месту постоянного жительства (но с запретом поселения в Москве, Ленинграде и Киеве);
- жители пограничных областей – проверялись в ПФП и отпускались домой;

---

¹ Ebenda.

² Ebenda. D. 28. L. 1-4.

– дети-сироты: направлялись в детские дома и приюты Наркомпросов и Наркомздравов союзных республик¹.

Реальная практика фильтрации сложилась несколько по-иному. Регистрация и фильтрация на сборно-пересыльных пунктах и в проверка граждан-репатриантов оказалась лишь предварительной проверкой. В дальнейшем их судьба складывалась следующим образом. В соответствии с директивой НКВД № 97 от 18.06.1945 г. для повторной проверки в ПФЛ НКВД направлялись:

– все военнослужащие Красной Армии (офицеры, сержанты и рядовой состав), находившиеся в плену или в окружении независимо от того, сотрудничали или не сотрудничали они с оккупантами;

– все невоеннослужащие, проживавшие на оккупированной территории и работавшие при оккупационных властях в качестве старост, рядовых полицейских, рядовых членов «народной стражи», «народной милиции» и других подобных организаций, созданных оккупантами;

– лица, служившие в немецкой армии, немецких строевых формированиях (за исключением трудовых), «власовцы», легионеры.

К отмеченным выше категориям репатриантов были добавлены те, которых с международно-правовой точки зрения нельзя было считать таковыми. Директивой Отдела ПФЛ НКВД № 53/3714 от 07.05.1945 г. в ПФЛ НКВД направлялись также бывшие солдаты русской армии, «белые» эмигранты и другие лица, проживавшие раньше на территории СССР, имеющие германское или какое-либо другое гражданство, а также вообще без гражданства. К ним присоединили эстонцев, латышей, литовцев, поляков и других граждан, проживавших на территориях, присоединённых к СССР в 1939–1940 гг. и покинувших эти территории перед переходом их под советскую юрисдикцию².

В ходе проверки в проверочно-фильтрационных лагерях НКВД, прежде всего, выявлялись:

– руководящий и командный состав органов полиции, «народной стражи», «народной милиции», Русской освободите-

---

¹ GARF. F. 9526. Op. 4a. D. 2. L. 44-49.

² GARF. F. 9408. Op. 1. D. 1. L. 81, 89, 90.

льной армии, национальных легионов и других воинских и полицейских формирований, созданных под эгидой оккупантов;

– рядовые полицейские и рядовые участники перечисленных выше формирований, принимавшие участие в карательных экспедициях или проявлявшие активность при исполнении обязанностей;

– бывшие военнослужащие Красной Армии, добровольно перешедшие на сторону противника;

– бургомистры, крупные фашистские чиновники, сотрудники гестапо и других немецких карательных и разведывательных органов;

– сельские старосты, являвшиеся активными пособниками оккупантов. Если вина проверяемых доказывалась, они подвергались аресту и отдавались под суд военного трибунала¹.

Тех, бывших военнослужащих, которым удавалось успешно пройти повторную фильтрацию, направляли в рабочие батальоны, функционировавшие при целом ряде промышленных наркоматов СССР. Этот процесс назывался «передача в постоянные кадры промышленности». Кроме того, этих людей использовали на стройках НКВД, а также для службы в охране лагерей Отдела ПФЛ и ГУЛАГа. (Постановление ГКО СССР № 6884 от 04.11.1944 г.)². Прошедших проверку в ПФЛ нетрудоспособных мужчин и женщин, беременных женщин и женщин имевших грудных детей, стариков преклонного возраста разрешалось отправлять к местам их прежнего проживания (Директивы НКВД № 125 от 01.08.1945, № 135 от 11.08.1945)³. Репатриантов из числа калмыков, крымских татар, крымских армян, болгар, греков, балкарцев, чеченцев, ингушей, турок, курдов и хамшитов направляли в места их нового проживания, где они оказались после их депортации. В то время они ещё не считались спецпоселенцами (Директивы ОПФЛ НКВД № 53/1335 от 19.02.1945, № 53/2388 от 24.03.1945, № 53/7737 от 29.11.1945 и др.)⁴.

---

¹ GARF. F. 9408. Op. 1. D. 1. L. 83.

² GARF. F. 9408. Op. 1. D. 1. L. 82, 90.

³ GARF. F. 9408. Op. 1. D. 1. L. 83, 90, 91.

⁴ GARF. F. 9408. Op. 1. D. 1. L. 83, 88, 92. Insbesondere müssen die sowjet-deutschen Repatrianten erwähnt werden. Es handelte sich um Personen, die in den ersten Monaten des Kriegs unter deutsche Okkupation gerieten und deshalb nicht von der Sowjetmacht nach Sibirien und Kasachstan deportiert wurden. Beim Abzug

На спецпоселение сроком на 6 лет после прохождения проверки в ПФЛ НКВД направлялись лица, служившие германской армии, в специальных германских строевых формированиях (исключая трудовые), «власовцы», полицейские и легионеры, бывшие офицеры Красной армии, служившие в германских строевых формированиях. Предварительно офицеров лишали их офицерских званий (Постановление СНК СССР № 2678–735 сс от 22.10.1945). Эти меры производились на основании директивы НКВД № 39 от 15.03.1945 г., постановлений ГКО СССР № 9702 от 01.08.1945, № 9871 от 18.08.1945, директивы НКВД №149 от 30.08.1945)¹.

Интересно отметить и такой факт: в конце 1945 г., когда процесс репатриации советских граждан ещё держался на достаточно высоком уровне, появился совместный приказ НКВД и НКГБ СССР № 00706/00258. В соответствии с ним прошедших предварительную проверку военнослужащих направляли в распоряжение наркомата обороны СССР, где их сосредоточивали для дальнейшей проверки в специальной дивизии, а выдержавших повторную проверку зачисляли в ряды армии. По этому поводу существовало также специальное распоряжение Генштаба. Этим же приказом запрещалось направлять репатриантов – гражданских лиц в ПФЛ НКВД, что частенько практиковалось ранее. Они должны были проходить дальнейшую проверку по месту жительства местными органами НКВД².

---

aus den okkupierten Territorien wurden sie von den deutschen Behörden zwangsweise in das Gebiet Warthegau umgesiedelt. Alle deutschen Repatrianten bekamen nach der Filtration einen unbefristeten Sondersiedler-Status und wurden in die für sie bestimmten Ansiedlungsorte geschickt. Das waren Dalstroj, Norilsk, Uchta, sowie Kohlenreviere in Petschory, Kusbass, Karaganda u.a., die Gebiete mit Bauxitvorkommen im Nord-Ural, Holzschlagsbetriebe im Perm-Gebiet usw. So ergab sich, dass die sowjetisch-deutschen Repatrianten nicht nur pauschal den Angehörigen der Wlassow-Armee, Polizisten und anderen Heimatverrätern gleich gestellt, sondern anscheinend für noch gefährlicher gehalten wurden, weshalb man für sie unbefristete Sonderansiedlung bestimmte. Vgl. dazu auch: Герман А. А. Репатриация советских граждан немецкой национальности: характер проведения и результаты // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и первое послевоенное десятилетие. 1041 – 1945. М.: Готика, 2001. С. 257-270.

¹ GARF. F. 9408. Op. 1. D. 1. L. 90, 91-92, 93, 94.

² GARF. F. 9408. Op. 1. D. 1. L. 89, 93.

Из всего изложенного выше напрашивается следующий вывод. В тоталитарном государстве, каким являлся СССР, процесс репатриации граждан превратился в сложнейшую процедуру, потребовавшую затрат огромных материальных и людских ресурсов. В основе этой процедуры были заложены такие принципы как обязательность возвращения всех граждан на родину, независимо от их желания, презумпция потенциальной виновности всех советских граждан, оказавшихся за рубежом, тотальный контроль всех репатриантов на лояльность, изощёренная система наказания подавляющего большинства репатриантов и др.

Основным механизмом проверки репатриантов на лояльность стали проверочно-фильтрационные лагеря различных типов. К проведению проверки привлекался колоссальный штат сотрудников различных спецслужб и ведомств. Для многих советских граждан, переживших ужасы фашистской неволи, долгожданное освобождение стало лишь мелькнувшим на миг лучом света, за которым наступил новый мрак долгого заточения на родине.

Литература:

1. Бичехвост А. Ф. История репатриации советских граждан: трудности возвращения (1944–1953). Саратов: Изд-во СГАП, 2008.
2. Герман А. А. Репатриация советских граждан немецкой национальности: характер проведения и результаты // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и первое послевоенное десятилетие. 1941–1945. М.: Готика, 2001.
3. Полян П. М. География принудительных миграций в СССР: Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора географических наук. М.: Роспэн, 1998.
4. Полян П. М. Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в третьем рейхе и их репатриация. М.: Роспэн, 1996.

**ÜBERPRÜFUNGSFILTRATIONSLAGER ALS
HAUPTLEMENT DES MECHANISMUS
DER REPATRIERUNG SOWJETISCHER
KRIEGSGEFANGENER UND ANDERER BÜRGER
(MITTE UND ENDE 1940-ER JAHRE)**

Abstract: Unter Berufung auf wenig bekannte Archiv-Dokumente aus den Jahren des Großen Vaterländischen Kriegs untersucht der Autor Aufbau und Funktionsweise von Filtrationslagern, *proverochno-filtratsionnie lagerya* (wörtl.: Überprüfungsfiltrationslager) (im Folgenden: PFL) auf dem sowjetisch besetzten Territorium und in der UdSSR. Er betrachtet sie als Hauptelement des Mechanismus der Zwangsrepatriierung sowjetischer Kriegsgefangener und anderer Bürger, die durch verschiedene Umstände auf deutsches Territorium und andere von Deutschland okkupierte Territorien gerieten.

Schlüsselwörter: Überprüfungsfiltrationslager (PFL), Zwangsrepatriierung, Kriegsgefangene, Ostarbeiter, Amt des Beauftragten für die Angelegenheiten der Repatriierung, *Upravlenie upolnomochennogo po delam repatriatsii* (im Folgenden: Repatriierungsamt), Abteilung der PFL des Volkskommissariats für die Innenangelegenheiten der UdSSR, *Otdel proverochno-filtratsionnih lagerei NKVD SSSR* (im Folgenden: PFL – Abteilung des NKWD der UdSSR).

Im Laufe des Zweiten Weltkriegs, insbesondere nach dem Angriff Deutschlands auf die Sowjetunion, deportierten die Nazionalsozialisten eine riesige Anzahl von Menschen aus den okkupierten Gebieten der UdSSR. Berechnungen von P. M. Poljan zufolge erreichte diese Anzahl ca. 8,7 Mio. Menschen. Darunter waren Kriegsgefangene (ca. 3,3 Mio.), rekrutierte und zwangsdeportierte Ostarbeiter (ca. 3,8 Mio.), Flüchtlinge und Evakuierte (1 Mio.) u. a.¹

---

¹ Полян П. М. География принудительных миграций в СССР: Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора географических наук. М., 1998. С. 25.

Mit fortschreitender Befreiung der okkupierten sowjetischen Territorien und dem Einzug der sowjetischen Streitkräfte in die osteuropäischen Länder entwickelte und ergriff die Führung der UdSSR Maßnahmen für die Repatriierung der Sowjetbürger. Im Allgemeinen sollte unter Repatriierung die freiwillige Rückkehr ins Heimatland sowohl von Kriegsgefangenen und Zivilisten verstanden werden, die wegen des Kriegs außer Landes geraten waren, als auch von Emigranten mit anschließender Wiederverleihung der Staatsbürgerschaft.

In der UdSSR Stalins trug die Repatriierung in den letzten Monaten des Zweiten Weltkriegs und auch danach obligatorischen Charakter und wurde zumeist mithilfe von Zwangsmethoden durchgeführt. In vielerlei Hinsicht wurde das durch das Jalta-Abkommen von 1945 bedingt, wo die sowjetische Führung trotz Widerstands der Alliierten in der Anti-Hitler-Koalition dieses Recht für sich durchsetzen konnte¹.

Die gesamte Repatriierung wurde in strenger Abstimmung mit den Anforderungen der Leitdokumente des zu diesem Moment obersten Machtorgans durchgeführt, des staatlichen Sicherheitskomitees, *Gosudarstvennij komitet oboroni* (weiter – GKO) sowie der ihnen zugrundeliegenden amtlichen Dokumente des NKWD, dem Organ, dem die Hauptaufgabe der Umsetzung der Rückkehr der Sowjetbürger in die Heimat übertragen wurde. Die Analyse dieser Dokumente gibt einen Einblick in das Wesen der staatlichen Konzeption der Repatriierung und die Methoden ihrer Verwirklichung.

Als erstes Dokument für die Repatriierung könnte wohl die Verordnung des GKO der UdSSR Nr. 1069 vom 27.12.1941 betrachtet werden. Sie wurde mitten während der Gegenoffensive bei Moskau veröffentlicht, als zum ersten Mal seit Kriegsbeginn eine großangelegte Befreiung der besetzten sowjetischen Territorien begann. Schon in dieser Verordnung sind die Grundlagen der zukünftigen Konzeption der Repatriierung klar zu erkennen.

Zur Entlarvung der Heimatverräter, Spione und Diversanten unter ehemaligen Rotarmisten, die gefangen genommen wurden oder in die Einkesselung gerieten, sollten im Grenzbereich des rückwärtigen Gebiets Sammeldurchgangspunkte, *sborno-perisilnie punkti* (im Folgenden: SPP), für die Sammlung aller in Gefangenschaft oder Einkesselung gewesenen Armeeingehörigen organisiert werden.

---

¹ Ebenda.

Allen Armeeeinheiten wurden dazu verpflichtet, alle Bürger der oben genannten Kategorien anzuhalten. Die Festgenommenen sollten in Sonderlagern unter Verwaltung des NKWDs festgehalten werden. In jedem Lager sollte eine Sonderabteilung des NKWD für die Überprüfung der Festgenommenen gebildet werden. Nach der Überprüfung wurden alle Personen, für die kein „kompromittierendes Datenmaterial“ gefunden werden konnte, an die Musterungsbehörden übergeben, die restlichen Inhaftierten wurden Repressalien unterzogen¹. Diese Verordnung galt über die gesamte Kriegsdauer, solange militärische Handlungen innerhalb der Grenzen der UdSSR stattfanden. Auf diese Weise bildete sich das System der Überprüfung und „Filtration“ von Bürgern aus, die sich in den besetzten Gebieten und außerhalb der Grenzen der UdSSR aufgehalten hatten.

Mit dem Einmarsch der Sowjetarmee auf die Territorien der angrenzenden Staaten erhielt das Problem der Repatriierung der Sowjetbürger (nicht nur Kriegsgefangener, sondern auch Zivilisten) für die Leitung der Sowjetunion sehr große ideologische, politische und praktische Bedeutung. Am 18 August 1944 erließ das GKO der UdSSR eine Verordnung „Zur Organisation der Aufnahme der in die Heimat zurückkehrenden sowjetischen Bürger, die zwanghaft von Deutschen verschleppt wurden oder aus verschiedenen Gründen hinter die Grenzlinie zwischen UdSSR und Polen gerieten“. Dieser Verordnung zugrunde lag das Prinzip der obligatorischen Rückkehr ins Heimatland aller ins Ausland geratenen Bürger der UdSSR, deren ausführlicher Überprüfung und der Anwendung von Repressalien gegenüber den „Verrätern“².

Am 04.10.1944 wurden dafür die obersten Personalien bestimmt: zum Beauftragten des Rates der Volkskommissare (ab 1946 – der Ministerrat) der UdSSR für die Angelegenheiten der Repatriierung der Bürger der UdSSR aus Deutschland und anderen von ihm okkupierten Ländern (im Folgenden: Beauftragter des SNK der UdSSR für die Repatriierung) wurde General-Oberst F. I. Golikow bestimmt, seine Stellvertretenden waren General-Oberst I. W. Smorodinow und General-Leutnant K. D. Golubew, Assistenten waren General-Major W. M. Dragun und A. A. Smirnow. Am 6.

---

¹ GARF. F. 9408. Abteilung der Überprüfungsfiltrationslager. Op. 1. D.1. L. 85.

² GARF. F. 9526. Repatriierungsamt. Op. 1. D. 21. L. 46-47.

Oktober 1944 wurde die Verordnung des GKO der UdSSR über die Tätigkeiten des Beauftragten des SNK der UdSSR für die Repatriierung veröffentlicht. Am 23.10.1944 übernahm F. I. Golikow die Leitung des Amtes des Beauftragten des SNK der UdSSR für die Repatriierung¹.

Zur Umsetzung der Verordnung des GKO der UdSSR vom 18.08.1944 wurde innerhalb des NKWD schon im September 1944 eine Abteilung für Sonderlager gebildet, im Februar wurde diese Abteilung in „Abteilung PFL“ umbenannt mit der Hauptfunktion „Verwahrung und Gewährleistung der Filtration des Sonderkontingents“². Vom Anfang an bestand das „Sonderkontingent“ aus zwei Kategorien:

- 1) alle Kriegsgefangenen der Roten Armee und
- 2) Zivilisten – Bürger der UdSSR, die außerhalb der Grenzen ihres Landes gerieten.

Mit Hilfe seiner neuen Abteilung und unter dem Schirm des Amtes des Beauftragten des SNK der UdSSR für die Repatriierung hat das NKWD sehr schnell eine mächtige Infrastruktur aufgebaut: von Repatriierungsmissionen, die weltweit nach „Personen, die der Repatriierung zuzuführen sind“, suchten, bis zu örtlichen Vertretern oder Dienste, die für die Annahme der Sowjetbürger vor Ort zuständig waren.

Zum wichtigsten Element dieses Netzes entwickelten sich die SPP und PFL, die in den rückwärtigen Gebieten der Sowjetarmee gebildet wurden. Ihre Organisation erfolgte auf Grundlage der Direktive des Hauptquartiers des Oberbefehlshabers Nr. 11086 vom 11.05.1945.

Diese Direktive schrieb vor, 100 PFL (70 für die Kriegsgefangenen und 30 für Zivilisten) und 46 SPP zu bilden. Jedes Lager wurde für 10 000 Menschen ausgelegt. Die Verteilung von PFL und SPP je nach der Front ist in der Tabelle Nr. 1 dargestellt³.

---

¹ Полян П. Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в третьем рейхе и их репатриация. М.: Роспэн, 1996. С. 190.

² GARF. F. 9408. История фондообразователя.

³ GARF. F. 9408. Оп. 1. D.15. L. 6-8.

Tabelle 1

Verteilung der PFL und der SPP je nach Front

Die Fronten	PFL (für Kriegsgefangene/für Zivilisten)	SPP
Die 1. Belorussische	30 (21/9)	10
Die 2. Belorussische	15 (10/5)	6
Die 1. Ukrainische	30 (22/8)	15
Die 2. Ukrainische	10 (7/3)	6
Die 3. Ukrainische	10 (7/3)	5
Die 4. Ukrainische	5 (3/2)	4

Die Anzahl von PFL und SPP auf dem Territorium der Besatzungszonen der UdSSR in der Nachkriegszeit mit Stand 2. Oktober 1945 ist in der Tabelle 2 gezeigt. Wirtschaftlich ordneten sich diese PFL und SPP den entsprechenden Fronten oder den Gruppen der Streitkräfte unter. In allen anderen Fragen unterstanden sie den Mitarbeitern des NKWD.

Tabelle 2

Die Anzahl der PFL und SPP und ihre Verteilung je nach den Gruppierungen der Streitkräfte im Oktober 1945.¹

Gruppen der Streitkräfte	PFL	SPP
Gruppe der sowjetischen Streitkräfte in Deutschland	53	-
Zentralgruppe der Streitkräfte	19	-
Nordgruppe der Streitkräfte	9	9

Neben oben genannten PFL und SPP gab es noch grenznahe PFL. Am 2.10.1945 zählte man 35 solche Lager. Sie befanden sich in Grodno, Brest, Wolkowyssk, Kolomyj, Jassa und anderen grenznahe liegenden Siedlungen und waren unmittelbar dem NKWD untergeordnet². Zuletzt gab es auch in der UdSSR selbst 46 PFL, 3 Überprü-

¹ GARF. F. 9408. Op. 1. D.15. L. 6-8.

² ebenda.

fungsfiltrationsabteilungen in den Besserungsarbeitslagern, *ispravitelno-trudovie lagerya* (im Folgenden: ITL) und 18 Grenzfiltrationspunkte, *pogranichno-filtratsionnie punkti* (im Folgenden: PFP), die unmittelbar der GULAG des NKWD untergeordnet und über das ganze Land hin verstreut waren¹. Dieses gut verzweigte Netz von Lagern und Punkten wurde mit Mitarbeitern aus dem operativen Bereich aufgefüllt, die bereits seit den Vorkriegszeiten über große Erfahrungen bei der Aufdeckung von „Feinden“ verfügten.

Am 18.01.1945 wurden zwei gemeinsame Direktiven des Leiters des rückwärtigen Gebietes der Roten Armee General T. Chruljow und des Beauftragten des SNK der UdSSR für die Repatriierung F. Golikow Nr. 1/1240645 c und Nr. 1/1240646 erlassen, denen zufolge die folgende Teilung aller Rückkehrenden vorgeschrieben wurde:

- ehemalige Kriegsgefangene (gemeine Soldaten und Unteroffiziere. Sie sollten in die SPP geschickt und nach der Überprüfung durch Organe des militärischen Sicherheitsdienstes (SMERSch – Abkürzung aus dem Russischen „*Smert shpionam*“, „Tod den Spionen“, im Folgenden: SMERSch) an die Armee- oder Frontreserven weiter übergeben werden;

- ehemalige kriegsgefangene Offiziere wurden den PFL des NKWD unterstellt;

- Kriegsgefangene und Zivilisten, die in den deutschen taktischen Sondereinheiten dienten, Angehörige der Wlassow-Armee, Polizisten und andere Verdächtige. Sie wurden auch in die PFL des NKWD geschickt;

- internierte Zivilbevölkerung (darunter verstand man Ostarbeiter und andere Zivilbevölkerung der UdSSR, die außerhalb der UdSSR geraten waren). Sie waren in den Front-SPP und in den Grenzfiltrationspunkten des NKWD überprüft worden, nachdem die Männer im dienstpflichtigen Alter in die Reserveeinheiten der Fronten und der Kreise geschickt wurden und die restlichen Personen zu ihrem Wohnort (aber unter Verbot, in Moskau, Leningrad und Kiew zu wohnen);

- die Bewohner der Grenzgebiete wurden in den Überprüfungsfiltrationspunkten geprüft und nach Hause entlassen;

---

¹ Ebenda. D. 28. L. 1-4.

– Waisenkinder wurden in Kinderheime und Zufluchtsorte des Volkskommissariats der Ausbildung und des Volkskommissariats des Gesundheitswesens der Unionsrepubliken geschickt¹.

Die tatsächlichen Praktiken der Filtration sahen anders aus. Die Registrierung und Filtration der Repatrianten an den SPP und PFL war zunächst nur eine vorläufige Kontrolle. In Weiterem hat sich ihr Schicksal folgendermaßen herausgebildet.

Entsprechend der Direktive des NKWD Nr. 97 vom 18.06.1945 wurden folgende Personen zur weitergehenden Überprüfung in die PFL von NKWD geschickt:

– alle Angehörigen der Roten Armee (Offiziere, Unteroffiziere und gemeine Soldaten), die in der Gefangenschaft oder Einkesselung waren unabhängig davon, ob sie mit den Besatzern kollaborierten;

– alle Zivilisten, die auf okkupiertem Territorium lebten und bei den Besatzungsbehörden eine Funktion als Dorfälteste, gemeine Polizisten, gemeine Mitglieder der „Volkswacht“ und „Volksmiliz“ und anderer ähnlicher Organisationen, die durch Okkupanten gebildet wurden, hatten;

– Personen, die der Wehrmacht angegliedert waren oder im Truppendienst waren (außer Arbeitsdiensten), Angehörigen der Wlassow-Armee, Legionäre.

Zu den o. g. Kategorien der Repatrianten wurden noch jene hinzugefügt, die aus völkerrechtlicher Sicht nicht als solche betrachtet werden durften. Der Direktive der PFL-Abteilung des NKWD Nr. 53/3714 vom 07.05.1945 zufolge wurden auch ehemalige Soldaten der Zarenarmee, "weiße" Emigranten und andere Personen, die früher auf dem Territorium der UdSSR wohnten und die deutsche oder andere Staatsangehörigkeiten hatten, in die PFL NKWD geschickt, ebenso wie alle Personen ohne Staatsangehörigkeit. Dazu zählten auch Esten, Letten, Litauer, Polen und andere Bürger, die auf jenen Territorien lebten, die in den Jahren 1939–1940 der UdSSR angeschlossen wurden und die diese Territorien verlassen hatten, bevor sie der sowjetischen Gerichtsbarkeit unterstellt wurden².

Während der Überprüfung in den PFL des NKWD wurden vor allem aufgedeckt:

---

¹ GARF. F. 9526. Op. 4a. D. 2. L. 44-49.

² GARF. F. 9408. Op. 1. D. 1. L. 81, 89, 90.

– der leitende Bestand der Organe der Polizei, der „Volks- wacht“, der „Volksmiliz“, der russischen Befreiungsarmee, der Nati- onallegionen und anderer Militär- und Polizeiformierungen, die unter der Ägide der Okkupanten gebildet wurden;

– Mannschaften der Polizei und der o. g. Formierungen, die an Strafexpeditionen teilnahmen oder aktiv bei der Ausübung der Dienstpflichten waren;

– ehemalige Rotarmisten, die freiwillig auf die Seite des Fein- des überliefen;

– Bürgermeister, hohe faschistische Beamte, Angestellte der Gestapo und anderer deutsche Straf- und Abwehrorgane;

– Dorfälteste, die den Okkupanten aktive Hilfe leisteten.

Im Falle eines Schuldnachweises wurden sie verhaftet und vor ein Militärtribunal gestellt¹.

Diejenige Armeeangehörigen, die die sekundäre Filtration er- folgreich überstanden, wurden in Arbeitsbataillone geschickt, die bei mehreren wirtschaftlichen Volkskommissariaten der UdSSR einge- richtet waren. Dieser Prozess hieß „Übergabe in die Festkader der Industrie“. Außerdem wurden diese Menschen auf Baustellen des NKWD eingesetzt, sowie im Sicherheitsdienst in den Lagern der PFL-Abteilung und der GULAG (Verordnung des GKO der UdSSR Nr. 6884 vom 4.11.1944)².

Es wurde erlaubt, die arbeitsunfähigen Männer und Frauen, Schwangere und Mütter mit Säuglingen, sowie Älteren im hohen Alter an ihre früheren Wohnorte zu schicken (Direktiven des NKWD Nr. 125 vom 01.08.1945, Nr. 135 vom 11.08.1945)³. Repatrianten aus Kalmykien, Krim-Tataren, Krim-Armenier, Bulgaren, Griechen, Balkaren, Tschetschenen, Inguschen, Türken, Kurden und Chamschi- ten schob man in ihre neue Wohnorte ab, in die man diese Völker nach der Deportation angesiedelt hatte. Zu dieser Zeit galten sie noch nicht als Sondersiedler. (Direktive der PFL – Abteilung des NKWD

---

¹ GARF. F. 9408. Op. 1. D. 1. L. 83.

² GARF. F. 9408. Op. 1. D. 1. L. 82, 90.

³ GARF. F. 9408. Op. 1. D. 1. L. 83, 90, 91.

Nr. 53/1335 vom 19.02.1945, Nr. 53/2388 vom 24.03.1945, Nr. 53/7737 vom 29.11.1945 u.a.)¹.

Zur zwangsweisen Ansiedlung mit einer Dauer von 6 Jahre wurden nach der Überprüfung in den PFL des NKWD die Personen geschickt, die in speziellen deutschen Wehrmachtsergänzungseinheiten (außer Arbeitseinheiten) dienten, sowie Wlassow-Armeeangehörige, Polizisten und Legionäre. Zuvor wurden die Offiziere degradiert (Verordnung des SNK der UdSSR Nr. 2678-735 cc vom 22.10.1945). Diese Maßnahmen wurden auf Grund der Direktive des NKWD Nr. 39 vom 15.03.1945, der Verordnungen des GKO der UdSSR Nr. 9702 vom 01.08.1945, Nr. 9871 vom 18.08.1945, sowie der Direktive des NKWD Nr. 149 vom 30.08.1945 ergriffen².

Interessant ist auch der folgende Fakt: am Ende des Jahres 1945, als der Prozess der Repatriierung der Sowjetbürger noch auf ziemlich hohem Niveau verlief, erschien der gemeinsame Befehl des NKWD und des Volkskommissariats für die staatliche Sicherheit, *Narodny komissariat gosudarstvennoj bezopasnosti* (im Folgenden: NKGB) der UdSSR Nr. 00706/00258. Diesem zufolge wurden vorläufig geprüfte Armeeangehörige dem Volkskommissariat der Sicherheit der UdSSR zugestellt, wo sie für die sekundäre Überprüfung in einer speziellen Division konzentriert wurden. Die Armeeangehörigen, die die sekundäre Überprüfung bestanden hatten, wurden in

---

¹ GARF. F. 9408. OP. 1. D. 1. L. 83, 88, 92. Insbesondere müssen die sowjetdeutschen Repatrianten erwähnt werden. Es handelte sich um Personen, die in den ersten Monaten des Kriegs unter deutsche Okkupation gerieten und deshalb nicht von der Sowjetmacht nach Sibirien und Kasachstan deportiert wurden. Beim Abzug aus den okkupierten Territorien wurden sie von den deutschen Behörden zwangsweise in das Gebiet Warthegau umgesiedelt. Alle deutschen Repatrianten bekamen nach der Filtration einen unbefristeten Sondersiedler-Status und wurden in die für sie bestimmten Ansiedlungsorte geschickt. Das waren Dalstroj, Norilsk, Uchta, sowie Kohlenreviere in Petschory, Kusbass, Karaganda u.a., die Gebiete mit Bauxitvorkommen im Nord-Ural, Holzschlagsbetriebe im Perm-Gebiet usw. So ergab sich, dass die sowjetisch-deutschen Repatrianten nicht nur pauschal den Angehörigen der Wlassow-Armee, Polizisten und anderen Heimatverrätern gleich gestellt, sondern anscheinend für noch gefährlicher gehalten wurden, weshalb man für sie unbefristete Sonderansiedlung bestimmte. Vgl. dazu auch: Герман А. А. Репатриация советских граждан немецкой национальности: характер проведения и результаты // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и первое послевоенное десятилетие. 1041–1945. М.: Готика, 2001. С. 257-270.

² GARF. F. 9408. OP. 1. D. 1. L. 90, 91-92, 93, 94.

die Armee zurückgeführt. Hierzu gab es eine spezielle Verordnung des Generalstabs. Durch diesen Befehl wurde es auch verboten, zivile Repatrianten in die PFL des NKWD zu schicken, was davor ab und zu praktiziert wurde. Diese sollten an ihrem Wohnsitz einer weiteren Überprüfung durch örtliche Organe des NKWD unterzogen werden¹.

Aus dem oben Dargelegten lässt sich folgendes Fazit ziehen: in einem totalitären Staat wie der UdSSR geriet der Prozess der Repatriierung zu einem hochkomplizierten Verfahren, das riesiger materieller und personeller Reserven bedurfte. Dieses Verfahren funktionierte nach folgenden Prinzipien: zwanghafter Charakter der Rückkehr aller Bürger ins Heimatland, unabhängig von deren Wunsch, Schuldvermutung für alle sowjetische Bürger, die ins Ausland geraten waren, totale Kontrolle aller Repatrianten auf Loyalität, raffiniertes System der Bestrafung der meisten Repatrianten u.a.

Zum Hauptmechanismus der Überprüfung der Repatrianten auf Loyalität wurden die PFL in verschiedenen Typen. Für die Überprüfungen wurde eine kolossale Anzahl von Mitarbeitern der diversen Sonderämter und Behörden eingesetzt.

Für mehrere Sowjetbürger, die die Grausamkeiten der faschistischen Gefangenschaft überlebten, war die lang ersehnte Befreiung nur ein kurzer Sonnenstrahl gewesen, bevor die neue Finsternis der langjährigen Einkerkung im Heimatland folgte.

Literaturverzeichnis:

1. Бичехвост А. Ф. История репатриации советских граждан: трудности возвращения (1944 – 1953). Саратов: Изд-во СГАП, 2008.

2. Герман А. А. Репатриация советских граждан немецкой национальности: характер проведения и результаты // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и первое послевоенное десятилетие. 1041–1945. М.: Готика, 2001.

3. Полян П. М. География принудительных миграций в СССР: Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора географических наук. М.: Роспэн, 1998.

---

¹ GARF. F. 9408. Оп. 1. D. 1. L. 89, 93.

4. Полян П. М. Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в третьем рейхе и их репатриация. М.: Роспэн, 1996.

Ребичек И., Гисен

УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ И ПОСТ-СТАЛИНСКАЯ РЕВИЗИЯ ДЕЛ «ИЗМЕННИКОВ РОДИНЕ»

Аннотация: После смерти И. В. Сталина наследники диктатора организовали систематическую проверку дел всех заключенных лагерей, обвиненных в «контрреволюционных» преступлениях. В докладе описывается, как правительственные комиссии проверяли, в том числе дела лиц, осужденных как «предатели» за сотрудничество с немецкими оккупантами. С одной стороны, комиссии демонстрировали высокую степень юридической добросовестности и интерес к обстоятельствам дел, с другой стороны, не имея четких ориентиров, они избегали комплексного пересмотра старых приговоров, даже если к этому имелись юридические основания. Результатом деятельности комиссий был статистический компромисс: хотя комиссии и приняли решение о снижении сроков наказания в отношении большей части приговоров, фактически на волю была отпущена только незначительная часть коллаборационистов.

Ключевые слова: комиссии по пересмотру дел, коллаборационизм, юстиция, Никита Хрущев.

После смерти Сталина его преемники подвергли сомнению существующий Status quo во многих отношениях. Была демонтирована не только экономически нерентабельная империя принудительного труда, известная как ГУЛАГ. Члены «коллективного руководства» после ареста Берии поставили под вопрос в целом существовавшую систему массового государственного

насилия¹. ГУЛАГ не был только экономическим феноменом. В политическом плане наиболее остро стоял вопрос, как и каким образом, стоит покончить с образами врагов и армией политических заключенных сталинской эпохи и как в этом случае будет проведена новая разделительная между «советским гражданином» и «врагом народа».

На этом фоне ЦК КПСС выступил 6 мая 1954 г. с инициативой основания Центральной комиссии и местных комиссий «по пересмотру дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления»². Десятки тысяч дел такого рода были заведены по обвинению в «государственной измене». При жизни Сталина коллаборационизм расценивался как один из способов посягательства на коммунистический проект, а тем самым – как «контрреволюционное» преступление. Коллаборантов, наряду с членами других социальных или политических групп риска, «обезвреживали» как «контрреволюционеров». Тот, кто поддерживал немцев, официально был виновен в «измене Родине»³. Этот термин был позаимствован из Уголовного Кодекса РСФСР, где статья 58–1а из раздела «Преступления государственные» карала за «измену Родине», а статья 58–3 – за оказание помощи иностранному государству или его представителям «в контрреволюционных целях». В языковом и юридическом отношении термин «измена Родине» подразумевал целый спектр потенциальных преступлений⁴. Теперь же, десятилетие спустя после того, как было осуждено большинство «изменников Родине», их дела подлежали пересмотру, как и проблема коллаборационизма в целом. Таким образом, деятельность комиссий по пересмотру дел проливает свет как на изменившиеся правовые практики, так и на обхождение с коллаборационизмом

---

¹ Hardy J. The Gulag after Stalin. S. 25–78; Elie M. Khrushchev's Gulag. 109–112; Dobson. Show the bandit-enemies no mercy!. S. 21–40.

² Артизов А. А. Реабилитация... Т. 1. С. 116.

³ VOISIN. L'URSS contre ses traîtres. S. 467.

⁴ VOISIN, KUDRYASHOV. The Early Stages. S. 271. Приказ от 19 апреля 1943 г. служил, в том числе, для того, чтобы лучше различать между активным коллаборационизмом и простым содействием оккупантам, тем не менее, обе формы сотрудничества трактовались как «измена Родине».

как «контрреволюционным преступлением» после смерти И. В. Сталина.

Сообщение опирается на материалы комиссии по пересмотру дел, которая действовала в Молотовской области (сегодня – Пермский край) в 1954–1955 гг. Хотя сами протоколы заседаний комиссии отсутствуют, в распоряжении исследователей находится около 22 дел (объемом от 50 до 400 листов), которые включают в себя решения комиссии, экспертные заключения ее членов (преимущественно оригиналы), жалобы заключенных (копии), а также таблицы, дающие представление о статистике дел, рассмотренных комиссией в 1954 году¹.

На территории Молотовской области, у подножия Уральских гор, существовала целая сеть исправительно-трудовых лагерей, в которых отбывали наказание многочисленные контингенты заключенных. Отдельные решения комиссии или соответственно экспертные заключения и протестные письма опосредованно высвечивают основания и аргументацию в деле оценки «государственной измены» после смерти И. В. Сталина.

Доклад показывает, что Политбюро ЦК КПСС фактически отказалось от установления четких критериев этой оценки и только давало противоречивые сигналы местным комиссиям. В результате комиссии должны были устанавливать случаи вынесения «противоправных приговоров» и «ошибочной квалификации» преступлений, самостоятельно принимать решения о пересмотре наказания, однако при этом, не совершая политической ошибки². Таким образом, московское руководство желало юридического решения политической проблемы, при этом, принципиально не ставя под вопрос саму правомерность таких ярлыков как «враг народа» или «контрреволюция»³. Эта амби-

---

¹ Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 1366. Оп. 1. Д. 750–773.

² Лавинская О. Документы Прокуратуры. С. 40–41.

³ Так, генеральная прокуратура и МВД договорились в декабре 1953 г. о том, чтобы не пересматривать дела лиц, осужденных Особым совещанием при НКВД до окончания войны, поскольку срок наказания по этим делам уже истек. ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 4009. Л. 1–3, здесь Л. 3: Письмо генерального прокурора СССР Р. А. Руденко и министра внутренних дел СССР С. Н. Круглова Н. С. Хрущеву от 8 декабря 1953 г. На запрос архангельской Комиссии, последовавший спустя год, Москва подтвердила годичный срок проверки.

валентность критериев привела на практике к возникновению двух трендов.

С одной стороны, члены комиссии, в особенности чиновники, имевшие юридическое образование и занимавшие руководящие посты – речь идет о прокурорах – получили достаточную свободу рук, чтобы их экспертные заключения учитывались при пересмотре дел. Многочисленные юристы тщательно изучали дела, взвешивали доказательства и оценивали индивидуальные мотивы совершения преступлений. Прокуроры проверяли свидетельские показания, данные ранее, и выявили применение незаконных методов допроса¹. В результате личные признания больше не рассматривались как неоспоримое доказательство вины. Иначе, чем десятью годами ранее, чиновники прилагали усилия, чтобы детально проследить военную карьеру и жизненные пути осужденных. Теперь гораздо точнее определялась степень коллаборационизма, в особенности классификация военного использования советских граждан на службе в СД, полиции или СС. Помимо этого, теперь в экспертных заключениях комиссии часто также озвучивались обстоятельства рекрутирования советских военнопленных на службу врагу, такие как угроза расстрела².

С другой стороны, члены комиссии не заходили так далеко, чтобы опираться в своих решениях только на доказательную базу. Многие из них не были заинтересованы в том, чтобы освободить «врагов народа» или не решались, учитывая отсутствие задания сверху, столь очевидно ставить с ног на голову судопроизводство сталинских времен. В экспертных заключениях, для обоснования своих решений, они, прежде всего, концентрировались на юридических деталях судебного процесса, очевидных противоречиях в показаниях свидетелей, смягчающих об-

---

См.: ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 3733. Л. 29–30, здесь Л. 30: Ответ генеральной прокуратуры СССР на перечень вопросов архангельской прокуратуры. 27 июля 1954 г.

¹ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 4009. Л. 1–3, здесь Л. 3: Письмо генерального прокурора СССР Р. А. Руденко и министра внутренних дел СССР С. Н. Круглова Н. С. Хрущеву от 8 декабря 1953 г.

² См.: дело М. Н. Козлова: ГАПК. Ф. 1366. Оп.1. Д. 758. Л. 72–77, здесь Л. 72: заключение комиссии по делу Михаила Николаевича Козлова, 20 августа 1954 г.

стоятельствах по причине пожилого возраста или неблагоприятного социального прошлого, а также на нарушении процессуальных норм. Бывшая политическая природа преступления, а именно его «контрреволюционная» составляющая, играла в экспертных заключениях подчиненную роль.

Таким образом, на практике большинство членов комиссий выбрало политически надежный путь, который вел к статистическому компромиссу. «Незыблемость приговоров» всегда была мантрой советской юстиции, и здесь следовало придерживаться такого же принципа. Чаще всего члены комиссий избегали в своих экспертных заключениях и своих рекомендациях слишком очевидно отклоняться от прежних приговоров, вынесенных военной юстицией. По этой причине большинство рассмотренных здесь приговоров к 25 годам по ст. 58–1 и 58–3 УК РСФСР были сокращены до 10 лет. Важнейшим критерием принятия решения о пересмотре приговора являлось доказательство применения или неприменения коллаборантом физического насилия. Если «карательная деятельность» или совершение других актов насилия во время службы у немцев получали доказательное подтверждение, тогда прежний приговор сохранял свою силу¹. Те же, кто в глазах комиссии не совершал подобных преступлений, мог рассчитывать на сокращение срока заключения. Освобождение из заключения практиковалось только в исключительных случаях.

Такой образ действий гарантировал, что все комиссии будут действовать примерно по одному и тому же шаблону, при этом юридические аспекты будут играть важную роль в ходе проверки дел. Члены комиссий отсортировали коллаборантов, применявших насилие, а остальных оставили в лагерях на определенное время, пока партийное руководство не примет систематического принципиального решения. Итак, комиссии обеспечили как себя, так и Политбюро запасом времени. В сентябре

---

¹ См.: дело Романа Ремейчика, который был осужден за помощь в убийстве немецкими солдатами семи русских из числа гражданских лиц. Комиссия подтвердила вынесенный ранее приговор. ГАПК. Ф. 1366. Оп. 1. Д. 755. Л. 82–84, здесь Л. 83: заключение комиссии по делу Романа Мироновича Ремейчика, 12 июня 1954 г.

1955 г. такой образ действия получил в итоге верховную санкцию, когда правительство амнистировало почти всех заключенных, осужденных по статьям 58–1 и 58–3 УК РСФСР за сотрудничество с оккупантами. Исключения составляли лица, осужденные за убийства и истязания советских граждан¹. Все остальные были освобождены, но не реабилитированы.

С точки зрения права коллаборационизм как «контрреволюционное деяние» был трансформирован в преступление, совершенное с применением насилия. На этом фоне новая оценка коллаборационизма (и «контрреволюционных преступлений» в целом) была скорее вехой для советской юстиции, чем новым указателем в политике. Комиссии пересматривали десятки тысяч дел, при этом впервые тщательно и систематически выделяли различные категории коллаборантов, а также освещали обстоятельства, которые привели советских граждан на службу у немцев. Военнопленные из немецких концентрационных лагерей смогли рассказать свои истории и комиссии частично учли данные аспекты в своих рекомендациях, хотя в большинстве случаев предпочитали не опираться в вынесенных решениях на свидетельства военнопленных. Пока Центр не подал однозначного сигнала, как и в какой степени политические преступления прошлого представляют собой угрозу после И. В. Сталина, если представляют вообще, чиновники не хотели слишком очевидно дистанцироваться от прежних приговоров. Эта дилемма разрешилась только после организации собственной партийной комиссии, занимавшейся пересмотром политических дел² и тайной речи Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС в 1956 году.

Литература:

1. Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы / Под редакцией А. А. Артизова. Т. 1–2. М., 2000 / 2003.

2. Dobson Miriam. “Show the bandit–enemies no mercy!” Amnesty, Criminality and Public Response in 1953, in: Jones, Polly

---

¹ Артизов А. А. Реабилитация... Т. 1. С. 259.

² Elie M. Unmögliche Rehabilitation. S. 369–385.

(ed.). *The Dilemmas of Destalinization. Negotiating Cultural and Social Change in the Khrushchev Era.* London/ New York, 2007.

3. Elie Marc. *Khrushchev's Gulag: The Soviet Penitentiary System after Stalin's Death, 1953–1964*, in: Kozlov Denis. Gilburd, Eleonory (ed.). *The Thaw. Soviet Society and Culture during the 1950s and 1960s.* Toronto/ Buffalo/ London, 2013.

4. Elie Marc. *Unmögliche Rehabilitation. Die Revisionskommissionen 1956 und die Unsicherheiten des Tauwetters.* In: *Ost-europa* 57 (6).

5. Hardy Jeffrey. *The Gulag after Stalin. Redefining Punishment in Khrushchev's Soviet Union, 1953–1964.* Ithaca/London, 2016.

6. Лавинская О. Документы прокуратуры о процессе реабилитации жертв политических репрессий в 1954–1956 гг. // *Отечественные архивы.* № 3. (2007).

7. Voisin Vanessa. *L'URSS contre ses traîtres. L'Épuration soviétique (1941–1955).* Paris 2015.

8. Voisin Vanessa, Kudryashov Sergey. *The Early Stages of "Legal Purges" in Soviet Russia (1941–1945)*, in: *Cahiers du Monde russe* 49 (2008).

Rebitschek I., Gießen

STRAFVERFOLGUNG UND POST-STALINISTISCHE REVISIONEN

Abstract: Nach dem Tode Stalins veranlassten die Nachfolger des Diktators eine systematische Prüfung der Fälle aller als „Konterrevolutionär“ verurteilter Lagerinsassen. Der Vortrag zeigt, wie diese Revisionskommissionen auch Fälle von als „Verräter“ verurteilten Kollaborateuren prüften und dabei einerseits zum Teil erhebliche juristische Sorgfalt und Interesse an den Umständen des Tatbestandes zeigten und andererseits es aus Unsicherheit vermieden, auch bei juristischer Grundlage die früheren Urteile komplett zu revidieren. Das Ergebnis war ein statistischer Kompromiss, mit dem die Kommissionen den Großteil der einstigen Straf-

maße zwar reduzierten, aber nur einen Bruchteil der Kollaborateure tatsächlich freiließen.

Schlüsselwörter: Revisionskommissionen; Kollaboration, Justiz, Nikita Chruščev.

Als Stalin starb, entschieden seine Nachfolger, den Status quo in vielerlei Hinsicht auf die Probe zu stellen. Nicht nur das unrentable Zwangsarbeiterimperium (GULag) wurde zurückgebaut. Die Mitglieder der „kollektiven Führung“ stellten nach Berijas Verhaftung das bestehende System staatlich gelenkter Massengewalt insgesamt in Frage¹. Der Gulag war nicht nur eine wirtschaftliche Hypothek. Auch politisch drängte sich die Frage auf, wie und ob man mit dem politischen Insassen und den Feindbildern der Stalin-Zeit brechen, die Trennlinien zwischen Sowjetbürger und Volksfeind neu ziehen sollte.

Vor diesem Hintergrund initiierte das ZK 6. Mai 1954 die Gründung „Zentraler und örtlicher Kommissionen zur Durchsicht der Fälle, wegen ‚Konterrevolutionärer Verbrechen‘ Verurteilter“². Zehntausende solcher Fälle betrafen den Tatbestand des „Verrats“³. Zu Stalins Lebzeiten war Kollaboration auch ein Angriff auf das kommunistische Projekt, ein „konterrevolutionärer Akt“. Kollaborateure wurden gemeinsam mit anderen sozialen oder politischen „Risikogruppen“ als „Konterrevolutionäre“ unschädlich gemacht. Wer die Deutschen unterstützte, beging offiziell „Vaterlandsverrat“⁴. Dieser Begriff war den entsprechenden Paragraphen für politische Verbrechen im sowjetischen Strafgesetzbuch entlehnt – 58,1a („Vaterlandsverrat“) bzw. 58,3 („Hilfeleistung für den Feind“) – und deckte sprachlich und juristisch ein weites Spektrum an möglichen Tatbeständen ab⁴. Nun, ein Jahrzehnt nach den meisten Verurteilungen, unterlagen auch diese Fälle der Prüfung und mit ihnen das

---

¹ Hardy. *The Gulag after Stalin*. S. 25–78; Elie. *Khrushchev's Gulag*, 109–112; Dobson. *Show the bandit-enemies no mercy!*. S. 21–40.

² Artizov. *Reabilitacija*. Tom 1. S. 116.

³ VOISIN L'URSS contre ses traîtres. S. 467.

⁴ VOISIN/ KUDRYASHOV. *The Early Stages*, S. 271. Der Befehl vom 19. April 1943. diente unter anderem dazu, aktive Kollaboration und Beihilfe besser zu unterscheiden, fasste beide Formen dennoch als „Vaterlandsverrat“ (Izmena rodiny) zusammen.

Problem der Kollaboration insgesamt. Die Arbeit der Revisionskommissionen gibt also Aufschluss sowohl über die veränderten rechtlichen Praktiken als auch den Umgang mit Kollaboration als „konterrevolutionäres Verbrechen“ in der Zeit nach Stalin.

Der Vortrag stützt seine Betrachtungen auf die Kommissionen der Region Molotov (des heutigen Perm'), die für das erste von zwei Jahren (1954 bis 1955) erhalten sind. Obgleich die Sitzungsprotokolle fehlen, sind in den über 22 Aktenordnern (jeweils zwischen 50 und 400 Blatt stark) Kommissionsentscheidungen, Gutachten von Kommissionmitgliedern (überwiegend im Original), Häftlingsbeschwerden (in Kopie) und eine tabellarische Übersicht über die bearbeiteten Fälle des Jahres 1954 enthalten¹.

Dort, am Fuße des Uralgebirges bestand ein dichtes Netz aus Zwangsarbeitslagern, in denen zahlreiche Häftlingskontingente interniert wurden. Die einzelnen Kommissionsbeschlüsse, bzw. die Gutachten und auch die Protestschreiben vermitteln die Grundlage und die Wichtung der Argumentation, mit der „Verrat“ nach Stalins Tod evaluiert wurde.

Der Vortrag wird zeigen, dass das Politbüro darauf verzichtete, klare Kriterien für diesen Bewertungsprozess zu kommunizieren und nur widersprüchliche Signale an die örtlichen Kommissionen gab. Die Kommissionen sollten „ungesetzliche Verurteilungen“ und „falsche Qualifizierungen“ von Straftaten feststellen und selbstständig zu einer Entscheidung über die Fälle gelangen, ohne jedoch politische Fehler zu begehen². Die Moskauer Führung wollte eine juristische Lösung für ein politisches Problem, ohne die Rechtmäßigkeit des Labels „Volksfeind“ oder „Konterrevolution“ prinzipiell in Frage zu stellen³. Diese Ambivalenz der Kriterien sorgten in der Praxis für zwei Trends.

---

¹ Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 1366. Оп. 1. Д. 750–773.

² Vgl. Lavinskaja. Dokumenty Prokuratury. S. 40–41.

³ So verständigten sich Staatsanwaltschaft und MVD schon im Dezember 1953 darauf, Fälle, die durch das OSO des NKVD vor Kriegsende entschieden worden waren, nicht in die Prüfung mit einzubeziehen, da diese bereits verbüßt worden seien. GARF. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 4009. Bl. 1–3, hier Bl. 3: Schreiben des Generalstaatsanwalts Roman Rudenko und des sowjetischen Innenministers Sergej Kruglov an Nikita Chrusčev vom 8. Dezember 1953. Auf Nachfrage der Archangelsker Kommission im Jahr darauf, bestätigte Moskau die ein-Jahres-Frist für Kommis-

Zum einen bekamen insbesondere die juristisch Gebildeten und leitenden Beamten unter den Kommissionsmitgliedern (die Staatsanwälte) genügend Freiraum, um ihre Expertise bei der Bewertung der Fälle zu erproben. Zahlreiche Beamte untersuchten die Fälle sorgfältig und wogen Beweismittel und individuelle Tatumstände miteinander ab. Staatsanwälte prüften frühere Zeugenaussagen und förderten ungesetzliche Verhörmethoden zu Tage¹. Geständnisse galten nicht länger als ultimatives Beweismittel und anders als noch 10 Jahre zuvor bemühten sich die Beamten, die militärischen Karrieren und Lebenswege der Verurteilten detailliert nachzuvollziehen. Der Grad der Kollaboration, insbesondere die Klassifizierung des militärischen Einsatzes in SD, Polizei oder SS wurde genauer bestimmt. Darüber hinaus wurden in den Kommissionsgutachten häufig auch die Umstände der Rekrutierung sowjetischer Kriegsgefangener erläutert: wie die Androhung von Erschießung².

Zum anderen gingen die Kommissionsmitglieder nicht soweit, nur die Beweisgrundlage sprechen zu lassen. Viele Beamte hatten kein Interesse daran, „Volksfeinde“ von einst freizusprechen bzw. trauten sich nicht, angesichts fehlender zentraler Vorgaben, so deutlich die Rechtsprechung der Stalin-Zeit auf den Kopf zu stellen. Vor allem konzentrierten Sie in den Gutachten ihre Ausführungen auf juristische Verfahrensdetails, offensichtliche Widersprüche in den Zeugenaussagen, mildernde Umstände aufgrund des Alters oder des sozialen Hintergrunds oder Verletzungen der Prozessnormen, um ihre Entscheidungen zu begründen. Die einstige politische Natur des Verbrechens, der „konterrevolutionäre Akt“ spielte in den Gutachten eine untergeordnete Rolle.

In der Praxis gingen die meisten Beamten daher den politisch sicheren Weg und wählte den einen statistischen Kompromiss. „Stabilität der Urteile“ war das Mantra der Sowjetjustiz, das auch hier

---

sionsprüfungen. GARF. F. 8131. 32, 3733, Bl. 29–30, hier Bl. 30: Antwortschreiben der Generalstaatsanwaltschaft auf den Fragen-Katalog der Staatsanwaltschaft Archangelsk, am 27. Juli 1954.

¹ GARF. F. 8131. Op. 32. D. 4009. Bl. 1–3, hier Bl. 1: Schreiben des Generalstaatsanwalts Roman Rudenko und des sowjetischen Innenministers Sergej Kruglov an Nikita Chruščev vom 8. Dezember 1953.

² Vgl. den Fall Kozlov, GAPK. F. 1366. Op. 1. D. 758. Bl. 72–77, hier Bl. 72: Kommissionsgutachten zum Fall Michail Nikolaevič Kozlov, am 20. August 1954.

gewahrt werden musste. Die meisten Kommissionsurteile vermieden es, in ihren Gutachten und ihren Empfehlungen zu deutlich von den früheren Urteilen der Militärgerichte abzuweichen. Aus diesem Grund wurde die Mehrheit der hier betrachteten Urteile wegen Artikel 58,1 und 58,3 von 25 Jahren auf 10 Jahre Freiheitsentzug reduziert. Das wichtigste Unterscheidungskriterium, ob ein Urteil revidiert wurde, war der Nachweis physischer Gewalt. Wenn „Straftätigkeit“ bzw. Andere Gewaltakte während der Dienstzeit bei den Deutschen nachgewiesen werden konnte, wurde das frühere Urteil als rechtmäßig bestätigt¹. Diejenigen, die in den Augen der Kommissionen keine solchen Taten begangen hatten, konnten mit einer Verkürzung ihrer Haftzeit rechnen. Freilassungen gab es nur in absoluten Ausnahmefällen.

Diese Vorgehensweise garantierte, dass die Verfahren nicht allzu deutlich voneinander abwichen und juristische Aspekte in die Prüfung mit einbezogen wurden. Die Kommissionsmitglieder sortierten Gewalttäter aus und beließen den Rest für eine gewisse Zeit in den Lagern, bis die Parteiführung zu einer systematischen und zentralen Entscheidung gelangt war. Die Kommissionen verschafften also sich selbst und dem Politbüro Zeit. Im September 1955 wurde diese Vorgehensweise schließlich sanktioniert als die Regierung fast aller unter den Paragraphen 58,1 und 58,3 Verurteilten amnestierte. Ausgenommen waren wieder diejenigen, denen Mordtaten nachgewiesen werden konnten.² Alle übrigen wurden freigelassen, jedoch nicht rehabilitiert. Aus rechtlicher Sicht war damit die Wandlung der Kollaboration vom „konterrevolutionären Akt“ zur Gewaltstraftat vollzogen. Vor diesem Hintergrund war die Neubewertung der Kollaboration (und „konterrevolutionärer Vergehen“ allgemein) eher eine Zäsur für die sowjetische Justiz als eine politische Wegmarke. Die Kommissionen stellten zehntausende von Fällen auf die Probe und differenzierten erstmals sorgfältig und systematisch zwischen verschiedenen Kategorien der Kollaboration und beleuchteten die

---

¹ Vgl. den Fall vom Roman Remejčik, der wegen Beihilfe zum Mord an 7 sowjetischen Zivilisten durch deutsche Soldaten verurteilt worden war und dessen Urteil nun bestätigt wurde. GAPK. F. 1366. Op. 1. D. 755. Bl. 82–84, hier Bl. 83: Kommissionsgutachten zum Fall Roman Minovič Remejčik, am 12. Juni 1954.

² Artizov. Reabilitacija Tom 1. S. 259.

Umstände, die zum Dienst in den Reihen der Deutschen führten. Kriegsgefangene in deutschen Konzentrationslagern konnten ihre Geschichte erzählen und die Kommissionen bezogen diese Aspekte teilweise in ihrer Empfehlungen mit ein, ohne sich jedoch mehrheitlich darauf zu stützen. Solange es keine eindeutigen zentralen Vorgaben gab, wie und ob politische Vergehen der Vergangenheit auch nach Stalin eine Bedrohung darstellten, wollten sich Beamte nicht allzu deutlich von den früheren Urteilen distanzieren. Erst mit der Einberufung parteieigener Revisionskommissionen¹ und Chruščevs Geheimrede 1956 wurde diese Frage beantwortet.

Literaturverzeichnis:

1. ARTIZOV ANDREJ A. (ed.) Reabilitacija: kak èto bylo. Dokumenty Prezidiuma CK KPSS i drugie materialy. Tom 1–2. Moskva, 2000 / 2003.

2. DOBSON MIRIAM. Show the bandit-enemies no mercy!. Amnesty, Criminality and Public Response in 1953, in: Jones, Polly (ed.): The Dilemmas of Destalinization. Negotiating Cultural and Social Change in the Khrushchev Era. London/ New York, 2007.

3. ELIE MARC. Khrushchev's Gulag: The Soviet Penitentiary System after Stalin's Death, 1953–1964, in Kozlov, Denis / Gilburd, Eleonory (ed.): The Thaw. Soviet Society and Culture during the 1950s and 1960s. Toronto/ Buffalo/ London, 2013.

4. ELIE MARC. Unmögliche Rehabilitation. Die Revisionskommissionen 1956 und die Unsicherheiten des Tauwetters. In: Osteuropa 57 (6).

5. HARDY JEFFREY. The Gulag after Stalin. Redefining Punishment in Khrushchev's Soviet Union, 1953–1964. Ithaca/London, 2016.

6. LAVINSKAJA OLGA. Dokumenty Prokuratury o processe reabilitacii žertv političeskich repressij v 1954–1956 gg., in: Otečestvennye Archivy 3 (2007).

7. VOISIN VANESSA. L'URSS contre ses traîtres. L'Épuration soviétique (1941–1955). Paris, 2015.

---

¹ Elie. Unmögliche Rehabilitation. S. 369–385.

8. VOISIN VANESSA, KUDRYASHOV SERGEY. The Early Stages of "Legal Purges" in Soviet Russia (1941–1945), in: Cahiers du Monde russe 49 (2008).

Маркдорф Н.М., Новосибирск

«ВЛАСОВЦЫ» В ЛАГЕРЯХ И НА СПЕЦПОСЕЛЕНИИ В СИБИРИ: ЛЮДИ И СУДЬБЫ

Аннотация: В статье автор рассматривает вопросы поступления в сибирские лагеря и на спецпоселение «власовцев», динамику их численности в регионе, проблемы труда, быта, материального обеспечения спецпоселенцев, социально-психологической адаптации, судьбы людей.

Ключевые слова: «власовцы», Сибирь, советские военнопленные, казаки, военнопленные.

В Сибирь (в Кемеровскую область) первые 7 010 репатриантов поступили в декабре 1944 – первой половине 1945 гг. Это были находившиеся в плену в Финляндии и Германии, а также русские военнопленные в немецкой военной форме из Северной Франции, Италии, Северной Африки. Все они прибывали через Египет, Иран, Баку, Одессу, Мурманск. Около 70 % служащих в восточных легионах (в основном, русских, узбеков, таджиков, армян, азербайджанцев), работавших в различных немецких органах и учреждениях (хиви, нем. hilfswilliger), были выданы по устной договоренности советского и английского правительств. Репатриация в Сибирь в этот период производилась группами от 500 до 2 000 чел. Часть контингента после проведенной оперативно-следственной работы поступила в лагерь НКВД СССР для военнопленных № 142 на юге Кузбасса, реорганизованный в апреле 1945 г. в лагерь НКВД–МВД СССР для военнопленных № 525, выполнявший не только производственные (трудовое

использование) задачи, но и функции фильтрации и проверки военнопленных и интернированных¹.

В лагере МВД № 199 Новосибирска с декабря 1944 г. по ноябрь 1945 г. находились молодые люди (1904–1924 годов рождения), входившие до репатриации в добровольческий батальон, сформированный из эмигрантов – выпускников русских кадетских корпусов в Югославии, либо служившие во вспомогательных немецких подразделениях вермахта.

Согласно директиве заместителя наркома НКВД СССР от 05.07.1945 г. в июле 1945 г. в проверочно-фильтрационные лагеря (ПФЛ) № 0315 (Прокопьевск) и № 0314 (г. Кемерово), Печерлаг (Тюменская область) прибыли вместе с семьями около 20 000 бывших военнослужащих национальных строевых формирований вермахта, в том числе: солдат РОА, частей Походного атамана Казачьего Стана генерал-майора Т. Н. Доманова, XV Казачьего кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта Хельмута фон Паннвица, Казачьего учебного и резервного полков под командованием генерала А. Г. Шкуро, Русского Охранного Корпуса генерал-лейтенанта Б. А. Штейфона, Отдельного русского полка СС «Варяг» под командованием полковника М. А. Семенова. По определению Отдела контрразведки СМЕРШ Западносибирского военного округа (ОКР СМЕРШ ЗапСибВО), около 50 % нового контингента являлись в прошлом активными немецкими пособниками, курсантами разведшкол и членами контрреволюционных организаций, боровшихся, в том числе в годы Гражданской войны, против Советской власти².

На основании постановления Государственного комитета обороны (ГОКО) СССР от 18.08.1945 г. служившие в немецких строевых формированиях лица должны были расселяться в районах Норильского и Ухтинского комбинатов НКВД СССР, Печерского угольного бассейна. Однако распоряжений о передислокации контингента не последовало, и большая его часть осталась

---

¹Информационный центр главного управления внутренних дел Кемеровской области (ИЦ ГУВД КО). Ф. 11. П. 10. Д. 6. Л. 1, 3.

²ИЦ ГУВД КО. Ф. 11. П. 10. Д. 6. Л. 2–3 (об.), 7, 29, 63, 84.

в Кузбассе¹. Определенные на поселение «власовцы» в Тюменской области через Печерлаг были отправлены на строительные работы «объекта № 501 – Мертвой дороги»². Был установлен порядок приема эшелонов «власовцев», их дальнейшая фильтрация и распределение (за исключением уже выявленных военных преступников) в территориально близкие отделения лагеря для военнопленных МВД СССР № 525.

В ПФЛ № 0314 был сосредоточен рядовой состав «власовцев», которых после проведенной проверки передали лагерю для военнопленных № 503, но в основном на спецпоселение³. Судя по отчетной документации, за период своего существования (12.10.1944 – 01.06.1946 гг.) ПФЛ № 0314 осуществил фильтрацию 5 579 рядовых армии Власова и 7 582 лиц, не служивших в армиях противника. После проведенной проверки «власовцев» перевели в лагеря и рабочие батальоны (1 373 чел.); на спецпоселение (4 456 чел.); определили в ведение различных хозяйственных организаций (4 750 чел.). Неспособных к труду, стариков, беременных женщин и детей (1 431 чел.) отправили по их месту жительства⁴.

По состоянию на 25 августа 1945 г. на территории Кемеровской области в ПФЛ № 0315 и лагере № 525 НКВД СССР для военнопленных были сосредоточены: «власовцы» – 18 721 человек; «белоземляки» – офицеры и солдаты Русского Охранного Корпуса – 331 чел.; 775 женщин и 289 детей⁵.

В августе 1945 г. 6 065 немцев и всех офицеров (или 14,8 % от общего числа военнопленных, поступивших в лагерь Кемеровской области за 1945 год)⁶ вывели в новую обособленную зону, расположенную в пос. Тырган г. Прокопьевска (отделение № 25 лагеря МВД СССР для военнопленных № 525), а затем частично распределили по другим его лагерьным отделе-

---

¹ ИЦ ГУВД КО. Ф. 11. П. 10. Д. 5. Л. 1–2, 49.

² Информационный центр Главного управления внутренних дел Тюменской области (ИЦ ГУВД ТО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 44. Л. 1–2.

³ ИЦ ГУВД КО. Ф. 11. П. 7. Д. 15. Л. 7–8.

⁴ ИЦ ГУВД КО. Ф. 11. П. 7. Д. 15. Л. 7–8.

⁵ ИЦ ГУВД КО. Ф. 11. П. 10. Д. 5. Л. 29.

⁶ Подсчитано по: Российский государственный архив Российской Федерации (далее – РГВА). Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 353. Л. 33–37, 39.

ниям. Рядовой состав «власовцев» вместе с семьями (256 женщин и детей) оставили в лаготделении № 6 пос. Зенково Прокопьевского района, а затем передали в постоянные кадры угольной промышленности с режимом спецпоселения¹.

Судя по нормативно-правовым послевоенным документам НКВД–МВД СССР можно выделить следующие группы специального контингента «власовцы»: участники национальных строевых формирований вермахта (РОА, частей Походного атамана Казачьего Стана генерал-майора Т. Н. Доманова, XV Казачьего кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта Х. фон Паннвица, Казачьего учебного и резервного полков под командованием генерала А. Г. Шкуро, Русского Охранного Корпуса генерал-лейтенанта Б. А. Штейфона, Отдельного русского полка СС «Варяг» под командованием полковника М. А. Семенова); участники восточных легионов (русские, татары, узбеки, таджики, армяне, азербайджанцы, осетины, чеченцы, адыги и др.).

Категория специального контингента «белоэмигранты» («эмигранты») по документам НКВД–МВД СССР: участники враждебных по отношению к СССР зарубежных организаций, действовавших в европейских странах в 1920–1940-е гг., бывшие военнослужащие русской (царской) армии – подданные различных европейских государств, или без определенного гражданства, которые считали себя подданными Российской империи и служившие офицерами в немецких строевых формированиях; члены семей (жены и дети) казаков Казачьего стана Т. Доманова. К «власовцам» могли быть отнесены все сотрудничавшие с врагом лица.

Также эту группу независимо от их этнической принадлежности и гражданства называли «власовцы», «репатрианты», «группа «В». В процессе фильтрации был возможен перевод из категории «власовцы», в категорию «военнопленные», «специальные поселенцы», или, наоборот – из категории «военноплен-

---

¹ ИЦ ГУВД КО. Ф. 11. П. 7. Д. 4. Л. 34.

ные» в категорию «власовцы»¹. Это означало изменение правового статуса и соответственно режима содержания в лагере, а также определение условий труда, размера норм выработки.

Решением Совета Народных Комиссаров (СНК) СССР от 21.12.1945 г. и Совета министров СССР от 29.03.1946 г. НКВД–МВД СССР «власовцы», расселялись в северных районах страны, передавались в постоянные кадры предприятий Наркомугля и Министерства черной металлургии, расположенные на Урале и в Сибири, с режимом спецпоселения.

Дети-сироты направлялись на содержание в спецприемники и детские дома до их совершеннолетия, затем они должны были возвращаться на поселение. Так, к началу 1946 г. около 15 000 рядовых «власовцев» вместе с семьями (женщины и дети) из лагеря МВД СССР № 525 для военнопленных были определены в соответствии со списками ОКР СМЕРШ в ведение различных хозорганов на спецпоселения, расположенные на территории Кемеровской области. При этом малолетние сироты и подростки без родителей в возрасте до 14 лет направлялись в Сталинский детский приемник НКВД СССР. Молодёжь старше 14 лет и женщины, которые по оперативным данным не подлежали передаче в промышленность, направлялись вместе с их детьми для дальнейшей оперативной разработки в ОКР СМЕРШ и оперативные отделы г. Прокопьевска и г. Сталинска (г. Новокузнецка) и содержались в лагерных отделениях лагеря № 525 МВД СССР на правах военнопленных².

В отличие от «власовцев» бывшие эмигранты после фильтрации на специальные поселения не передавались. Они содержались в лагерях для военнопленных до середины 1949 г., а затем были отправлены в режимные лагеря № 464 (Кемеровская область), 476 (на Урале) и № 27 в г. Красногорске.

Если «власовцы» в основном являлись советскими гражданами, то среди высланных в Сибирь эмигрантов 30,5 % имели гражданство 13-ти стран – Франции, Югославии, Германии, Греции,

---

¹ Например, в марте 1948 г. после фильтрации оперативным отделом переведены из категории «военнопленные» в категорию «власовцы» в лагере для военнопленных № 525 более 600 чел.

²ИЦ ГУВД КО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 134. Л. 159–160.

Бельгии, Польши (хотя многие из них и продолжали считать себя подданными Российской империи). Среди «власовцев» и белоэмигрантов, содержащихся в лагерях для военнопленных (по состоянию на 01.01.1947 г.), 97,9 % составляли штаб-офицерский, оберофицерский и унтер-офицерский состав. Из них, штаб-офицерский состав: атаманы казачьих станиц (полковники и подполковники казачьих войск) – 6,3 %; полковые священники (полковники) – 0,5 %; сотники и начальники подразделений РОА, есаулы; оберофицерский состав: подьесаулы, хорунжие и подхорунжие казачьих сотен – 31,2 %; унтер-офицерский состав (урядники, вахмистры, старшие и младшие урядники) – 42 %, рядовые казаки – 2,1 %. Так, например, уже в лагере были выявлены: офицеры Зверевской, Андреевской, Гапоевской и Галдинской сотен Казачьего полка особого назначения.

На спецпоселения «власовцы» отправлялись по распоряжениям СНК СССР, оговаривавших их расселение и труд. В Сибири и на дальнем Востоке их преимущественно расселили в Кемеровской, Иркутской, Якутской, Читинской, Тюменской областях, Красноярском крае, Бурят-Монгольской АССР и Тувинском автономной области. Незначительное число «власовцев» проживало на территории Алтайского края, Омской и Томской областей. Решения правительства были дополнены ведомственными директивами НКВД СССР и принимавших контингент министерств.

Рост численности «власовцев», переводимых их ПФЛ на спецпоселения, наблюдался всю вторую половину 1940-х гг. В Сибири количество «власовцев», прошедших переучет (без арестованных и бежавших), на 01.01.1949 г. составило 39 475 чел. При этом 20 347 чел. распределялись по областям Западной Сибири и 19 128 чел. в Восточной Сибири.

По статистическим данным Отдела «А» МГБ СССР на спецпоселение было направлено 101 614 чел. Отдел спецпоселений фиксировал следующую динамику поступления их на учет:

- 1945 г. – 4 985 чел.,
- 1946 г. – 132 794 чел.,
- 1947 г. – 30 751 чел.,

– 1948 г. – 4 573¹ чел. В 1949 г. контингент ссыльных этой категории увеличился еще на 3 705 чел., в 1950 г. – 2 078 чел., за первую половину 1951 г. – на 316 чел.² Суммарно за весь период речь идет о цифре в 179 202 чел³.

«Власовцы» числились по 39 министерствам и ведомствам. Их труд регулировали нормы советского трудового законодательства. Основная масса контингента на начало 1951 г. была занята в системе МВД, остальные – в системе Министерства угольной, строительной, лесной и бумажной промышленности. Для каждого региона наблюдалась своя специфика применения их труда. Например, в Кемеровской и Иркутской областях они в основном трудились в угольной и лесной промышленности.

Трудовое использование «власовцев», содержащихся в лагерях, регулировало постановление НКВД СССР 1944 г. «О режимных лагерях», на основании которого все «власовцы» привлекались к наиболее трудоёмким, особо опасным, тяжёлым работам на шахтах, карьерах и строительстве как режимные категории контингента. Продолжительность рабочего дня составляла 12 часов с обязательным условием выполнения предельно высоких норм выработки. За отказ от работы наступала уголовная ответственность. Заработная плата выплачивалась, но в случае выполнения 100 % нормы выработки за месяц, в размере 85 % от суммы заработка и не превышала 200 руб. Если норма выработки или сменное задание не выполнялись, заработная плата не выплачивалась.

Как правовое, так и социально–психологическое положение на производстве данной категории, было сложным. Лагерный персонал, администрация промышленных предприятий и вольнонаемные рабочие относились к ним как к предателям, врагам, предавшим родину в годы войны.

В Сибири белоэмигранты и члены их семей оказались слабо адаптированными к условиям сибирской лагерной повседневности как физически, так и социально-психологически.

---

¹ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 372. Л. 82.

²ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 641. Л. 368.

³Там же. Л. 132.

Среди них более 30 % составляли лица преклонных возрастов (50–71 лет). Как итог – смертность от болезней, тяжелых условий содержания и труда была очень высокой и в целом равнялась за период 1945–1949 гг. более 30 %. Причем, значительный удельный вес смертности приходится на долю трудоспособных возрастов (от 18 до 50 лет).

Среди «власовского» контингента было много людей, склонных к побегам. Целой серией нормативных актов настоятельно рекомендовалось в лагерях НКВД–МВД, в лагерях ГУЛАГА и на спецпоселениях усиливать агентурно-оперативные и следственные действия в отношении «власовцев» и эмигрантов.

Они активно использовались на допросах, в судебных процессах, часто перебрасывались из лагеря в тюрьмы и обратно в лагерь. В результате на всех офицеров и частично рядовых «власовцев» были заведены дела по обвинению в шпионаже, пособничестве, участии в контрреволюционных организациях, как «лица, родившиеся и проживавшие в эмиграции, семьи белоэмигрантов». Удельный вес арестованных по обвинению в картельной и предательской деятельности среди «власовского» контингента за весь период их пребывания в Сибири оставался самым высоким по отношению с другими категориями спецконтингента, и уступал лишь такой категории спецпоселенцев как «оун» и «упа»¹.

Всех осужденных к ссылке на поселение за вражескую деятельность и антисоветские связи направляли на Дальний Север; в районы Красноярского края и Новосибирской области, расположенные в 50 километрах севернее транссибирской железнодорожной магистрали; в Казахскую ССР, за исключением Алма-Атинской, Гурьевской, Южноказахстанской, Актюбинской, Восточноказахстанской и Семипалатинской областей.

В 1951–1952 гг. «спецпоселенцы-власовцы» из числа немецкой, чеченской, ингушской, балкарской, карачаевской, греческой национальностей и крымских татар – уроженцев и жителей республик, краев и областей, откуда производилось выселение в годы войны, переводились на спецпоселение

---

¹ РГВА. Ф. 32п. Оп.10. Д. 24. Л. 345–346.

навечно. Остальные лица этой категории по отбытии шестилетнего срока освобождались.

В 1952–1954 гг. в числе регионов, сосредоточивших крупные контингенты «власовцев», оставалась Сибирь. На 1952 г. это: Якутская АССР, Красноярский край, Иркутская, Кемеровская области. Почти 10 % содержались в лагерях ГУЛАГа, в т. ч. в Красноярском крае (Енисейстрой, Норильлаг); в Тюменской области (Печерлаг, Обский ИТЛ), в Кемеровской области (Сиблаг). В Сиблаге они, например, находились до 1958 г.

17.09.1955 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны», и такая категория как «власовцы» формально перестала существовать. Освобождались из мест заключения и от других видов наказаний лица, осужденные на срок до 10 лет лишения свободы за совершенные в годы войны преступления по статьям измена Родине, шпионаж, антисоветская агитация или пропаганда. Лицам, осужденным за те же преступления на срок свыше 10 лет, срок сокращался наполовину.

Markdorf N. M., Nowosibirsk

ANGEHÖRIGE DER „WLASSOW-ARMEE“ IN LAGERN UND SONDERSIEDLUNGEN IN SIBIRIEN: MENSCHEN UND SCHICKSALE

Abstract: In dem Beitrag setzt sich die Autorin mit Fragen wie der Ankunft von Angehörigen der Wlassow-Armee in den Lagern und Sondersiedlungen in Sibirien, der statistischen Entwicklung in der Region, Problemen der Arbeit, des Alltags und der materiellen Versorgung der Sonderansiedler, ihrer sozial-psychologischen Adaption und Lebensläufen auseinander.

Schlüsselwörter: Angehörige der Wlassow-Armee, Sibirien, sowjetische Kriegsgefangene, Kosaken, Kriegsgefangene.

Von Dezember 1944 an bis zum Ende des ersten Halbjahrs 1945 sind die ersten 7 010 Repatriierten in Sibirien (im Gebiet Kemerowo) angekommen. Es handelte sich um Gefangene aus Finnland, Deutschland sowie russische Kriegsgefangene in deutscher Militäruniform aus Nordfrankreich, Italien und Nordafrika. Sie alle kamen über Ägypten, Iran, Baku, Odessa, Murmansk an. Ca. 70 % derer, die in Ostlegionen gedient (vorwiegend Russen, Usbeken, Tadschiken, Armenier, Aserbajdschaner), und in verschiedenen deutschen Ämtern und Einrichtungen gearbeitet hatten (HiWi – vom deutschen „Hilfswillige“), wurden gemäß einer mündlichen Absprache zwischen den sowjetischen und britischen Regierungen ausgeliefert. Die Repatriierung nach Sibirien erfolgte zu dieser Zeit in Gruppen von je 500 bis 2 000 Menschen. Ein Teil der Repatriierten kam nach Durchführung der operativen Untersuchungen ins Lager des NKWD der UdSSR für Kriegsgefangene Nr. 142 im Süden des Kusbass, das im April 1945 zum Lager des NKWD und des Ministeriums der inneren Angelegenheiten, *Ministerstvo vnytrennih del* (im Folgenden: MWD), der UdSSR für Kriegsgefangene Nr. 525 reorganisiert wurde. Neben dem Einsatz bei Arbeiten in der Produktion führte man in diesem Lager die Filtration und Überprüfung der Kriegsgefangenen und der Internierten durch¹.

Im Lager des MWD Nr. 199 in Nowosibirsk befanden sich vom Dezember 1944 bis November 1945 junge Menschen (Geburtsjahrgänge von 1904 bis 1924), die bis zur Repatriierung zur Freiwilligenbataillon gehört hatten, die aus Emigranten – Absolventen der russischen Kadettenkorps in Jugoslawien – aufgestellt wurde, oder die in Hilfseinheiten der Wehrmacht gedient hatten.

Gemäß der Direktive des Stellvertreters des Volkskommissars des NKWD der UdSSR vom 05.07.1945 kamen im Juli 1945 in die Überprüfungsfiltrationslager, *proverochno-filtratsionnij lager* (im Folgenden: PFL) Nr. 0315 in der Stadt Prokopjewsk und Nr. 0314 in der Stadt Kemerowo sowie in das Petscherlag im Gebiet Tumen ca. 20 000 ehemalige Angehörige der nationalen Diensteinheiten der Wehrmacht samt Familien. Darunter waren Soldaten der russischen

---

¹Informationszentrum der Hauptverwaltung der inneren Angelegenheiten des Gebiets Kemerowo (im Folgenden: IC GUVD KO). Fond 11. Mappe 10. Akte 6. Blatt 1, 3.

Befreiungsarmee, *Russkaya osvoboditel'naya armiya* (im Folgenden: ROA), Soldaten der Einheiten des Feldatamans des Kosakenlagers Generalmajor T. N. Domanow, des XV. Kosaken-Kavallerie-Korps des Generalleutnants Helmuth von Pannwitz, der Kosaken-Lehr- und Reserveregimente unter dem Kommando des Generals A. G. Schkuro, des russischen Sicherheitskorps des Generalleutnants B. A. Steifon und des russischen SS-Sonderregiments „Warjag“ unter dem Kommando von Oberst M. A. Semenow. Nach der Bestimmung der Abwehrabteilung der SMERSCH (von russisch: „Tod den Spionen“) des westsibirischen Militärkreises (OKR SMERSCH SapSibWO) waren 50 % des neuen Kontingent aktive deutsche Nebentäter, Kursanten der Abwehrschulen oder Mitglieder von konterrevolutionären Organisationen, die in den Jahren des Bürgerkrieges gegen die Sowjetmacht gekämpft hatten¹.

Auf Grundlage der Verordnung des staatlichen Sicherheitskomitees *Gosudarsvennij komitet oboroni* (im Folgenden: GKO) der UdSSR vom 18.08.1945 sollten sie in den Bezirken der Produktionskombinate des NKWD der UdSSR in Norilsk und Uchta sowie des Kohlenrevier in Petschora die Personen angesiedelt werden, die in deutschen Truppen gedient hatten. Die Befehle zur Umsiedlung des Kontingents ergingen jedoch nicht und der größte Teil dieses Kontingents blieb im Kusbass². Die über Petscherlag im Gebiet Tjumen zur Ansiedlung bestimmten Angehörigen der ROA wurden bei den Bauarbeiten am „Objekt Nr. 501 – der Bahn des Todes“ eingesetzt³. Die Verfahren zur Registrierung von Zügen mit Angehörigen der ROA, ihrer weiteren Filtration und Verteilung (ausgenommen der schon enttarnten Kriegsverbrecher) auf die nahegelegenen Abteilungen des Kriegsgefangenenlagers des MWD der UdSSR Nr. 525 wurden festgelegt.

Im PFL Nr. 0314 wurden die Mannschaften der Wlassow-Armee konzentriert, die nach durchgeführter Überprüfung dem Kriegsgefangenenlager Nr. 503, vorwiegend aber zur Sonderansiedlung, übergeben wurden⁴. Laut den Berichtsunterlagen hat

---

¹ IC GUWD KO. F. 11. P. 10. D. 6. L. 2–3 (ob.), 7, 29, 63, 84.

² IC GUWD KO. F. 11. P. 10. D. 5. L. 1–2, 49.

³ IC GUVK KO. F. 2. Op. 1. D. 44. L. 1–2.

⁴ IC GUVK KO. F. 11. P. 7. D. 15. L. 7–8.

PFL Nr. 0314 im Zeitraum seines Bestehens (von 12.10.1944 bis 01.06.1946) die Filtration von 5 579 Mannschaften der Wlassow-Armee und 7 582 Personen, die nicht in den feindlichen Armeen gedient hatten, durchgeführt. Nach der Überprüfung wurden die Angehörigen der Wlassow-Armee in die Lager und Arbeitsbataillons (1 373 Personen), zur Sonderansiedlung (4 456 Personen) versetzt oder verschiedenen wirtschaftlichen Organisationen zur Verfügung gestellt (4 750 Personen). Arbeitsunfähige ältere Leute, Schwangere und Kinder (1 431 Personen) wurden an ihren Wohnorten überstellt¹.

Nach Stand vom 25.08.1945 gab es auf dem Territorium des Gebiets Kemerowo im PFL Nr. 0315 und im Kriegsgefangenenlager Nr. 525 des NKWD der UdSSR 18 721 Angehörige der Wlassow-Armee, 331 „Weiß-Emigranten“, Offiziere und Soldaten des russischen Sicherheitskorps, 775 Frauen und 289 Kinder².

Im August 1945 wurden 6 065 Deutsche und alle Offiziere (zusammen machten sie 14,8 % der Gesamtzahl der Kriegsgefangenen aus, die im Jahr 1945 in die Lager des Gebiets Kemerowo überstellt worden waren)³ in eine neue abgesonderte Zone umgesiedelt, die in der Siedlung Tyrgan an der Stadt Prokopjewsk lag (Abteilung Nr. 25 des Kriegsgefangenenlagers des MWD der UdSSR Nr. 525). Anschließend wurden sie teilweise auf andere Abteilungen dieses Lagers verteilt. Mannschaften der Wlassow-Armee samt Familienangehörigen (256 Frauen und Kinder) blieben in der Lagerabteilung Nr. 6 in der Siedlung Senkowo des Bezirkes Prokopjewsk und wurden später den festen Kadern der Kohlenindustrie mit der Verfahrensregelung „Sonderansiedlung“ übergeben⁴.

Ausgehend von normativen Rechtsakten des NKWD der UdSSR der Nachkriegszeit gibt es folgende Gruppen des Spezialkontingents „Angehörige der Wlassow-Armee“: Angehörige der nationalen Einheiten der Wehrmacht (der ROA, der Einheiten des Feldatamans des Kosakenlagers Generalmajors T. N. Domanow, des XV. Kosaken-Kavallerie-Korps des Generalleutnants Helmuth von Pannwitz, der Kosaken-Lehr- und Reserveregimente unter dem

---

¹ IC GUVD KO. F. 11. P. 7. D. 15. L. 7–8.

² IC GUVD KO. F. 11. P. 10. D. 5. L. 29.

³ Berechnet nach: GARF. F. 1p. Op. 15a. D. 353. L. 33-37, 39.

⁴ IC GUVD KO. F. 11. P. 7. D. 4. L. 34.

Kommando des Generals A. G. Schkuro, des russischen Sicherheitskorps des Generalleutnants B. A. Steifon, des russischen SS-Sonderregiments „Warjag“ unter dem Kommando von Oberst M. A. Semenow); Angehörige der Ostlegionen (Russen, Tataren, Usbeken, Tadshiken, Armenier, Aserbaidshaner, Osseten, Tschetschenen, Adygeer u.a.).

Zur Kategorie des Spezialkontingents „Weiß-Emigranten“ (oder „Emigranten“) gehörten nach den Akten des NKWD der UdSSR die Teilnehmer der gegenüber der UdSSR feindlichen ausländischen Organisationen, die in den 1920-1940er Jahren in Europa aktiv waren; ehemalige Angehörige der russischen zaristischen Armee, Untertanen verschiedener Staaten Europas oder ohne feste Staatsangehörigkeit, die sich für Untertanen des Russischen Zarenreichs hielten und als Offiziere in der Wehrmacht gedient hatten; Frauen und Kinder der Kosaken des Kosakenlagers von T. Domanow. Den Angehörigen der Wlassow-Armee konnten alle Personen zugeordnet werden, die mit dem Feind kollaborierten.

Diese Gruppe wurde unabhängig von der Ethnizität und Staatsangehörigkeit auch als „Wlassow-Armeeangehörige“, „Repatrierte“ oder „Gruppe „W“ bezeichnet. Während der Filtration war auch die Umgruppierung aus der Kategorie „Angehörige der Wlassow-Armee“ in die Kategorie „Kriegsgefangene“, „Sonderansiedler“ oder umgekehrt aus der Kategorie „Kriegsgefangene“ in die Kategorie „Angehörige der Wlassow-Armee“ möglich¹. Das bedeutete eine Änderung des rechtlichen Status bzw. des Lagerregimes sowie die Neubestimmung der Arbeitsbedingungen und Leistungsnormen.

Gemäß der Verordnung des Rates der Volkskommissare, Sovet narodnih komissarov (im Folgenden: SNK), der UdSSR vom 21.12.1945 und des Ministerrates der UdSSR vom 29.03.1946 wurden die Angehörigen der Wlassow-Armee in die nördlichen Gegenden der Sowjetunion angesiedelt. Sie wurden in die festen Kader der in der Uralregion und in Sibirien liegenden Betriebe des Volkskom-

---

¹ Z. B. wurde im März 1948 nach der Filtration der operativen Abteilung im Kriegsgefangenenlager Nr. 525 über 600 Personen aus der Kategorie „Kriegsgefangene“ in die Kategorie „Wlassow-Armeeangehörige“ umgruppiert.

missariats für Kohlenbergbau und des Ministeriums für Eisen- und Stahlindustrie zur Sonderzwangsansiedlung übergeben.

Waisenkinder wurden bis zu ihrer Volljährigkeit in die Spezialempfangspunkte und Kinderheime geschickt, dann sollten sie in die Sondersiedlungen zurückkehren. Bis Anfang 1946 wurden gemäß den Listen der OKR SMERSCH aus dem Kriegsgefangenenlager des MWD UdSSR Nr. 525 in den Zuständigkeitsbereich von diversen wirtschaftlichen Organen zur Sonderansiedlung auf dem Territorium des Gebiets Kemerowo ca. 15 000 Mannschaften der Wlassow-Armee samt Familien (Frauen und Kinder) übergeben. Minderjährige Waisenkinder und die Jugendlichen ohne Eltern im Alter unter 14 Jahre wurden dabei in den Stalin-Kinderspezialempfänger des NKWD der UdSSR geschickt. Junge Menschen über 14 Jahre und Frauen, die nach operativen Angaben der Übergabe an die Industrie nicht unterlagen, wurden samt ihren Kindern für die weitere operative Ermittlung in die OKR des SMERSCH und in die operativen Abteilungen der Städten Prokopjewsk und Stalinsk (heute – Nowokusnezsk)geschickt. Sie wurden in den Abteilungen des Lagers des MWD der UdSSR Nr. 525 als Kriegsgefangene festgehalten¹.

Im Gegensatz zu Wlassow-Armeeinghörigen wurden die ehemaligen Emigranten nach der Filtration zur nicht Sonderansiedlung übergeben. Bis Mitte 1949 wurden sie in den Kriegsgefangenenlagern inhaftiert und danach in die Regimelager Nr. 464 (Kemerowsker Gebiet), Nr. 476 (Uralregion) und Nr. 27 in Krasnogorsk überstellt.

Die größte Gruppe von Wlassow-Armeeinghörigen waren Sowjetbürger. Die nach Sibirien verbannten ehemaligen Emigranten, mit 13 unterschiedlichen Staatsangehörigkeiten z. B. der französischen, jugoslawischen, deutschen, griechischen, belgischen, polnischen, machten jedoch 30,5 % der Gesamtzahl dieser Kategorie aus. Mehrere ehemalige Emigranten hielten sich dabei für die Untertanen des russischen Zarenreiches. Zum Stand 01.01.1947 machten die Staboffiziere, Oberoffiziere und Unteroffiziere unter den Wlassow-Armeeinghörigen und Emigranten, die in den Kriegsgefangenenlagern festgehalten wurden, 97,9 % aus. Davon waren Staboffiziere: Atamanen der Kosakensiedlungen (Oberste und Oberstleutnants der Kosakenstreitkräfte): 6,3 %; Regimentspriester (Oberste): 0,5 %; Sotnik (Hauptmänner des Hunderts) und Kommandeure

---

¹IC GUWD KO. F. 11. Op. 1. D. 134. L. 159-160.

der ROA-Einheiten, Esaulen (Hauptmänner); Oberoffiziersstab: Podjesaul (Stabshauptmänner), Chorunski (Unterleutnants) und Podchorunski (Fähnriche) der Kosakenhunderte: 31,2 %; Unteroffiziere (Urjadnik, Wachmister): 42 %, Mannschaftskosaken: 2,1 %. Schon im Lager wurden zum Beispiel die Offiziere der Swerewskaja, Andreewskaja, Gapowewskaja und Galdinskaja Kosakenhunderte des Sonderkosakenregiments enttarnt.

Zu den Sonderansiedlungen wurden die Wlassow-Armeeingehörigen gemäß der Verordnung des SNK der UdSSR bestimmt, die ihre Verteilung und Arbeitsbedingungen reglementierte. In Sibirien und im Fernen Osten wurden sie vorwiegend in den Gebieten Kemerowo, Irkutsk, Jakutsk, Tschita, Tjumen sowie im Krasnojarsker Kreis, in der Burjat-Mongolsker autonomen Republik und in dem autonomen Gebiet Tuwa zwangsweise angesiedelt. Wenige Wlassow-Armeeingehörige lebten auf dem Territorium der Altairegion und in den Gebieten Omsk und Tomsk. Die Verordnungen der Regierung wurden durch amtliche Direktiven des NKWD der UdSSR und der das Kontingent empfangenden Ministerien ergänzt.

Der Anzahl der Wlassow-Armeeingehörigen, die aus PFL zur Sonderansiedlung umgesetzt wurden, stieg innerhalb der zweiten Hälfte 1940er Jahre an. Der Anzahl der Wlassow-Armeeingehörigen, die neuregistriert wurden (ohne Verhaftete und Entflozene), betrug am 1.01.1949 aus 39 475 Personen. 20 347 Menschen wurden in den Gebieten Westsibiriens und 19.128 in Ostsibirien verteilt.

Nach den statistischen Angaben der Abteilung „A“ des Sicherheitsministeriums der UdSSR wurden 101.614 Personen der Sonderzwangsansiedlung zugeführt. Die Abteilung der Sonderansiedlungen stellte folgende Entwicklung der Registrierung fest:

–1945: 4 985,

– 1946: 132 794,

– 1947: 30 751,

– 1948: 4 573¹ Personen. Im Jahr 1949 vergrößerte sich das

Kontingent der Verbannten dieser Kategorie noch um 3 705 Personen, im Jahr 1950 um 2 078 Personen, innerhalb der ersten Hälfte 1951 um

---

¹GARF. F. 9479. Op. 1. D. 372. L. 82.

316 Personen.¹ Für den gesamten Zeitraum kann man summarisch mit 179 202 Personen rechnen.²

Die Wlassow-Armeeingehörigen wurden in 39 Ministerien und Ämtern geführt. Ihre Arbeit wurde durch die Normen der sowjetischen Arbeitsgesetzgebung reguliert. Anfang 1951 arbeitete der größte Teil des Kontingents im System des Innenministeriums, die anderen im System der Ministerien für Kohle-, Bau-, Holz- und Zelluloseindustrie. Für jede Region gab es eine eigene Spezifik der Arbeitsverwendung. Z. B. arbeiteten sie in den Gebieten Kemerowo und Irkutsk vorwiegend in der Kohlen- und Forstindustrie.

Den Arbeitseinsatz der in den Lagern festgehaltenen Wlassow-Armeeingehörigen regulierte die Verordnung des NKWD der UdSSR vom Jahr 1944 „Über Regimelager“. Auf Grundlage dieser Verordnung sollten alle Wlassow-Armeeingehörigen für die aufwendigsten, besonders gefährlichen und schweren Arbeiten in Schachten, in Tagebaugruben und im Baubetrieb eingesetzt werden. Die Dauer des Arbeitstages betrug 12 Stunden unter der obligatorischen Bedingung der Erfüllung der maximalen Leistungsnormen. Die Verweigerung der Arbeit wurde strafrechtlich verfolgt. Lohn wurde ausgezahlt, aber nur im Fall einer vollen Erfüllung der monatlichen Leistungsnorm. Er betrug 85 % des regulären Arbeitsverdienstes und durfte grundsätzlich den Betrag von 200 Rubel nicht übersteigen. Im Falle der Nichterfüllung der Leistungsnorm oder der Tagesaufgabe wurde der Lohn nicht gezahlt.

Sowohl die rechtliche, als auch die sozial-psychologische Situation dieser Gruppe von Menschen in den Industriebetrieben war kompliziert. Das Lagerpersonal, die Verwaltung der Betriebe und freie Lohnarbeiter hielten sie für Verräter, Feinde, die in ihren Augen während des Krieges die Heimat verraten hatten.

Die Weiß-Emigranten und ihre Familienangehörige waren unter den Bedingungen des sibirischen Lageralltags sowohl körperlich, als auch sozial-psychologisch nicht gut für die Arbeit einsetzbar. Über 30 % dieser Gruppe machten Menschen in hohem Alter (50 – 71 Jahre) aus. Die Sterblichkeit wegen Krankheit, schwerer Lebens- und Arbeitsbedingungen war konsequent hoch und betrug in den Jahren 1945 – 1949 über

---

¹GARF. F. 9479. Op. 1. D. 641. L. 368.

²Ebda. L. 132.

30 %. Dabei fiel der wesentliche Teil dieser Rate auf die arbeitsfähigen Altersgruppen (von 18 bis 50 Jahren).

Viele Wlassow-Armeeangehörige unternahmen Fluchtversuche. Die lange Reihe der Verordnungen empfahl ausdrücklich in den Lagern des NKWD - MWD, in den Lagern des GULAG und in den Sonderansiedlungen die operativen Agenten- und Ermittlerhandlungen gegenüber Wlassow-Armeeangehörigen und Weiß-Emigranten zu intensivieren.

Sie wurden in Verhör- oder Gerichtsverfahren eingesetzt, man versetzte sie oft aus dem Lager ins Gefängnis und wieder zurück. Im Ergebnis wurden für alle Offiziere und teilweise für Mannschaften der Wlassow-Armee Anklageakten wegen Spionage, wegen Unterstützung des Feindes, wegen Aktivität in konterrevolutionären Organisationen oder als „Personen, die in der Emigration geboren wurden und lebten, als Familienangehörige der Weiß-Emigranten“ angelegt. Der Anteil der Anklagen wegen Verrats oder wegen der Teilnahme an Bestrafungsoperationen gegen Wlassow-Armeeangehörige war während der gesamten Zeit ihrer Anwesenheit in Sibirien am größten im Vergleich zu anderen Kategorien des Spezialkontingents. Der Anzahl solcher Anklagen erreichte unter nur den Sonderzwangsansiedlern der OUN und UPA („Organisation der ukrainischen Nationalisten“ und „Ukrainische Aufständische Armee“) höhere Werte.¹

Alle wegen der feindlichen Handlungen und antisowjetischen Beziehungen zur Verbannung an Sonderansiedlungsorte verurteilten Personen wurden in den Hohen Norden geschickt: in die Bezirke des Krasnojarsker und des Nowosibirsker Gebiets, die 50 km nördlich der transsibirischen Eisenbahn liegen; in die Sowjetrepublik Kasachstan (ausschl. der Gebiete von Alma-Ata, Gurjew, Juschny Kasachstan, Aktjubinsk, Wostotschny Kasachstan und Semipalatinsk).

In den Jahren 1951-1952 wurden die Sonderansiedler der Kategorie „Wlassow-Armeeangehörige“ deutscher, tschetschenischer, inguschsker, balkarsker, karatschaewsker, griechischer und krimtatarischer Nationalität, die in den Republiken, Kreisen oder Gebieten geboren wurden aus denen die Angehörigen dieser Völker deportiert worden waren, oder dort wohnten, zur Sonderansiedlung „auf ewig“ umgesetzt. Die übrigen Personen dieser Kategorie wurden nach 6 Jahren Verbannung entlassen.

---

¹ RGWA. F. 32p. Op.10. D. 24. L. 345-346.

Von 1952 bis 1954 war Sibirien eine der Regionen, in denen große Kontingente der Wlassow-Armeeangehörigen konzentriert wurden. Im Jahr 1952 waren das außerdem: die Jakutische ASSR, der Krasnojarsker Kreis, die Gebiete Irkutsk und Kemerowo. Fast 10 % wurden in den Lagern des GULAG in Enisejstroj und Norillag im Krasnojarsker Kreis, Petscherlag und ITL Obskij im Tjumensker Gebiet und Siblag im Gebiet Kemerowo inhaftiert. Im Siblag wurden z. B. bis zum Jahr 1958 Häftlinge festgehalten. Am 17.09.1955 verabschiedete das Präsidium des Obersten Rates der UdSSR den Erlass „Über die Amnestie der sowjetischen Bürger, die während des Großen Vaterländischen Krieges mit Besatzern kollaboriert haben“ und die Kategorie „Wlassow-Armeeangehörige“ existierte formell nicht mehr. Die Personen, die aufgrund von in den Kriegsjahren begangener Verbrechen wie Heimatverrat, Spionage, antisowjetische Agitation oder Propaganda bis zu 10 Jahren verurteilt worden waren, wurden entlassen. Die Freiheitsstrafe für Personen, die wegen gleicher Verbrechen für die Dauer von über 10 Jahren verurteilt wurden, wurde halbiert.

Зонер Я., Гейдельберг

БЫВШИЕ СОВЕТСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В РОЛИ СВИДЕТЕЛЕЙ НА СУДЕБНЫХ ПРОЦЕССАХ НАД НАЦИСТСКИМИ ПРЕСТУПНИКАМИ В ФРГ

Аннотация: на примере бывших советских военнопленных – заключенных концентрационного лагеря Освенцим-Биркену – анализируются рамки и границы свидетельских показаний, данных ими в ФРГ в ходе судебных процессов над нацистскими преступниками. Кроме того, проводится сравнение этих показаний с высказываниями, с которыми те выступали (ранее) в Советском Союзе.

Ключевые слова: критика источников, контекст дачи показаний, Советский комитет ветеранов войны, Освенцим, послевоенная история национал-социализма.

В первую очередь, в докладе будут более пристально рассмотрены контекст и внешние условия, оказывавшие влияние на публичный советский нарратив, посвященный плену, а также роль, которую сыграл здесь Советский комитет ветеранов войны (СКВВ)¹. Центральное место занимает анализ показаний пяти мужчин – бывших советских военнопленных, с которыми они выступили на Первом Франкфуртском Освенцимском процессе, а также свидетельских показаний девяти женщин, бывших заключенных Освенцима, в большинстве военнослужащих Красной армии и партизанок, которые они дали в 1960-е годы в ходе расследования деятельности доктора Йозефа Менгеле и других нацистских преступников.

Корпус источников включает в себя автобиографии, публикации в прессе, доклады, письма и, в конечном итоге, протоколы свидетельских показаний. Настоящий кейс опирается на новейшие публикации, авторы которых проявляют интерес к различиям в нарративе советских граждан, посвященном Второй мировой войне, а также работы, в которых изучаются выступления и нарратив в зале суда жертв немецкой оккупации².

После того, как с точки зрения советской стороны эксперимент Нюрнбергского процесса над главными военными преступниками потерпел катастрофическое поражение, Советский Союз самоустранился с международной судебной сцены. В унисон с общеевропейскими тенденциями развития Советский Союз в середине 1950-х годов фактически объявил войну «оконченной», и интенсификация расследований в отношении коллаборационистов произошла только под воздействием процесса над Адольфом Эйхманом. Без инициативы и усилий, предпри-

---

¹ Edele Mark. *Soviet Veterans of the Second World War. A Popular Movement in an Authoritarian Society, 1941–1991*. Oxford: Oxford University Press, 2008.

² Karel C. Berkhoff. “Dina Pronicheva’s Story of Surviving the Babi Yar Massacre: German, Jewish, Soviet, Russian and Ukrainian Records” // Ray Brandon, Wendy Lower (Hrsg.), *The Shoah in Ukraine: History, Testimony, and Memorialization*, Bloomington: Indiana University Press; United States Holocaust Museum, 2008. S. 291–317; Anna Hajkova. „What kind of narrative is legal testimony? Terezin Witnesses before Czechoslovak, Austrian, and German Courts“ // Norman J. W. Goda (Hrsg.), *Rethinking Holocaust Justice: Essays across Disciplines*. New York, Oxford: Berghahn Books, 2018. S. 71–99.

нятых бывшим главой советского сопротивления в Освенциме-Биркенау и тогдашним почетным функционером СКВВ Александром Лебедевым, едва ли бы в 1964 г. впервые были посланы свидетели с советской стороны для участия в Первом Франкфуртском Освенцимском процессе¹.

В свою очередь Федеративная республика Германия поначалу была настроена крайне критически в отношении кооперации с СССР в сфере юстиции. Оживленный обмен трофейными документами и свидетелями начал развиваться только с 1966 года. В целом свыше двухсот советских граждан были непосредственно опрошены немецкими адвокатами и судьями в ходе судебных процессов над нацистскими преступниками, состоявшимися в Западной Германии. При этом бывшие советские военнопленные из числа солдат и красноармейцев составляли лишь небольшую группу. Здесь необходимо пояснить, с какой проблемой столкнулись советские должностные лица при выборе этих свидетелей и почему они, скорее всего, действовали вначале нерешительно. Советские власти искали «честных и стойких граждан и бойцов» и предпочитали выбирать тех бывших военнопленных, которые имели опыт пребывания за рубежом и заграничных выступлений. Речь шла об активистах секции военнопленных СКВВ, которых уже отправляли в страны восточного блока для участия в публичных торжественных мероприятиях или которые выступали в Советском Союзе в качестве пропагандистов и лекторов.

При этом офицеры были представлены сверхпропорционально в сравнении с простыми солдатами. Так, все пять свидетелей из числа мужчин с советской стороны на Франкфуртском процессе имели в годы войны офицерские звания. Новейшие исследования скорее свидетельствуют о том, что возвратившиеся с войны советские военнопленные не были поголовно затронуты репрессиями, и именно для рядового состава имелись хо-

---

¹ Söhner Jasmin „Der heiligen Rache darf nicht ein Auschwitz–Henker entgehen!“. Die erste sowjetische Zeugenaussage in Westdeutschland zwischen Propaganda und Vergeltung“ // Jörg Osterloh, Katharina Rauschenberger (Hrsg.), Der Holocaust. Neue Studien zu Tathergängen, Reaktionen und Aufarbeitungen. Frankfurt, New York: Campus Verlag, 2017. S. 157–172, S. 160f.

рошие шансы, встретить со стороны государства стандартное, по советским нормам, отношение. Гораздо строже спрашивалось с попавших в плен офицеров, поскольку они занимали более высокие места в советской иерархии. Существуют различные оценки того, какое количество репатрированных советских офицеров из числа военнопленных подверглось репрессиям после войны: их приговаривали либо к шести годам высылки на спецпоселение, либо к более длительным срокам лишения свободы в ГУЛАГе. Еще часть пострадала позднее в ходе кампании по борьбе с космополитизмом. Отдельные примеры репрессированных встречаются, в том числе, в интересующей нас группе, хотя эти люди выделялись своим участием в движении сопротивления в нацистских концентрационных лагерях и тем самым выполнили свой героический долг, о котором твердила советская пропаганда. И все же их духовная сила и решимость не всегда были оценены по достоинству¹. Среди свидетелей из числа бывших советских военнопленных, посланных в ФРГ, находились как пострадавшие от репрессий, так и не затронутые ими. Здесь возникает вопрос о признании этих заслуженных военнопленных в постсталинистском советском обществе, чей статус следует определить как место между «святой жертвой» и «виктимной жертвой»².

С моей точки зрения, отправка на Запад и выступление бывших советских военнопленных в качестве свидетелей следует трактовать как привилегию, так и обязанность, поскольку выступление перед западной публикой, тем более в зале суда, было для них вызовом. Необходимость давать достоверные показания предполагала, с одной стороны, выдерживать заданный деловой и объективный стиль³, с другой стороны, у советских свидетеле-

---

¹ Berkhoff Karel C. *Motherland in Danger. Soviet Propaganda during World War II*, Cambridge MA: Harvard University Press, 2012. S. 60, 227, 270.

² Это различие вводит Алейда Ассманн. См.: Assmann Aleida. *Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik*, München: C. H. Beck, 2006. S. 22.

³ См. по этому поводу: Wamhof Georg. „Gerichtskultur und NS-Vergangenheit. Performativität – Narrativität – Medialität“ // ders. (Hrsg.), *Das Gericht als Tribunal oder: Wie der NS-Vergangenheit der Prozess gemacht wurde*. Göttingen: Wallstein Verlag, 2009. S. 9–37, S. 25.

лей одновременно возникало определенное пространство свободы, которого они были лишены в советской публичности. В рамках этого пространства свободы советские свидетели могли говорить, в том числе о своем опыте жертв репрессий, но также самостоятельно осмысливать и толковать случившееся (особенно применительно к Холокосту и невзирая на почти вездесущий во всем остальном советский оптимизм).

Литература:

1. Assmann Aleida. *Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik*. München: C.H. Beck, 2006.

2. Berkhoff Karel C. *Motherland in Danger. Soviet Propaganda during World War II*, Cambridge MA: Harvard University Press, 2012.

3. Berkhoff Karel C. "Dina Pronicheva's Story of Surviving the Babi Yar Massacre: German, Jewish, Soviet, Russian and Ukrainian Records" // Ray Brandon, Wendy Lower (Hrsg.). *The Shoah in Ukraine: History, Testimony, and Memorialization*, Bloomington: Indiana University Press; United States Holocaust Museum, 2008.

4. Edele Mark. *Soviet Veterans of the Second World War. A Popular Movement in an Authoritarian Society, 1941–1991*. Oxford: Oxford University Press, 2008.

5. Hajkova Anna. „What kind of narrative is legal testimony? Terezin Witnesses before Czechoslovak, Austrian, and German Courts“ // Norman J. W. Goda (Hrsg.), *Rethinking Holocaust Justice: Essays across Disciplines*. New York, Oxford: Berghahn Books, 2018.

6. Söhner Jasmin. „"Der heiligen Rache darf nicht ein Auschwitz-Henker entgehen!" Die erste sowjetische Zeugenaussage in Westdeutschland zwischen Propaganda und Vergeltung“ // Osterloh Jörg, Rauschenberger Katharina (Hrsg.). *Der Holocaust. Neue Studien zu Tathergängen, Reaktionen und Aufarbeitungen*. Frankfurt. New York: Campus Verlag 2017.

7. Wamhof Georg. „Gerichtskultur und NS-Vergangenheit. Performativität – Narrativität – Medialität“// ders. (Hrsg.), *Das Ge-*

richt als Tribunal oder: Wie der NS-Vergangenheit der Prozess gemacht wurde. Göttingen: Wallstein Verlag, 2009.

Söhner J., Heidelberg

EHEMALIGE SOWJETISCHE KRIEGSGEFANGENE IM WESTDEUTSCHEN ZEUGENSTAND

Abstract: Am Beispiel der Aussagen von ehemaligen Kriegsgefangenen im Konzentrationslager Auschwitz-Birkenau sollen die Rahmenbedingungen sowjetischer Zeugenschaft in westdeutschen NS-Verfahren analysiert und ein Vergleich zu (früherem) Sprechen in der Sowjetunion gezogen werden.

Schlagworte: Quellenkritik, Aussagekontext, Sowjetisches Kriegsveteranenkomitee, Auschwitz, Nachgeschichte des Nationalsozialismus.

Zunächst soll der Kontext und die äußeren Bedingungen für das öffentliche sowjetische Sprechen über die Kriegsgefangenschaft sowie die Rolle des sowjetischen Kriegsveteranenkomitees (SKVV)¹ näher beleuchtet werden; im Mittelpunkt steht die Analyse der Aussagen von fünf männlichen sowjetischen Kriegsgefangenen im 1. Frankfurter Auschwitzprozess und neun weiblichen Auschwitz-Häftlingen, mehrheitlich Rotarmistinnen und Partisaninnen, in den Frankfurter Ermittlungen zu Dr. Josef Mengele und anderen in den 1960er Jahren. Der Quellenkorpus besteht aus Autobiographien, Presseveröffentlichungen, Vorträgen, Briefen, und schließlich den Zeugen-Protokollen. Diese Fallstudie knüpft dabei an neuere Arbeiten, die sich für die Unterschiede in den Narrativen sowjetischer Bürger über den Zweiten Weltkrieg interessieren, und Studien, die

---

¹ Edele Mark. Soviet Veterans of the Second World War. A Popular Movement in an Authoritarian Society, 1941–1991. Oxford: Oxford University Press, 2008.

das Auftreten und das Sprechen von Opfern der deutschen Besatzungsherrschaft im Gerichtssaal untersuchen, an¹.

Nachdem das Experiment des Nürnberger Hauptkriegsverbrecherprozesses aus sowjetischer Perspektive katastrophal gescheitert war, zog sich die Sowjetunion von der internationalen Justizbühne zurück. Im Gleichklang mit der gesamteuropäischen Entwicklung hatte die Sowjetunion Mitte der 1950er den Krieg beendet, und erst in Folge des Eichmann-Prozesses die Ermittlungen gegen Kollaborateure intensiviert. Ohne die Initiative und den Einsatz des ehemaligen Leiters des sowjetischen Widerstands in Auschwitz-Birkenau und jetzigen ehrenamtlichen SKVV-Funktionärs, Alexander F. Lebedev, wäre die erste Entsendung sowjetischer Zeugen in den Westen im Jahr 1964 zum 1. Frankfurter Auschwitz-Prozess, jedoch nicht zustande gekommen².

Auch die Bundesrepublik war der Justizkooperation mit der Sowjetunion zunächst sehr kritisch gegenüber gestanden, erst ab 1966 entwickelte sich ein reger Austausch von Beutedokumenten und Zeugen. Insgesamt wurden über zweihundert ehemalige Sowjetbürger in westdeutschen Verfahren gegen NS-Täter von deutschen Staatsanwälten und Richtern direkt befragt; kriegsgefangene sowjetische Soldaten und Rotarmistinnen stellen hierbei nur eine kleine Gruppe dar. Hier soll verdeutlicht werden, vor welchem Problem die staatlichen sowjetischen Entscheidungsträger bei der Auswahl dieser Zeugen stehen konnten und warum sie mglw. auch zunächst gezögert hatten. Man suchte „ehrliche und standhafte Bürger und Kämpfer“ und griff auf diejenigen Kriegsgefangenen zurück, die Auslands- und

---

¹ Berkhoff Karel C. “Dina Pronicheva’s Story of Surviving the Babi Yar Massacre: German, Jewish, Soviet, Russian and Ukrainian Records”, in: Ray Brandon, Wendy Lower (Hrsg.), *The Shoah in Ukraine: History, Testimony, and Memorialization*, Bloomington: Indiana University Press; United States Holocaust Museum, 2008. S. 291–317; Hajkova Anna. „What kind of narrative is legal testimony? Terezin Witnesses before Czechoslovak, Austrian, and German Courts“, in: Norman J. W. Goda (Hrsg.), *Rethinking Holocaust Justice: Essays across Disciplines*. New York: Oxford: Berghahn Books, 2018. S. 71–99.

² Söhner Jasmin. "Der heiligen Rache darf nicht ein Auschwitz-Henker entgehen!". Die erste sowjetische Zeugenaussage in Westdeutschland zwischen Propaganda und Vergeltung“, in: Jörg Osterloh, Katharina Rauschenberger (Hrsg.), *Der Holocaust. Neue Studien zu Tathergängen, Reaktionen und Aufarbeitungen*, Frankfurt. New York: Campus Verlag, 2017. S. 157–172, S. 160 f.

Auftrittserfahrung hatten: Die *aktiva* der Kriegsgefangenen-Sektion im SKVV, die bereits zu Gedenkveranstaltungen in den Ostblock entsandt worden bzw. als Propagandisten-Lektoren in der Sowjetunion tätig waren.

Es handelte sich dabei überproportional um Offiziere, selten um einfache Soldaten. So hatten alle fünf männlichen Frankfurter Zeugen während des Zweiten Weltkriegs einen Offiziers- oder Unteroffiziersrang inne. Die neuere Forschung hat zeigen können, dass zurückkehrende sowjetische Kriegsgefangene nicht universell von Repressionen betroffen waren und dass insbesondere für Mannschaftsdienstgrade gute Chancen bestanden, vom Staat nicht schlechter als die sowjetische Norm behandelt zu werden. Offiziere waren jedoch aufgrund der Hierarchie der sowjetischen Strafen stärker bedroht. Es gibt unterschiedliche Schätzungen, wie viele der repatriierten sowjetischen Offiziere insgesamt repressiert wurden, d.h. nach Kriegsende zu sechs Jahren *spezposelenie* oder einer noch längeren Haft im Gulag verurteilt wurden bzw. später von der antikosmopolitischen Kampagne betroffen waren. Einzelne Beispiele finden sich auch in der uns interessierenden Gruppe, obwohl sie sich durch Widerstandshandlungen in Lagerhaft ausgezeichnet hatten und damit der in der sowjetischen Propaganda geforderten Pflicht zum Heroismus nachgekommen waren. Ihre Initiative wurde jedoch nicht immer wertgeschätzt¹. Diese repressierten Kriegsgefangenen sollen vorgestellt werden, ebenso jedoch auch die Ausnahmen. Hier stellt sich die Frage nach der Anerkennung dieser ausgezeichneten Kriegsgefangenen in der post-stalinistischen, sowjetischen Gesellschaft, deren Status zwischen demjenigen sakrifizieller und viktimologischer Opfern anzusiedeln ist².

M.E. muss die Entsendung bzw. Befragung als Zeuge sowohl als Privileg als auch als Verpflichtung verstanden werden, da das Sprechen vor westlichem Publikum, umso mehr in einer Gerichtssitzung, eine Herausforderung darstellte. Die Notwendigkeit, glaubwürdige Aussagen zu präsentieren, erforderte zum einen eine Anpas-

---

¹ Berkhoff Karel C. *Motherland in Danger. Soviet Propaganda during World War II.* Cambridge MA: Harvard University Press, 2012. S. 60, 227 und 270.

² Diese Unterscheidung stammt von Aleida Assmann, *Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik.* München: C.H. Beck, 2006. S. 22.

sung an den postulierten sachlichen und objektiven Stil¹, bot damit aber gleichzeitig auch einen gewissen Freiraum für die sowjetischen Zeugen, der so in der sowjetischen *Öffentlichkeit* nicht vorhanden war. Darunter fallen solche Themen wie die angesprochene Repressionserfahrung, aber auch die Sinngebung und Deutung des Geschehenen (insbesondere im Hinblick auf den Holocaust und vor dem Hintergrund des ansonsten fast allgegenwärtigen sowjetischen Optimismus).

Literaturverzeichnis:

1. Assmann Aleida. *Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik*. München: C. H. Beck, 2006.
2. Berkhoff Karel C. *Motherland in Danger. Soviet Propaganda during World War II*, Cambridge MA: Harvard University Press, 2012.
3. Berkhoff Karel C. *Dina Pronicheva's Story of Surviving the Babi Yar Massacre: German, Jewish, Soviet, Russian and Ukrainian Records* // Ray Brandon, Wendy Lower (Hrsg.), *The Shoah in Ukraine: History, Testimony, and Memorialization*, Bloomington: Indiana University Press; United States Holocaust Museum, 2008.
4. Edele Mark. *Soviet Veterans of the Second World War. A Popular Movement in an Authoritarian Society, 1941–1991*. Oxford: Oxford University Press, 2008.
5. Hajkova Anna. *What kind of narrative is legal testimony? Terezin Witnesses before Czechoslovak, Austrian, and German Courts* // Norman J. W. Goda (Hrsg.), *Rethinking Holocaust Justice: Essays across Disciplines*. New York, Oxford: Berghahn Books, 2018.
6. Söhner Jasmin. „Der heiligen Rache darf nicht ein Auschwitz-Henker entgehen!“. *Die erste sowjetische Zeugenaussage in Westdeutschland zwischen Propaganda und Vergeltung* // Jörg

---

¹ Vgl. hierzu Georg Wamhof, „Gerichtskultur und NS-Vergangenheit. Performativität – Narrativität – Medialität“, in: ders. (Hrsg.), *Das Gericht als Tribunal oder: Wie der NS Vergangenheit der Prozess gemacht wurde*, Göttingen: Wallstein Verlag, 2009. S. 9–37, S. 25

Osterloh, Katharina Rauschenberger (Hrsg.), *Der Holocaust. Neue Studien zu Tathergängen, Reaktionen und Aufarbeitungen*. Frankfurt, New York: Campus Verlag 2017.

7. Wamhof Georg. „Gerichtskultur und NS-Vergangenheit. Performativität – Narrativität – Medialität“// ders. (Hrsg.), *Das Gericht als Tribunal oder: Wie der NS-Vergangenheit der Prozess gemacht wurde*. Göttingen: Wallstein Verlag, 2009.

СОПРОТИВЛЕНИЕ И ВЫЖИВАНИЕ В ПЛЕНУ

WIDERSTAND UND ÜBERLEBEN IN GEFANGENSCHAFT

Келлер Р., Целле

СОВЕТСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ И ИХ СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ

Аннотация: В моем докладе я попытаюсь на примере показательных примеров представить самый широкий спектр индивидуальных и коллективных стратегий выживания советских военнопленных в лагерях и рабочих командах в Германии, что, впрочем, по различным причинам возможно лишь отчасти.

Ключевые слова: советские военнопленные, стратегии выживания в плену, Германия, РОА, «хиви».

Как хорошо продуманные, так и спонтанные решения и действия, которые следует причислить к категории «стратегии выживания», были следствием самых разных намерений. Невозможно дать количественную оценку этих мотивов, поскольку как дошедшие до нас наблюдения немецкой стороны, так и свидетельства бывших советских военнопленных не дают оснований для репрезентативных выводов. Зачастую от нас остаются полностью скрытыми эти мотивы, поэтому остается только строить предположения. В большинстве случаев проблематичной является также качественная оценка побудительных причин и действий военнопленных, для этого необходимо дифференцированно рассматривать каждый отдельный случай, что возможно лишь крайне редко. К тому же речь зачастую идет о манере поведения в экстремальной ситуации, которую нам трудно даже представить и тяжело оценивать. Вопрос также заключается в том, возможно ли в случае с некоторыми ситуативными решениями в принципе говорить о какой-либо «стратегии».

Какие осознанные и неосознанные стратегия выживания выбирали военнопленные и какие из них они в принципе могли выбрать, зависело от общих условий, соответствующих ситуа-

тивных обстоятельств, и, не в последнюю очередь, от личных диспозиций отдельного индивидуума. В целом исходная ситуация и положение военнопленных в начале войны были совсем другими, чем в последующее время. Так, в 1941/1942 речь шла о голом спасении жизни, все помыслы и действия почти исключительно были направлены на то, чтобы не умереть с голоду, не замерзнуть насмерть и не быть убитым. В 1944/1945 мысли и поступки выживших были в большей степени обусловлены близким концом войны. Теперь военнопленные, в том числе думали о том, как пережить войну, как будет выглядеть их жизнь после репатриации в Советский Союз и не будет ли лучше, в зависимости от ситуации, поискать альтернативные варианты.

Образ действий, призванный повысить шансы на выживание, наблюдался уже непосредственно до попадания в плен: часть красноармейцев стремилась оказаться в плену по возможности целыми, избежав ранений. Это же стремление, несомненно, было важным мотивом для многих перебежчиков. После попадания в плен солдаты должны были принимать спонтанные решения, последствия которых они не могли ясно видеть. Однако довольно скоро молва донесла до них, какие преступления совершают немцы. Не выделяться и не бросаться в глаза казалось лучшим вариантом, позволявшим надеяться выжить. Красные командиры и офицеры срывали знаки различия и смешивались с простыми солдатами, комиссары и политруки предпринимали все возможное, чтобы не быть раскрытыми, евреи пытались утаить свою национальность. Регистрация в лагере задавала дальнейшие траектории: многие красноармейцы указывали в качестве профессии «крестьянин», хотя крестьянами не были. Делалось это в надежде, попасть на работы в сельскую местность, вместо того, чтобы оказаться в шахте или на крупном строительстве. В лагере пользовались спросом низшие должности лагерной администрации – в качестве «добровольного помощника полиции», переводчика или, что было еще лучше, кухонного рабочего военнопленный имел решающие преимущества перед остальной массой, однако компрометировал себя сотрудничеством с немцами. Другие выбирали воровство у товарищей как возможность обеспечить свое выживание за счет других. В голодную зиму 1941/1942 во многих лагерях наблюда-

лись случаи каннибализма, но здесь уже не может идти речи о какой-либо «стратегии». Для членов рабочих команд желанная возможность раздобыть еды появлялась в том случае, если кто-то их охранников забирал их по воскресениям на работы в собственном хозяйстве. Военнопленные, одаренные художественно или хорошие ремесленники, пробавлялись тем, что изготавливали для своих охранников портреты или писали им картины маслом, мастерили игрушки или шкатулки для дамских украшений и обменивали их на продукты.

Бегство из лагеря или из рабочей команды имело своей целью, особенно в начале войны, спасение от смертельных условий существования в лагерях.

Элементарным средством самоутверждения было объединение с другими товарищами по несчастью. Зачастую такое объединение осуществлялось в рамках земляческих групп, члены которых поддерживали и защищали друг друга. Решение об участии в организациях сопротивления военнопленных, которые возникли позднее, обуславливалось в первую очередь политическими убеждениями, но также свою роль играла воля к самоутверждению. Тем самым участие в лагерном сопротивлении также следует причислить к стратегиям выживания.

В завершении следует упомянуть о том, что решение об открытом сотрудничестве с врагом зачастую было следствием стремления выжить. «Хиви», «добровольные помощники», которые относились к вермахту, оставляли за своей спиной лагерь и тяжелейший труд в рабочих командах, а также получали более лучшие рационы. Тот, кто вызывался служить в так называемом «Восточном легионе» или армии Власова, думал о жизни после войны и сделал ставку на немецкую победу и родину, освобожденную от «Советов». Однако сбивает с толку относительно большое количество добровольных заявлений о вступлении в легион или власовскую армию в феврале – марте 1945 г., когда поражение Германии уже было очевидным. Что это было – возможно, последняя отчаянная попытка, избежать последствий сталинского приказа № 270 и, тем самым, также выражение одной из стратегий выживания?

SOWJETISCHE KRIEGSGEFANGENE UND IHRE ÜBERLEBENSSTRATEGIEN

Abstract: Der Beitrag analysiert das breite Spektrum von Überlebensstrategien sowjetischer Kriegsgefangener in nationalsozialistischen Lagern während des Zweiten Weltkriegs von Anpassung und Mimikry bis zu Selbstbehauptung und Solidarität. Der Autor kommt zu dem Schluss, dass individuelle und kollektive Handlungen der Kriegsgefangenen in Abhängigkeit von allgemeinen Bedingungen, entsprechenden situativen Umständen und individuellen Dispositionen einzelner Individuen zu bewerten sind.

Schlüsselwörter: Sowjetische Kriegsgefangene, Lager, Überlebensstrategien, Selbstbehauptung, Zusammenarbeit mit dem Feind.

Die wohlüberlegten als auch spontanen Handlungen und Entscheidungen, die der Kategorie „Überlebensstrategien“ zuzurechnen sind, erfolgten aus den unterschiedlichsten Intentionen heraus. Es ist nicht möglich, die Motive zu quantifizieren, denn die überlieferten Beobachtungen von deutscher Seite und Selbstzeugnisse ehemaliger Gefangener erlauben keine repräsentativen Aussagen. Oftmals sind uns die Motive auch gar nicht bekannt, so dass sich nur Vermutungen anstellen lassen. Eine qualitative Bewertung der Beweggründe und Handlungen kann zumeist nicht erfolgen; hierzu wäre jeder Einzelfall differenziert zu betrachten, was nur selten möglich ist. Zudem geht es hier oft um Verhaltensweisen in existentiellen Extremsituationen, für die unsere Vorstellungskraft kaum ausreicht, und die sich einer Bewertung entziehen. Es ist auch die Frage, ob bei manchen situativen Entscheidungen überhaupt noch von einer „Strategie“ gesprochen werden kann.

Welche bewussten und unbewussten Strategien des Überlebens von den Kriegsgefangenen gewählt wurden und welche Ihnen überhaupt zur Verfügung standen, war abhängig von den allgemeinen Rahmenbedingungen, der jeweiligen situativen Gegebenheiten sowie nicht zuletzt der persönlichen Disposition des einzelnen Individuums. Generell war die Ausgangssituation und Bedrohungslage für die Gefangenen zu Beginn des Krieges eine ganz andere als

in der Folgezeit. 1941/42 ging es vor allem die nackte Existenz zu retten; alles Denken und Handeln war fast ausschließlich darauf ausgerichtet, nicht zu verhungern, zu erfrieren oder ermordet zu werden. 1944/45 waren Gedanken und Handeln der Überlebenden bereits mehr auf das Kriegsende gerichtet; die Überlegungen gingen unter anderem in Richtung, wie man dieses überstehen könne, wie das Leben nach der Repatriierung in die Sowjetunion aussehen würde und ob es nicht eventuell besser wäre, alternative Optionen zu suchen.

Verhaltensweisen zur Verbesserung der Überlebenschancen setzten bereits unmittelbar vor der Gefangennahme ein; die meisten Rotarmisten wollten dem Feind sicher möglichst unversehrt in die Hände fallen. Auch bei vielen Überläufern war dies sicher ein wichtiges Motiv. Nach der Gefangennahme mussten die Soldaten dann spontane Entscheidungen treffen, ohne die Konsequenzen klar übersehen zu können. Es sprach sich jedoch schnell herum, welche Verbrechen von den Deutschen verübt wurden. Nicht aufzufallen erschien als Option, die Verhältnisse zu überstehen. Offiziere rissen sich die Abzeichen ab und mischten sich unter die einfachen Soldaten; Kommissare und Politruks unternahmen alles, um nicht entdeckt zu werden. Wer Jude war, versuchte dies möglichst zu verheimlichen. Mit der Registrierung im Lager wurden weitere Weichen gestellt. Viele Rotarmisten gaben als Beruf „Bauer“ an, obwohl sie keine waren, in der Hoffnung, in der Landwirtschaft zur Arbeit eingesetzt zu werden statt auf der Großbaustelle oder im Bergwerk. Im Lager waren die Funktionsposten begehrt – als „Hilfspolizist“, Dolmetscher oder besser noch als Helfer in der Küche hatte man entscheidende Vorteile, kompromittierte sich allerdings als Instrument der Deutschen. Andere wählten den Kameradendiebstahl als Möglichkeit der Existenzsicherung auf Kosten anderer. Im Hungerwinter 1941/42 gab es in vielen Lagern auch Fälle von Kannibalismus; hier kann von einer „Strategie“ allerdings wohl nicht mehr die Rede sein. Im Arbeitskommando ergab sich eine willkommene Möglichkeit zur Verbesserung der Versorgung, wenn man von einem Bewacher am freien Sonntag abgeholt wurde, um auf dessen Hof zu arbeiten. Künstlerisch oder handwerklich begabte fertigten Porträtzeichnungen oder Ölgemälde für ihre Bewacher an, bastelten Spielzeug oder Schmuckkästchen im Tausch gegen Lebensmittel.

Die Flucht aus dem Lager oder vom Arbeitskommando hatte insbesondere zu Beginn des Krieges das Ziel, den tödlichen Lebensbedingungen zu entkommen.

Ein elementares Mittel der Selbstbehauptung war auch der Zusammenschluss mit anderen Leidensgenossen; häufig erfolgte dies in „landmannschaftlichen“ Gruppen, deren Mitglieder sich gegenseitig unterstützten und schützten. Der Entschluss zur Mitarbeit in den später entstehenden Widerstandsorganisationen erfolgte wohl in erster Linie wegen der politischen Überzeugung, entsprang jedoch auch dem Willen zur Selbstbehauptung und ist damit auch zu den Überlebensstrategien zu zählen.

Schließlich erfolgte auch die Entscheidung zur offenen Kollaboration mit dem Feind oft aus dem Willen zum Überleben. Als „Hilfswilliger“ entkam man aus den Lagern und schweren Arbeitskommandos, gehörte man zum Gefolge der Wehrmacht und erhielt entsprechend bessere Rationen. Wer sich für die so genannten Ostlegionen oder die Wlassow-Armee meldete, dachte auch an die Lage nach dem Krieg und setzte auf einen deutschen Sieg und eine von der Sowjetmacht befreite Heimat. Irritierend sind allerdings die relativ vielen Freiwilligenmeldungen noch im Februar/März 1945, als die deutsche Niederlage längst absehbar war – ein letzter verzweifelter Versuch, den zu erwartenden Folgen des Stalin-Befehls 270 zu entgehen und damit auch Ausdruck einer Überlebensstrategie?

Нагель Й., Цайтхайн

СОПРОТИВЛЕНИЕ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ЛАГЕРЕ ЦАЙТХАЙН (1941–1945)

Аннотация: В статье анализируется организация учета, размещения и трудового использования советских военнопленных на территории Третьего рейха на примере лагеря военнопленных Шталаг 304 (IV Н) Цайтхайн. Кроме того, характеризуются условия, способствовавшие формированию организованного сопротивления узников лагеря.

Ключевые слова: Лагерь военнопленных Шталаг 304 (IV Н), «теневые лагеря», Управление вермахта по делам военнопленных, рабочие команды, трудовое использование пленных, санитарные части и госпиталя для военнопленных, организации сопротивления.

Лагерь военнопленных Шталаг 304 (IV Н), организованный в мае 1941 г. на базе войскового тренировочного лагеря Цайтхайн, был одним из так называемых «русских лагерей» для размещения советских военнопленных, созданных по приказу Верховного командования вермахта (ОКВ) на территории Третьего рейха¹ на базе тренировочных войсковых лагерей в ходе подготовки нападения на Советский Союз². Среди мест, выбранных для организации лагерей, тренировочная база Цайтхайн отличалась тем, что она граничила непосредственно с железнодорожным вокзалом Якобсталь, находившемся на участке тогдашней железнодорожной магистрали Берлин-Дрезден. Свое имя ж.д. вокзал получил в честь деревни, которая располагалась от него буквально в двух километрах. Прибывавшие и убывавшие ж. д. транспорты с военнопленными могли «обслуживаться» вне населенного пункта, таким образом, транспортировка и размещение советских военнопленных в значительной мере были бы скрыты от глаз немецкого населения.

---

¹ Территория рейха в границах июня 1941 г., включая аннексированные к этому времени области, была разделена на 17 военных округов. На территории протектората Богемия и Моравия лагеря военнопленных не размещались.

² За исключением лагерей в Военном округе I Восточная Пруссия, которые вместе с лагерями, подлежавшими организации на территории польского Генерал-губернаторства, должны были функционировать как лагеря транзита для пленных красноармейцев, транспортируемых на территорию рейха, Верховное главнокомандование вермахта планировало, во исполнение своих приказов от 16 и 26.06.1941 по вопросу обращения с военнопленными в ходе операции «Барбаросса», организовать 20 «русских лагерей», распределенных между девятью военными округами. Эти лагеря должны были обеспечить трудовое использование советских военнопленных в экономике рейха. Фактически же были организованы только 12 лагерей такого рода. См.: Keller Rolf. Sowjetische Kriegsgefangene im Deutschen Reich 1941/42. Behandlung und Arbeitseinsatz zwischen Vernichtungspolitik und kriegswirtschaftlichen Zwängen. Göttingen 2011. S. 49–65.

Развитое железнодорожное сообщение Цайтхайна и его территориальная близость к центрам средненемецкой индустрии, таким как Хемниц, Дрезден, Лейпциг и Галле (Заале) предопределили его выбор среди прочих войсковых тренировочных баз Саксонии для сооружения «русского лагеря».

Лагерь получил обозначение как «основной лагерь военнопленных рядового состава» – Шталаг 304 (IV Н)¹ и подчинялся командиру по делам военнопленных при командующем Военным округом IV Дрезден². Этот военный округ по числу жителей был третьим в рейхе, так как на территории округа размещалась подавляющая часть одного из важнейших промышленных регионов Германии – средненемецкой индустриальной области. Вследствие этого Военный округ IV в ходе Второй мировой войны занимал среди всех остальных военных округов рейха второе место по числу «основных лагерей военнопленных рядового состава» (шталагов) и количеству военнопленных³.

К моменту нападения Германии на Советский Союз между шталагами Военного округа IV сложилось определенное разделение труда, которое сохранялось вплоть до конца войны. В центре этого разделения находился Шталаг IV В Мюльберг⁴. Он функционировал как центральный лагерь, осуществлявший приемку, регистрацию и распределение военнопленных. Именно из Мюльберга военнопленных отправляли по другим лагерям –

---

¹ Лагеря, предназначенные для размещения советских военнопленных, получали трехсотые номера. Лагеря, находившиеся на территории военных округов рейха, получали в качестве дополнительной нумерации номер военного округа и букву немецкого алфавита в порядке очередности.

² Географически Военный округ IV включал в себя территорию сегодняшней федеральной земли Саксонии, а также граничные области Тюрингии, Бранденбурга, Саксонии-Анхальта и части Судет, аннексированных в 1938 г., которые сегодня принадлежат Чехии.

⁵ Более высокие цифры демонстрировал только военный округ VI, который включал в себя Рурскую область. Статистика поступления военнопленных содержится в соответствующих ежемесячных отчетах Верховного главнокомандования вермахта / Общий отдел вермахта. См.: Bundesarchiv-Militärarchiv Freiburg (BA-MA), RW 6 v. 450, 451, 452, 453.

⁶ За период 1939–1945 гг. здесь было зарегистрировано более 300 000 военнопленных из числа союзников. Сам лагерь был рассчитан на 10 000 военнопленных. Об истории Шталага IV В Мюльберг см.: Kilian Achim. Mühlberg 1939–1948. Ein Gefangenenlager mitten in Deutschland. Köln, 2001.

Шталаг IV А Хонштайн-Бад Шандау; Шталаг IV С Вистритц-Теплиц-Шонау, Шталаг IV D Торгау; Шталаг IV Е Альтенбург, Шталаг IV F Хартмансдорф-Хемниц и Шталаг IV G Ошатц¹.

Перечисленные шталаги функционировали в качестве так называемых «теневых лагерей», задачей которых было управление сотнями рабочих команд в отведенных им регионах. В случае с «теневыми лагерями» речь не шла о больших «барачных» лагерях для размещения военнопленных, таких как Цайтхайн или Мюльберг. Они представляли собой лишь комендатуры, управлявшие рабочими командами самой различной величины и национальности, в составе которых под охраной караульных были объединены сотни военнопленных. Заключенных «теневых лагерей» размещали на территории военного округа в децентрализованном порядке. Главной задачей «теневых лагерей» было управление трудом военнопленных в тесном контакте с соответствующим территориальным отделом по вопросам труда. Эти отделы единолично принимали решение, какое количество военнопленных должно работать на том или ином предприятии. В местах расположения шталагов-комендатур возникали разве что небольшие стационарные лагеря в уже имевшихся зданиях. Так, в Шталаге IV G Ошатц это было здание бывшей прядильной фабрики. Наряду с этим, «теневые лагеря» управляли рядом санитарных частей и госпиталей², целью которых было обеспечить медицинское обслуживание военнопленных вблизи от места их принудительной работы. В подчинении комендатур находились офицеры контроля, прикомандированные к соответствующим территориальным отделам по вопросам труда. Эти офицеры поддерживали контакт с работодателями и

---

¹ См.: карту «Основные лагеря военнопленных рядового состава и “русские лагеря” на территории Третьего рейха и присоединенных областей, октябрь 1941 г.» („Kriegsgefangenen-Mannschaftsstaumlager und ‘Russenlager’ im Deutschen Reich und den angegliederten Gebieten, Oktober 1941“) в книге: Keller R. Sowjetische Kriegsgefangene im Deutschen Reich 1941/42. Behandlung und Arbeitseinsatz zwischen Vernichtungspolitik und kriegswirtschaftlichen Zwängen. Göttingen, 2011.

² Санитарные части служили для кратковременного медицинского обслуживания и, как правило, обладали вместимостью до 100 коек, в то время как для более продолжительного обслуживания военнопленных создавались госпитали, рассчитанные на 300–500 коек.

рабочими командами, которые подвергались регулярным проверкам¹.

Трудовое использование военнопленных в больших масштабах изначально планировалось военным руководством Германии как компенсация рабочих рук немецких мужчин, призванных в армию. Поэтому Управление вермахта по делам военнопленных стремилось предоставить территориальным отделам по вопросам труда во всем рейхе максимальное количество военнопленных. К задачам управления также относился текущий картотечный учет военнопленных, предоставление сведений о количестве рабочей силы, имеющейся в распоряжении, направление охранного персонала рабочих команд и контроль над действиями охранников, подготовка помощников охранников из числа лиц, занятых на предприятиях, калькуляция стоимости работ, выполненных военнопленными и возмещение работодателями затрат на содержание охраны.

Шталаг 304 (IV Н) Цайтхайн, наряду с расположенным в нескольких километрах Шталагом IV В Мюльберг, представлял собой единственный лагерь постоянного размещения военнопленных с большим количеством бараков в Военном округе IV. На лагерь возлагалась двойная функция: централизованная приемка и регистрация прибывавших транспортов из оккупированных областей Советского Союза, а также организация рабочего использования плененных красноармейцев («использование русских», «Russeneinsatz»). Однако уже после прибытия 12 июля 1941 г. первого эшелона с советскими военнопленными стало ясно, что этот концепт оказался провальным. Лагерная администрация Цайтхайна либо вовсе не справлялась с возложенными на нее обязанностями, либо справлялась лишь частич-

---

¹ Об организации размещения и использования военнопленных см.: Nagel Jens. Das Kriegsgefangenenwesen der deutschen Wehrmacht, in: Gedenkbuch Zeithain für sowjetische Kriegsgefangene, Bd. 1, Das Kriegsgefangenenlager Zeithain – Vom „Russenslager“ zur Gedenkstätte, Stiftung Sächsische Gedenkstätten (Hrsg.), Dresden, 2005. S. 28–41; Rüdiger Overmans, Die Kriegsgefangenenpolitik des Deutschen Reiches 1939 bis 1945, in: Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg, Bd. 9/2, Die Deutsche Kriegsgesellschaft 1939 bis 1945. Ausbeutung, Deutungen, Ausgrenzung. München, 2005. S. 738–742.

но¹. Причины такой неудачи, которая во множестве случаев постигла администрацию «русских лагерей» как на территории рейха, так и на оккупированных территориях, заключалась, с одной стороны, в абсолютно недостаточной емкости лагеря, нехватке ресурсов и персонала, с другой стороны – в острой нехватке опыта у лагерного руководства, которое, как правило, рекрутировалось из числа отозванных из запаса бывших профессиональных военных и офицеров-резервистов² старших возрастов (штатских лиц по своей основной специальности)³.

В результате Шталаг IV В Мюльберг уже летом 1941 г. принимал советских военнопленных в гораздо больших количествах, чем Цайтхайн⁴. Непосредственно сразу же после регистрации прибывших военнопленных в Цайтхайне и Мюльберге, годные к труду распределялись по уже упомянутым «теневым лагерям» в Военном округе IV. В их число не входили военнопленные, отобранные для обустройства лагеря Цайтхайн или признанные неработоспособными. Рабочее применение советских военнопленных, как и военнопленных других национальностей в промышленности и сельском хозяйстве Военного округа IV организовывалось в первую очередь «теневыми лагерями» и, в гораздо меньшем размере – Шталагом IV В Мюльберг. Кроме этого, большие массы советских военнопленных отправлялись из Цайтхайна и Мюльберга для трудового применения

---

¹ См.: Osterloh Jörg. Ein ganz normales Lager. Das Kriegsgefangenen-Mannschaftsstelllager 304 (IV H) Zeithain bei Riesa/Sa. Schriftenreihe der Stiftung Sächsische Gedenkstätten. Bd. 2, 2. Auflage. Leipzig, 1997. S. 27–87.

¹¹ Основная масса офицеров шталагов рекрутировалась из военнослужащих возрастов 1900 года рождения и более старших. То же самое можно утверждать в отношении унтер-офицерского и рядового состава. Так, второй комендант Шталага 304 (IV H) в мае 1941 – январе 1942 гг. был 1875 года рождения. См.: Nage Jens / Osterloh Jörg. Wachmannschaften in Lagern für sowjetische Kriegsgefangene (1941–1945). Eine Annäherung, in: Christian Gerlach/Ahlich Meyer (Hrsg.), Durchschnittstätter. Handeln und Motivation. Beiträge zur Geschichte des Nationalsozialismus. Bd. 16. Berlin, 2000. S. 73–93.

¹² См., в том числе: Hüser Karl / Otto Reinhard. Das Stammlager 326 (VI K) Senne, 1941–1945. Sowjetische Kriegsgefangene als Opfer des Nationalsozialistischen Weltanschauungskrieges. Bielefeld, 1992. S. 68–74.

⁴ На 22 августа 1941 г. Шталаг IV В Мюльберг зарегистрировал больше 23 000 пленных красноармейцев, «русский лагерь» Шталаг 304 (IV H) – около 16 000.

в шталагах Баварии, где они без промедления посылались на работы. Такая ситуация была типичной поздним летом – осенью 1941 г. для лагерей военнопленных, расположенных на всей территории рейха. Размещение советских военнопленных не ограничивалось только «русскими лагерями», их также отправляли в уже имеющиеся лагеря военнопленных, организованные в 1939–1940 гг. В результате советские военнопленные стали в конце 1941 г. повседневным явлением на территории всего рейха¹.

Шталаг 304 (IV H) Цайтхайн функционировал на территории Военного округа IV вплоть до сентября 1942 г., наряду с соседним Шталагом IV В Мюльберг, исключительно как лагерь приемки, регистрации и распределения, а также как лагерь пребывания для советских военнопленных, которые были признаны больными и нетрудоспособными в течение длительного времени. В сентябре 1942 г. лагерь утратил свою самостоятельность и под обозначением Шталаг IV В/Z был подчинен Шталагу IV В Мюльберг. В следующие месяцы последовала успешная реорганизация всего лагеря в госпиталь для военнопленных. С 1 февраля 1943 г. Цайтхайн стал в конечном итоге именоваться как «госпиталь для военнопленных» (Kriegsgefangenen-Reservelazarett), но и далее оставался в подчинении у Шталага IV В Мюльберг. Его вместимость оценивалась в статистике вермахта по состоянию на 1 декабря 1944 г. в размере 7 990 коек. Вплоть до конца войны это был самый крупный госпиталь для военнопленных на территории рейха². Изменение цели применения лагеря стало вехой в его истории: с этого момента он прекратил функционировать как «русский лагерь».

---

¹ По состоянию на 01.10.1941 г. из 288 108 советских военнопленных, находившихся в лагерях на территории рейха, использовались на работах 112 400, соответственно на 01.12.1941 г. – 222 850 из 349 767 и на 01.02.1942 г. – 368 032 из 671 341. См.: BA-MA, RW 6 v. 450 и 451.

² О возникновении госпиталя для военнопленных см.: Osterloh Jörg. Ein ganz normales Lager. Das Kriegsgefangenen-Mannschaftsstelllager 304 (IV H) Zeithain bei Riesa/Sa., Schriftenreihe der Stiftung Sächsische Gedenkstätten. Bd. 2, 2. Auflage. Leipzig, 1997. S. 87–91; Nagel Jens. Kriegsgefangenenlager Zeithain 1941 bis 1945, in: Gedenkbuch Zeithain für sowjetische Kriegsgefangene. Bd. 1. Das Kriegsgefangenenlager Zeithain – Vom „Russenslager“ zur Gedenkstätte, Stiftung Sächsische Gedenkstätten (Hrsg.). Dresden, 2005. S. 28–41.

Для изможденных и тяжелобольных советских военнопленных из всех лагерей на территории рейха, особенно для туберкулезных больных, Цайтхайн превратился в главный лагерь сбора. В результате смертность была очень высокой и колебалась вплоть до освобождения лагеря Красной армией 23 апреля 1945 г. между 10 и 20 умершими за сутки. В общей сложности в Цайтхайне умерло от 25 000 до 30 000 советских военнопленных, останки которых покоятся сегодня на четырех кладбищах. Кроме них, здесь похоронены 873 итальянца, 44 поляка, 12 сербов и четыре француза. Последние похоронены в отдельных могилах на пятом кладбище для военнопленных на территории войскового тренировочного лагеря Цайтхайн – на итальянском солдатском кладбище Якобсталь¹.

В первые восемнадцать месяцев в Цайтхайне наблюдалось индивидуальное сопротивление отдельных заключенных и небольших групп. Что же касается организованного сопротивления, то оно началось с преобразованием лагеря в госпиталь для военнопленных. Предпосылки проведения подрывной деятельности были для военнопленных, которые относились к медицинскому персоналу и хозяйственной службе госпиталя, существенно лучше, чем для прочих заключенных шталага. В особенности среди врачей вплоть до конца 1944 г. относительно редко осуществлялись регулярная ротация и перемещения, поэтому у них была возможность, хорошо узнать друг друга и научиться доверять. Благодаря текучести прибывающих и убывающих военнопленных из других шталагов и рабочих команд, врачи могли также завязывать контакты с теми из них, кто вызывал доверие. Таким образом, появилась возможность организовать целую сеть сопротивления². В результате в госпиталях, таких как Цайтхайн, сформировались группы сопротивления

---

¹ Это кладбище было разрушено во время использования тренировочной базы Цайтхайн подразделениями западной группы советских войск в Германии. Лишь после объединения Германии в 1991 г. были эксгумированы и перезахоронены останки 849 итальянских военнопленных. В 2004 г. также были перезахоронены останки 44 польских и 12 сербских пленных.

² См.: Hüser Karl / Otto Reinhard. Das Stammlager 326 (VI K) Senne, 1941–1945. Sowjetische Kriegsgefangene als Opfer des Nationalsozialistischen Weltanschauungskrieges. Bielefeld, 1992. S. 145.

советских военнопленных, и медицинский персонал сыграл в их возникновении важную роль.

К началу 1943 г. попыткам создать организованное сопротивление в Цайтхайне благоприятствовала еще одна причина, а именно существенное снижение флуктуации среди военнопленных. Шталаги характеризовались постоянным прибытием и выбытием военнопленных, а также их перераспределением между рабочими командами, что существенно усложняло выстраивание персональных отношений между заключенными. Так как Цайтхайн долгое время функционировал в качестве лагеря для нетрудоспособных военнопленных, они задерживались в лагере на продолжительное время, которое врачи могли продлить за счет манипуляций результатами осмотра. Замедлившийся, но, тем не менее, постоянный человеческий поток способствовал распространению новостей и созданию региональных сетей сопротивления. Залогом успеха стало активное участие обслуживающего персонала, прежде всего врачей.

Для развития организаций сопротивления в Цайтхане большое значение также имела, если судить по преданию, деятельность, беспартийного советского писателя Степана Злобина. Он попал в лагерь в начале августа 1942 г. из Минска. К началу 1943 г. группа сопротивления сумела сначала осуществить ряд пропагандистских акций среди военнопленных. Формирование организованного сопротивления в Цайтхане не было делом одного Злобина, однако его появление в лагере, возможно, дало решающий импульс делу. По инициативе Злобина – о его решающей роли говорили в один голос все бывшие военнопленные – 3 апреля 1943 г. была создана группа сопротивления¹.

Это событие пришлось на время, когда образ действия советских военнопленных, как и военнопленных других государств, начал постепенно меняться. Год 1943, начавшийся поражением вермахта в Сталинградской битве, стал здесь коренной вехой. Офицеры абвера, отвечавшие за шталаги, констатировали с этого времени усиленное сопротивление военноплен-

---

¹ См.: Osterloh Jörg. Ein ganz normales Lager. Das Kriegsgefangenen-Mannschaftsstellmmlager 304 (IV H) Zeithain bei Riesa/Sa., Schriftenreihe der Stiftung Sächsische Gedenkstätten. Bd. 2, 2. Auflage. Leipzig, 1997. S. 95–120.

ных¹. Таким образом, деятельность группы сопротивления госпиталя Цайтхайна была не единственным случаем, в других лагерях параллельно функционировали аналогичные группы. Среди них, например, можно назвать группы сопротивления Шталага 326 (VI K) Зенне и Шталага VI D Дортмунд².

Литература:

1. Aslanow A. Von der Wolga an die Ruhr. Begegnungen mit Deutschen in Krieg und Frieden. Köln, 1989.

2. Herbert U. Fremdarbeiter. Politik und Praxis des „Ausländer-Einsatzes“ in der Kriegswirtschaft des Deutschen Reiches. Berlin/Bonn, 1985.

3. Hüser K., Otto R. Das Stammlager 326 (VI K) Senne, 1941–1945. Sowjetische Kriegsgefangene als Opfer des Nationalsozialistischen Weltanschauungskrieges. Bielefeld, 1992.

4. Kilian A. Mühlberg 1939–1948. Ein Gefangenenlager mitten in Deutschland. Köln, 2001.

5. Keller R. Sowjetische Kriegsgefangene im Deutschen Reich 1941/42. Behandlung und Arbeitseinsatz zwischen Vernichtungspolitik und kriegswirtschaftlichen Zwängen. Göttingen, 2011.

6. Nagel J. Das Kriegsgefangenenwesen der deutschen Wehrmacht, in: Gedenkbuch Zeithain für sowjetische Kriegsgefangene. Bd. 1. Das Kriegsgefangenenlager Zeithain – Vom „Russenslager“ zur Gedenkstätte, Stiftung Sächsische Gedenkstätten (Hrsg.). Dresden, 2005.

7. Nagel J. Kriegsgefangenenlager Zeithain 1941 bis 1945, in: Gedenkbuch Zeithain für sowjetische Kriegsgefangene. Bd. 1. Das Kriegsgefangenenlager Zeithain – Vom „Russenslager“ zur Gedenkstätte, Stiftung Sächsische Gedenkstätten (Hrsg.). Dresden, 2005.

---

¹ См.: отчеты за февраль – май 1943 г.: Amt Ausl./Abw., Kgf.-Post Monatsübersicht; VA-MA, RH 49/112. Ульрих Херберт также характеризует поражения вермахта зимы 1942–1943 г. вкуче со Сталинградской битвой как исходную точку организованного сопротивления военнопленных: См.: Herbert Ulrich, Fremdarbeiter. Politik und Praxis des „ausländer-Einsatzes“ in der Kriegswirtschaft des Deutschen Reiches. Berlin/Bonn, 1985. S. 316.

² О Шталаге 326 см.: Hüser Karl / Otto Reinhard, a.a.O. S. 125–152. О Шталаге VI D см.: Aslanow Anatolij. Von der Wolga an die Ruhr. Begegnungen mit Deutschen in Krieg und Frieden. Köln, 1989.

8. Nagel J., Osterloh J. Wachmannschaften in Lagern für sowjetische Kriegsgefangene (1941–1945). Eine Annäherung, in: Christian Gerlach/Ahlfried Meyer (Hrsg.). Durchschnittstäter. Handeln und Motivation, Beiträge zur Geschichte des Nationalsozialismus. Bd. 16. Berlin, 2000.

9. Osterloh J. Ein ganz normales Lager. Das Kriegsgefangenen–Mannschaftsstammlager 304 (IV H) Zeithain bei Riesa/Sa., Schriftenreihe der Stiftung Sächsische Gedenkstätten. Bd. 2, 2. Auflage. Leipzig, 1997.

10. Overmans R. Die Kriegsgefangenenpolitik des Deutschen Reiches 1939 bis 1945, in: Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 9/2, Die Deutsche Kriegsgesellschaft 1939 bis 1945. Ausbeutung, Deutungen, Ausgrenzung. München, 2005.

Nagel J., Zeithain

WIDERSTAND IM KRIEGSGEFANGENENLAGER ZEITHAIN 1941 BIS 1945

Abstract: Im Beitrag wird die Organisation der Registrierung, Unterbringung und der Arbeitseinsätze der sowjetischen Kriegsgefangenen auf dem Territorium des Dritten Reiches am Beispiel des Kriegsgefangenenlager Stalag 304 (IV H) in Zeithain analysiert. Außerdem werden die Bedingungen charakterisiert, die zur Bildung des organisierten Widerstandes der Häftlinge beigetragen haben.

Schlüsselwörter: Kriegsgefangenenlager Stalag 304 (IV H), Schattenlager, Kriegsgefangenenverwaltung der Wehrmacht, Arbeitskommandos, Arbeitseinsätze der Kriegsgefangenen, Kriegsgefangenen-Reservelazarets, Formierung des Widerstands.

Das auf dem Truppenübungsplatz Zeithain ab Mai 1941 entstehende Kriegsgefangenenlager Stalag 304 (IV H) war eines der auf Befehl des Oberkommandos der Wehrmacht (OKW) auf Truppen-

übungsplätzen im Reichsgebiet¹ neu zu errichtenden „Russenslager“ für die Unterbringung sowjetischer Kriegsgefangener, die in Vorbereitung des deutschen Angriffs auf die Sowjetunion errichtet wurden². Einer der ausgewählten Standorte lag an der Grenze des Truppenübungsplatzes Zeithain, unmittelbar am Bahnhof Jacobsthal, der sich an der damaligen Haupteisenbahnstrecke Berlin-Dresden befand. Namensgeber des Bahnhofs war das in Sichtweite, etwa zwei Kilometer entfernt gelegene Dorf Jacobsthal. Ankommende und abgehende Eisenbahntransporte von Gefangenen konnten dadurch außerhalb des Ortes abgewickelt werden, sodass der Transport und Unterbringung der sowjetischen Gefangenen weitgehend abgeschirmt von der deutschen Bevölkerung realisiert werden konnten. Die gute Eisenbahnanbindung und seine gleichermaßen große räumliche Nähe zu den Zentren des mitteldeutschen Industriegebietes (Chemnitz, Dresden, Leipzig, Halle/Saale) prädestinierten Zeithain unter den sächsischen Truppenübungsplätzen für die Einrichtung eines „Russenslagers“.

Das Lager erhielt die Bezeichnung Kriegsgefangenen-Mannschaftsstammlager (Stalag) 304 (IV H)³ unterstand dem Kommandeur der Kriegsgefangenen beim Wehrkreiskommando IV Dres-

---

¹ Reichsgebiet in den Grenzen vom Juni 1941 einschließlich der bis dahin annektierten Gebiete, unterteilt in 17 Wehrkreise. Im Protektorat Böhmen und Mähren gab es keine Kriegsgefangenenlager.

² Mit Ausnahme der geplanten Lager im Wehrkreis I Ostpreußen, die zusammen mit den im Generalgouvernement Polen zu errichtenden Lager als Durchgangslager für die ins Reichsgebiet transportierten Rotarmisten fungierten, plante das OKW gemäß seinen Erlassen vom 16. und 26.06.1941 bzgl. des Kriegsgefangenenwesens während des „Unternehmens Barbarossa“ zwanzig „Russenslager“ verteilt auf neun weitere Wehrkreise zu errichten. Sie waren für die Durchführung des „Russeneinsatzes“, den Arbeitseinsatz sowjetischer Kriegsgefangener im Reichsgebiet vorgesehen. Davon wurden tatsächlich lediglich zwölf errichtet. Vgl. Keller Rolf. Sowjetische Kriegsgefangene im Deutschen Reich 1941/42. Behandlung und Arbeitseinsatz zwischen Vernichtungspolitik und kriegswirtschaftlichen Zwängen. Göttingen, 2011. S. 49–65.

³ Die für sowjetische Kriegsgefangene vorgesehenen Lager erhielten Bezeichnungen im 300er-Bereich; die im Reichsgebiet zusätzlich die Wehrkreisnummer in Verbindung mit einem Buchstaben als fortlaufende Nummerierung der bestehenden Stalags im jeweiligen Wehrkreis.

den¹. Der Wehrkreis war der Einwohnerzahl nach der drittgrößte des Reiches, in dem der überwiegende Teil des mitteldeutschen Industriegebietes, eine der wichtigsten Industrieregionen Deutschlands lag. Infolge dessen wies der Wehrkreis IV im Verlauf des Zweiten Weltkrieges unter allen Wehrkreisen die zweitgrößte Zahl an Kriegsgefangenen-Mannschaftsstellagern (Stalags) und Kriegsgefangenen im Reichsgebiet auf².

Zum Zeitpunkt des deutschen Angriffs auf die Sowjetunion hatte sich eine gewisse Arbeitsteilung zwischen den Stalags innerhalb des Wehrkreises IV entwickelt, die bis zum Kriegsende beibehalten wurde und in deren Zentrum das Stalag IV B Mühlberg³ stand. Es fungierte als zentrales Aufnahme-, Registrierungs- und Verteilungslager, von dem aus die Gefangenen auf die anderen Lager – Stalag IV A Hohnstein über Bad Schandau; IV C Wistritz bei Teplitz-Schönau, IV D Torgau; IV E Altenburg, IV F Hartmannsdorf bei Chemnitz und IV G Oschatz – verteilt wurden⁴.

Die aufgelisteten Stalags fungierten als so genannte Schattenlager, deren Aufgabe die Verwaltung Hunderter Arbeitskommandos in den ihnen zugewiesenen Gebieten war. Es handelte sich nicht um große Barackenlager wie in Zeithain oder Mühlberg, sondern um Kommandanturen, die die dezentral untergebrachten Gefangenen und Wachmannschaften in Hunderten über den Wehrkreis verteilter Arbeitskommandos unterschiedlichster Größe und nationaler Zu-

---

¹ Geographisch setzte sich der Wehrkreis IV aus dem heutigen Bundesland Sachsen sowie angrenzenden Gebieten Thüringens, Brandenburgs, Sachsen-Anhalts und 1938 annektierter Teile des Sudetenlandes, die heute zu Tschechien gehören, zusammen.

² Lediglich der Wehrkreis VI, der das Ruhrgebiet einschloss, wies höhere Gefangenzahlen auf. Zur Entwicklung der Kriegsgefangenenbestandszahlen siehe monatliche Kriegsgefangenenbestandsmeldungen des Oberkommandos der Wehrmacht/Allgemeines Wehrmachtamt, Bundesarchiv–Militärarchiv Freiburg (BA–MA), RW 6 v. 450, 451, 452 und 453.

³ Mehr als 300 000 alliierte Kriegsgefangene wurden dort zwischen 1939 und 1945 registriert. Das Stalag war für eine Kapazität von 10 000 Gefangenen ausgelegt. Zur Geschichte des Stalag IV B Mühlberg vgl. Achim Kilian, Mühlberg 1939–1948. Ein Gefangenenlager mitten in Deutschland. Köln, 2001.

⁴ Siehe Karte „Kriegsgefangenen–Mannschaftsstellager und ‘Russenslager’ im Deutschen Reich und den angegliederten Gebieten, Oktober 1941“ in: Rolf Keller, a.a.O. Einband.

sammensetzung verwalteten. Hauptaufgabe der Schattenlager war die Steuerung des Arbeitseinsatzes in enger Zusammenarbeit mit den zuständigen Arbeitsamtsverwaltungen, die allein darüber entschieden, wie viele Kriegsgefangene in welchem Betrieb arbeiteten. An den Standorten der Stalag-Kommandanturen entstanden lediglich kleinere Lager in vorhandenen Gebäuden – im Stalag IV G in Oshatz war es z. B. ein ehemaliges Spinnereigebäude. Daneben verwalteten die Schattenlager eine Reihe von Kriegsgefangenen-Krankenrevieren und –Reservelazaretten¹, so dass die medizinische Versorgung der Gefangenen in der Nähe ihrer Arbeitseinsatzorte sichergestellt werden konnte. Den Kommandanturen nachgeordnet hielten die jeweils einem Arbeitsamtsbezirk zugewiesenen Kontrolloffiziere, Kontakt zu den Arbeitgebern und Arbeitskommandos, die regelmäßig inspiziert wurden².

Da der Arbeitseinsatz von Kriegsgefangenen in großem Maßstab von Beginn an in der deutschen Kriegsplanung als Kompensation für zur Wehrmacht einberufene Arbeitskräfte geplant war, war die Kriegsgefangenenverwaltung der Wehrmacht bestrebt, so viele Gefangene als möglich den Arbeitsamtsverwaltungen im gesamten Reichsgebiet zur Verfügung zu stellen. Zu deren Aufgaben gehörte u. a. die Sicherstellung der laufenden karteimäßigen Erfassung der Gefangenen, die Meldung der Anzahl der für den Arbeitseinsatz zur Verfügung stehenden Gefangenen, die Zuweisung und Kontrolle von ausreichendem Wachpersonal in den Arbeitskommandos, die Ausbildung von Hilfswachmännern unter den Beschäftigten in den Betrieben, die Abrechnung der Lohnzahlungen für die Kriegsgefange-

---

¹ Krankenreviere dienten der kurzzeitigen medizinischen Versorgung und besaßen i. R. eine Kapazität bis zu 100 Betten, während für längere Behandlungen Kriegsgefangenen–Reservelazarette eingerichtet wurden, die i. R. 300 bis 500 Betten hatten.

² Zur Organisation des deutschen Kriegsgefangenenwesens vgl. Jens Nagel. Das Kriegsgefangenenwesen der deutschen Wehrmacht, in: Gedenkbuch Zeithain für sowjetische Kriegsgefangene, Bd. 1, Das Kriegsgefangenenlager Zeithain – Vom „Russenslager“ zur Gedenkstätte, Stiftung Sächsische Gedenkstätten (Hrsg.). Dresden, 2005. S. 28–41; Rüdiger Overmans. Die Kriegsgefangenenpolitik des Deutschen Reiches 1939 bis 1945, in: Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg, Bd. 9/2, Die Deutsche Kriegsgesellschaft 1939 bis 1945. Ausbeutung, Deutungen, Ausgrenzung. München, 2005. S. 738–742.

nenarbeit und die Erstattung der Kosten für die eingesetzten Wachsoldaten durch die Arbeitgeber.

Im Wehrkreis IV war das Stalag 304 (IV H) Zeithain neben dem nur wenige Kilometer entfernt gelegenen Stalag IV B Mühlberg das einzige Stammlager mit einem großen Barackenlager. Ihm war eine Doppelfunktion für die sowjetischen Kriegsgefangenen zugeordnet: zentrale Aufnahme und Registrierung neu eintreffender Transporte aus den besetzten Gebieten der Sowjetunion sowie Durchführung des Arbeitseinsatzes der gefangenen Rotarmisten („Russeneinsatz“). Dieses Konzept scheiterte jedoch bereits unmittelbar nach Ankunft des ersten Gefangenentransportes am 12. Juli 1941. Die Lagerverwaltung in Zeithain vermochte die an sie gestellten Anforderungen gar nicht oder nur teilweise zu erfüllen¹. Die Ursachen für dieses Versagen, dass auch bei den anderen „Russenslagern“ im Reichsgebiet sowie in den besetzten Gebieten vielfach zu beobachten ist, lag einerseits in dem völlig ungenügenden Ausbau der Lager, unzureichender Ressourcen- und Personalausstattung, aber auch in der mangelnden Erfahrung der Lagerleitungen, die zumeist aus reaktivierten ehemaligen Berufsoffizieren und Reserveoffizieren² – im Hauptberuf Zivilisten – älterer Jahrgänge bestanden³.

Als Konsequenz aus dieser Entwicklung nahm Stalag IV B Mühlberg bereits im Sommer 1941 sowjetische Kriegsgefangene in sehr großer Zahl auf⁴. Unmittelbar nach der Registrierung der Ge-

---

¹ Vgl. Jörg Osterloh. Ein ganz normales Lager. Das Kriegsgefangenen-Mannschaftsstelllager 304 (IV H) Zeithain bei Riesa/Sa., Schriftenreihe der Stiftung Sächsische Gedenkstätten. Bd. 2, 2. Auflage. Leipzig, 1997. S. 27–87.

² Die Masse der Offiziere des Stalag-Personals setzte sich aus älteren Jahrgängen zusammen und war um 1900 oder deutlich früher geboren. Gleiches galt auch für die Unteroffiziere und Mannschaften. Der zweite Kommandant des Stalag 304 (IV H) zwischen Mai 1941 und Januar 1942 war beispielsweise Jahrgang 1875. Vgl. Jens Nage/Jörg Osterloh. Wachmannschaften in Lagern für sowjetische Kriegsgefangene (1941–1945). Eine Annäherung, in: Christian Gerlach/Ahlfried Meyer (Hrsg.), Durchschnittstäter. Handeln und Motivation, Beiträge zur Geschichte des Nationalsozialismus. Bd. 16. Berlin, 2000. S. 73–93.

³ Vgl. unter anderem Karl Hüser/Reinhard Otto, Das Stammlager 326 (VI K) Senne, 1941–1945. Sowjetische Kriegsgefangene als Opfer des Nationalsozialistischen Weltanschauungskrieges. Bielefeld, 1992. S. 68–74.

⁴ Das Stalag IV B Mühlberg registrierte bis zum 22.08.1941 mehr als 23 000 Rotarmisten, das „Russenslager“ Stalag 304 (IV H) annähernd 16 000.

fangenen in Zeithain und Mühlberg wurden die Arbeitsfähigen in die erwähnten Schattenlager im Wehrkreis IV versetzt. Ausgenommen hiervon waren die Gefangenen, die für den Ausbau des Lagers in Zeithain benötigt wurden oder als arbeitsunfähig eingestuft wurden. Der Arbeitseinsatz der sowjetischen Kriegsgefangenen in Industrie und Landwirtschaft im Bereich des Wehrkreises IV wurde in der Folgezeit wie derjenige der Gefangenen anderer Nationalität zuvor durch die Schattenlager und in geringem Ausmaß vom Stalag IV B Mühlberg organisiert. Darüber hinaus kamen sowjetische Kriegsgefangene von Zeithain und Mühlberg aus in großer Zahl für den Arbeitseinsatz in Stalags in Bayern, wo sie ohne Verzögerung in den Arbeitseinsatz gelangten. Diese Entwicklung war typisch für das Kriegsgefangenenwesen innerhalb des deutschen Reichsgebietes im Spätsommer/Herbst 1941. Die Unterbringung der sowjetischen Kriegsgefangenen blieb nicht auf die „Russenslager“ beschränkt, sondern wurde auf die bereits bestehenden, 1939 und 1940 eingerichteten Kriegsgefangenenlager ausgedehnt. Infolge dessen waren sowjetische Kriegsgefangene Ende 1941 im gesamten Reichsgebiet eine alltägliche Erscheinung¹.

Das Stalag 304 (IV H) Zeithain fungierte innerhalb des Wehrkreises IV bis September 1942 neben dem benachbarten Stalag IV B Mühlberg ausschließlich als Aufnahme-, Registrierungs- und Verteilungslager sowie als Aufenthaltslager für längerfristig arbeitsunfähige und kranke sowjetische Kriegsgefangene. Im September 1942 verlor es seine Eigenständigkeit und wurde als Zweiglager mit der Bezeichnung Stalag IV B/Z dem Stalag IV B Mühlberg unterstellt. In den folgenden Monaten erfolgte sukzessiv die Umwandlung des gesamten Lagers in ein Lazarett für Kriegsgefangene. Ab dem 1. Februar 1943 führte Zeithain schließlich die Bezeichnung Kriegsgefangenen-Reservelazarett, blieb aber weiterhin dem Stalag IV B Mühlberg zugeordnet. Seine Kapazität wurde in einer Wehrmachtstatistik vom 1. Dezember 1944 mit 7 990 Betten angegeben. Es war bis Kriegsende mit Abstand das größte Lazarett für Kriegsgefangene im

---

¹ Am 01.10.1941 waren von 288 108 sowjetischen Kriegsgefangenen im Reichsgebiet 112 400 im Arbeitseinsatz, am 01.12.1941 222 850 von 349 767 und am 01.02.1942 368 032 von 671 341. Vgl. BA-MA, RW 6 v. 450 und 451.

Reichsgebiet¹. Mit dem veränderten Nutzungszweck des Lagers trat eine Zäsur in der Geschichte des Kriegsgefangenenlagers ein. Sie markiert das Ende der Periode des „Russenslagers“.

Für entkräftete und schwerkranke, sowjetische Gefangene aus dem gesamten Reichsgebiet wurde Zeithain zum zentralen Abschiebelager, insbesondere für Tuberkulosekranke. Die Sterblichkeit blieb sehr hoch und schwankte bis zur Befreiung des Lagers durch die Rote Armee am 23. April 1941 zwischen 10 und 20 Toten pro Tag. Insgesamt starben 25 000 bis 30 000 sowjetische Kriegsgefangene in Zeithain, die auf vier Friedhöfen bis heute ruhen. Hinzu kamen 873 Italiener, 44 Polen, 12 Serben und 4 Franzosen. Letztere wurden auf dem fünften Kriegsgefangenenfriedhof auf dem Truppenübungsplatz Zeithain, dem Italienischen Soldatenfriedhof Jacobsthal in Einzelgräbern bestattet².

Wenngleich es in den ersten 18 Monaten individuellen Widerstand einzelner Gefangener und kleinerer Gruppen in Zeithain gegeben hat, begann der organisierte Widerstand mit der Umwandlung in ein Kriegsgefangenen-Reservelazarett. Die Voraussetzungen für subversive Tätigkeiten waren für das Kriegsgefangene, die zum Wirtschafts- oder medizinischen Personal in Lazaretten und Krankenrevieren gehörten, erheblich günstiger als für die übrigen Gefangenen in den Stalags. Insbesondere bei den Ärzten kam es bis Ende 1944 relativ selten zu regelmäßigen Austauschaktionen und Versetzungen, wodurch es diesen möglich war, sich untereinander gut kennenzulernen und zu vertrauen. Durch die Fluktuation ankommender und abgehender Gefangener aus anderen Stalags und deren Arbeitskommandos war es ihnen zudem möglich Kontakte zu vertrauenswürdigen Gefangenen zu knüpfen, sodass ein Netzwerk aufgebaut

---

¹ Zur Entstehung des Kriegsgefangenen-Reservelazarett Zeithain vgl. Jörg Osterloh, a.a.O., S. 87–91 und Jens Nagel, Kriegsgefangenenlager Zeithain 1941 bis 1945, in: Gedenkbuch Zeithain für sowjetische Kriegsgefangene. Bd. 1. Das Kriegsgefangenenlager Zeithain – Vom „Russenslager“ zur Gedenkstätte, Stiftung Sächsische Gedenkstätten (Hrsg.). Dresden, 2005. S. 28–41.

² Dieser Friedhof ist während der Nutzung des Truppenübungsplatzes Zeithain durch die Westgruppe der sowjetischen Streitkräfte zerstört worden. Erst nach der deutschen Wiedervereinigung konnten 1991 849 Gebeine italienischer und 2004 44 polnischer sowie 12 serbischer Gefangener exhumiert umgebettet werden.

werden konnte¹. Vor allem in Lazaretten wie Zeithain bildeten sich demzufolge Widerstandsgruppen sowjetischer Kriegsgefangener, für deren Entstehung insbesondere dem medizinischen Personal eine wichtige Rolle zukam.

Ein weiterer Grund begünstigte zu Beginn des Jahres 1943 Versuche eine organisierte Widerstandsorganisation aufzubauen, die deutlich geringere Fluktuation unter den Gefangenen. Die Stalags waren geprägt vom ständigen An- und Abtransport von Gefangenen sowie deren Umverteilung zwischen den Arbeitskommandos, was es erheblich erschwerte, verlässliche persönliche Beziehungen untereinander aufzubauen. Da Zeithain als Lager für längerfristig nicht dienstfähige, d. h. arbeitsfähige Gefangene fungierte, blieben Gefangene über deutlich längere Zeiträume im Lager, die ggf. durch Manipulationen bei den medizinischen Befunden durch die Ärzte verlängert werden konnten. Der wenngleich verlangsamte, aber stetige Menschenstrom zwischen Lagern und Lazaretten begünstigte die Verbreitung von Nachrichten und den Aufbau regionaler Netzwerke. Bedingung für das Gelingen war die Mitarbeit des Pflegepersonals, vor allem der Ärzte.

Für die Entwicklung der Widerstandsorganisation in Zeithain war daneben von zentraler Bedeutung der Überlieferung zufolge der parteilose sowjetische Schriftsteller Stepan P. Zlobin. Er war Anfang August 1942 in das Lager aus Minsk kommend eingeliefert worden. Zu Beginn des Jahres 1943 kam es zunächst zu einigen propagandistischen Aktionen unter den Gefangenen. Die Formierung eines organisierten Widerstandes in Zeithain war nicht Sache Zlobins allein, aber seine Ankunft im Lager war möglicherweise der entscheidende Anstoß. Auf Betreiben Zlobins – über dessen entscheidende Rolle berichten alle ehemaligen Gefangenen übereinstimmend – wurde am 3. April 1943 eine Widerstandsgruppe ins Leben gerufen².

Diese formelle Gründung fiel in eine Zeit, in der sich das Verhalten der sowjetischen wie der übrigen Kriegsgefangenen allgemein zu ändern begann. Das Jahr 1943, beginnend mit der Niederlage der Wehrmacht in der Schlacht um Stalingrad, wurde generell zur Zäsur. Die Abwehroffiziere in den Stalags konnten jetzt verstärkt widersetz-

---

¹ Vgl. Karl Hüser/Reinhard Otto, a.a.O., S. 145.

² Vgl. Jörg Osterloh, a.a.O. S. 95–120.

liches Verhalten bei den Kriegsgefangenen feststellen¹. Die Tätigkeit der Zeithainer Widerstandsgruppe im Lazarett war somit kein Einzelfall, sondern hatte Parallelen in anderen Lagern. Ähnliches ist beispielsweise aus dem Stalag 326 (VI K) Senne und aus dem Stalag VI D Dortmund bekannt².

Literaturverzeichnis:

1. Aslanow A. Von der Wolga an die Ruhr. Begegnungen mit Deutschen in Krieg und Frieden. Köln, 1989.

2. Herbert U. Fremdarbeiter. Politik und Praxis des „Ausländer-Einsatzes“ in der Kriegswirtschaft des Deutschen Reiches. Berlin/Bonn, 1985.

3. Hüser K., Otto R. Das Stammlager 326 (VI K) Senne, 1941–1945. Sowjetische Kriegsgefangene als Opfer des Nationalsozialistischen Weltanschauungskrieges. Bielefeld, 1992.

4. Kilian A. Mühlberg 1939–1948. Ein Gefangenenlager mitten in Deutschland. Köln, 2001.

5. Keller R. Sowjetische Kriegsgefangene im Deutschen Reich 1941/42. Behandlung und Arbeitseinsatz zwischen Vernichtungspolitik und kriegswirtschaftlichen Zwängen. Göttingen, 2011.

6. Nagel J. Das Kriegsgefangenenwesen der deutschen Wehrmacht, in: Gedenkbuch Zeithain für sowjetische Kriegsgefangene. Bd. 1. Das Kriegsgefangenenlager Zeithain – Vom „Russenslager“ zur Gedenkstätte, Stiftung Sächsische Gedenkstätten (Hrsg.). Dresden, 2005.

7. Nagel J. Kriegsgefangenenlager Zeithain 1941 bis 1945, in: Gedenkbuch Zeithain für sowjetische Kriegsgefangene. Bd. 1. Das Kriegsgefangenenlager Zeithain – Vom „Russenslager“ zur Gedenkstätte, Stiftung Sächsische Gedenkstätten (Hrsg.). Dresden, 2005.

---

¹ Siehe hierzu die Berichte der Monate Februar bis Mai 1943. Amt Ausl./Abw., Kgf.-Post Monatsübersicht; BA-MA, RH 49/112. Ulrich Herbert, Fremdarbeiter. Politik und Praxis des „ausländer-Einsatzes“ in der Kriegswirtschaft des Deutschen Reiches, Berlin/Bonn, 1985. S. 316; bezeichnet die Niederlagen im Winter 1942/1943 mit dem Höhepunkt der Schlacht um Stalingrad als Ausgangspunkt für eine organisierte Widerstandstätigkeit.

² Zum Stalag 326 vgl. Karl Hüser/Reinhard Otto, a. a. O. S. 125–152, sowie für das Stalag VI D Anatolij Aslanow, Von der Wolga an die Ruhr. Begegnungen mit Deutschen in Krieg und Frieden. Köln, 1989.

8. Nagel J., Osterloh J. Wachmannschaften in Lagern für sowjetische Kriegsgefangene (1941–1945). Eine Annäherung, in: Christian Gerlach/Ahlich Meyer (Hrsg.), Durchschnittstäter. Handeln und Motivation, Beiträge zur Geschichte des Nationalsozialismus. Bd. 16. Berlin, 2000.

9. Osterloh J. Ein ganz normales Lager. Das Kriegsgefangenen-Mannschaftsstammlager 304 (IV H) Zeithain bei Riesa/Sa., Schriftenreihe der Stiftung Sächsische Gedenkstätten. Bd. 2, 2. Auflage. Leipzig, 1997.

10. Overmans R. Die Kriegsgefangenenpolitik des Deutschen Reiches 1939 bis 1945, in: Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 9/2, Die Deutsche Kriegsgesellschaft 1939 bis 1945. Ausbeutung, Deutungen, Ausgrenzung. München, 2005.

Аблажей Н. Н., Новосибирск

АРМЯНСКИЕ «ЛЕГИОНЕРЫ» В ДЕПОРТАЦИИ 1949 Г.

Аннотация: Статья посвящена теме использования ссылки в отдаленные районы СССР как вида наказания для лиц, обвиненных в коллаборационизме. На примере лиц армянской национальности, обвиненных в службе в армянских легионах Вермахта и отправленных на поселение, показываемся суммарная численность «коллаборационистов» в составе разных категорий ссылных второй половины 1940-х гг. По результатам анализа базы данных на лиц, высланных из Армении в ходе июньской депортации 1949 г., делается вывод, что доля «легионеров» с членами семей приближалась к 30 % от общей численности данной категории репрессированных.

Ключевые слова: депортация, коллаборационисты, армяне, «легионеры».

Тема коллаборационизма периода Второй мировой войны в историографии изучается преимущественно в контексте тематики плена и репатриации советских военнопленных и остербайтеров. В СССР лица, обвиненные в коллаборационизме,

подверглись репрессиям. Специалисты до сих пор не могут назвать точную численность привлеченных к ответственности за коллаборационизм. Считается, что таковых приблизительно миллион. С клеймом «власовцы», «легионеры», «националисты», «полицейские» и прочие «пособники оккупантов», обвиненные в коллаборационизме прошли не только через лагеря, но и ссылку. Мы не ставим перед собой целью выявить общую численность и удельный вес таких лиц в структуре всех послевоенных контингентов ссыльных, но попытаемся на примере отдельно взятой депортации 1949 г., специально не нацеленной на «изъятие» этого контингента, показать численность лиц, прошедших плен, среди депортированных.

Первые массовые обвинения в коллаборационизме в годы Великой Отечественной войны власть предъявила отдельным народам, проводя в 1943–1944 гг. депортации «возмездия». После войны необходимость принудительных переселений аргументировалась не только ускоренной советизацией и «борьбой» с националистическим подпольем, но и периодическими «зачистками» лиц, якобы «запятнавших себя сотрудничеством с оккупантами». В 1944 г. появилась даже новая категория спецпоселенцев – «немецкие пособники», к таковым, однако, были отнесены выселенные из курортных городов Ставропольского края члены семей арестованных. Фактически к «немецким пособникам» были отнесены все высланные в 1944 г. из Крыма. Например, в постановлении ГКО № 5984сс, подписанному Сталиным, 37 000 болгар, греков и армян были названы «немецкими пособниками» и высланы навечно. В крымскую высылку июня 1944 г. попало и 9621 армян¹. Армянский контингент из Крыма расселили преимущественно в Свердловской, Молотовской и Кемеровской областях, а также в Башкирской АССР.

Коллаборационистов массово выявляли в ходе фильтрации. Процедура специальной государственной проверки – фильтрация – широко практиковалась уже с начала 1920-х гг. В СССР обязательному учету и проверке подлежали все военнопленные и гражданские, прибывавшие по репатриации или

---

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 179. Л. 227.

в порядке интернирования, равно как и лица, легально приехавшие в страну на ПМЖ, а также перебежчики. В годы Великой отечественной войны и первые послевоенные годы процедуру фильтрации обязательно проходили все советские граждане, побывавшие в плену, окружении или находившиеся какое-то время на оккупированных территориях; проверке подлежали также иностранцы и лица без гражданства. Спецпроверку начинали в специальных лагерях и пересылочных пунктах в зонах советской оккупации или на прифронтовой территории, затем продолжали в лагерях в отдаленных районах СССР. Завершали работу по фильтрации территориальные органы НКВД/МВД.

Согласно инструкциям о проведении фильтрации, отправке на спецпоселение могли быть подвергнуты остарбайтеры, лица, проживавшие на оккупированных территориях и подозреваемые в сотрудничестве с оккупационными властями. «Ссылку в отдаленные районы страны», как вид наказания, вскоре распространили также на рядовой состав участников национальных формирований, в том числе Русской освободительной армии (РОА) и восточных легионов. По итогам вторичной фильтрации стали широко практиковать высылку на принудительные работы в отдаленные районы страны на шесть лет, включая военнослужащих, чье поведение в плену не вызывало подозрений. Фактически это означало приравнивание лиц, «побывавших в плену», к коллаборационистам.

С апреля 1946 г. МВД СССР начало массово переводить военнопленных, прошедших через рабочие батальоны и лагеря МВД и «переселенных в отдаленные районы», в категории ссыльных – «власовцев»¹. Вплоть до 1951 г. этот контингент систематически пополнялся. На начало октября 1949 г. на учете состояло 13 2718 «власовцев»², на начало 1951 г. – 13 8460 чел.³ «Власовцев» разместили в Таджикской ССР, Коми и Якутской

---

¹ Подробнее см.: Аблажей Н. Н., Маркдорф Н. М. «Власовцы» на спецпоселении в СССР // Миграционные последствия Второй мировой войны: депортации в СССР и странах Восточной Европы: сборник статей. Вып. 2 / Отв. ред. Аблажей Н. Н., Блюм А. Новосибирск: Изд-во «Наука», 2013. С. 123–134.

² ГАРФ. Ф. Р–9479. Оп. 1. Д. 372. Л. 146.

³ ГАРФ. Ф. Р–9479. Оп. 1. Д. 597. Л. 239.

АССР, Красноярском крае, Тюменской, Пермской, Иркутской, Кемеровской и Магаданской областях.

В составе «власовского» контингента на начало 1949 г. числилось 3 678 армян, что составляло около 3 % от численности¹. Начиная с 1947 г. контингент отправленных в ссылку «власовцев» (точнее армянских «легионеров») исправно пополнялся в основном за счет усилий МВД Армянской ССР. Согласно данным Отдела спецпоселений МВД СССР, в 1948–1950 гг. в пяти республиках, среди которых была Армения, было сформировано и отправлено в места ссылки 28 «власовских» эшелонов. Для тех, кого перевели на поселение в 1946–1947 гг., срок ссылки формально истек в начале 1950-х гг., что повлекло лишь условное освобождение – в 1952 г. эту категорию принудительно перевели в «постоянные кадры» для промышленности.

Контингент «армянских легионеров» значительно пополнила высылка 14.06.1949 г., проведенная на территории Армении, Грузии, Азербайджана и Краснодарского края. Данная депортационная кампания состояла из трех депортационных операций: «греческой», «дашнакской» и «турецкой». По ее итогам в Сибирь и Казахстан было выслано 57 500 чел. С одной стороны, можно утверждать, что имело место этническое выселение, в которое попали представители греческой (43 %), армянской (30 %) и ряда других национальностей; с другой стороны, использование универсальной мотивировки – «политически неблагонадежный элемент» – позволило объединить в составе трех «этнических» контингентов очень разные категории репрессированных населения – иноподданные и бывшие иноподданные, добровольно въехавшие в СССР иммигранты и советские военнопленные. В итоге депортация 1949 г. стала операцией, соединившей элементы операций по «зачисткам приграничья» второй половины 1930-х гг. и депортаций «возмездия» периода войны.

Решения «О выселении дашнаков, проживающих в Армянской и Азербайджанской ССР» и «О выселении турецких граждан, проживающих на Черноморском побережье и в Закавказье»

---

¹ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 572. Л. 99.

казье» Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило 04.04.1949 г.¹; 11 апреля санкционировало выселение «дашнаков, проживающих в Грузинской ССР; 17 апреля аналогичное решение принимается относительно судьбы греков. 28.05.1949 г. министр Министерства государственной безопасности (МГБ) Абакумов подписал приказ № 00183 «О выселении турецких граждан, турок, не имеющих гражданства, бывших турецких граждан, принятых в советское гражданство, греческих подданных, бывших греческих подданных, не имеющих в настоящее время гражданства, и бывших греческих подданных, принятых в советское гражданство, и дашнаков с семьями, с территории ГССР, АрмССР, АзССР и Черноморского побережья». 29.05.1949 г. Сталин как глава Совета министров СССР подписал постановление с грифом «Особо секретно» за № 2214–856сс «Об обеспечении перевозок, расселения и трудового устройства выселенцев с территории Грузинской, Армянской и Азербайджанской ССР, а также побережья Черного моря». Обратим внимание на тот факт, что во всех этих документах об отправке на поселение лиц, побывавших в плену, речь не шла. Более того, согласно ведомственным инструкциям высылке не подлежали граждане, «принимавшие активное участие в защите Родины в дни Отечественной войны с оружием в руках, в рядах Советской Армии и партизанских отрядах, а также находящиеся на службе в Советской Армии, либо награжденные орденами». Пока трудно сказать, по чьей инициативе проводилась массовая высылка «легионеров» – центрального аппарата МГБ или на уровне Армянской ССР.

Детальное изучение депортации 14.06.1949 г. позволяет утверждать, что среди высланных оказалось значительным число лиц, побывавших в плену; они отправились в ссылку как «легионеры» или «члены семьи легионера». Общее количество высланных с территории Армении было установлено после обработки материалов учетного делопроизводства МГБ Армянской ССР (дел на выселение) и составлении базы данных (БД) на высланных. В ходе работы по реализации российско-армянского проекта удалось обработать материалы 2 754 учетных дел на

---

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 40. Л. 140–141, 144.

выселение, сохранившихся в Национальном архиве Армении¹. Согласно полученным данным, из Армении выслали 2 682 семьи, или 12 457 чел., из них 12 272 чел. были выслали 14 июня, остальных выслали 16 сентября. Всех «дашнаков», как предписывало постановление правительства, отправили в Алтайский край. Количественная информация о масштабах высылки из республики приведена только в отчете МВД Армянской ССР за 3-й квартал 1949 г. На основании этого отчета следует, что из республики 14 июня 1949 г. было выслано 11 561 чел.², что меньше, чем в БД.

Установлено, что треть высланных из Армении – 852 семьи (31,8 %) были записаны в «дашнаки», поскольку были «участниками армянского легиона немецкой армии» или «членами семьи участника армянского легиона немецкой армии». Вплоть до сентября 1954 г. – начала работы специальной комиссии Прокуратуры–МВД–КГБ Армянской ССР по освобождению заключенных и ссыльных, факт высылки «легионеров» в 1949 г. в составе категории «дашнаки» не актуализировался. За время работы этой комиссии было установлено, что в ссылке в июне 1949 г. было отправлено 2 698 семей, в том числе 1 860 семей «дашнаков» и 888 «легионеров». Эта цифра на 36 семей расходится с количеством семей «легионеров», проходящим по БД. Материалы БД на семьи «легионеров» дают суммарную численность в 3 637 чел., что составляет 29 % от общего числа высланных. При этом в коллективной памяти жителей Армении высылка 1949 г. – это, прежде всего, кампания против бывших пленных. День выселения – 14 июня – стал печальной памятной датой, с 2006 г. он отмечается в Армении как День памяти жертв политических репрессий.

17.09.1955 г. Президиум Верховного совета СССР принял указ «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны». В ноябре

---

¹ Работа по составлению БД на материалах Национального архива Республики Армения (НА РА) проведена под руководством Г. С. Харатян. БД дополнена и проверена по материалам электронной картотеки ИЦ МВД (работа проведена под руководством Н. Н. Аблажей).

² НА РА. Ф. 116. Оп. 6. Д. 53. Л. 5–7.

того же года секретарь ЦК КП Армении С. А. Товмасян подал записку в Секретариат ЦК КПСС «о нарушениях законности, допущенных при выселении «дашнаков» из Армянской ССР». 19 ноября 1955 г. в соответствии с поручением Секретариата ЦК руководители заинтересованных силовых ведомств: Р. А. Руденко, К. П. Горшенин, С. Н. Круглов, К. Ф. Лунев, подтвердили, что в рамках кампании по выселению 1949–1950 гг. из Армянской, Азербайджанской и Грузинской ССР и Краснодарского края была проведена высылка «легионеров», хотя таковая не предусматривалась «соответствующими постановлениями»¹. Было рекомендовано в соответствии с Указом Президиума ВС СССР от 17.09.1955 г. направить в адрес МВД Казахской ССР и УМВД Алтайского края предписания, в соответствии с которыми лиц, выселенных в 1949–1950 гг. из Армянской, Азербайджанской и Грузинской ССР за службу в национальных легионах немецкой армии и членов их семей следовало снять с учета как спецпоселенцев и освободить из-под административного надзора органов МВД.

Необходимо отметить, что в развитие Указа Президиум ВС СССР от 17 сентября 1955 г. МВД РСФСР выпустило общее указания № 110 сс от 21.11.1955 г., где в списках на освобождение указывались также и «легионеры». В свою очередь УМВД по Алтайскому краю приняло 30.11.1955 г. решение № 39 сс об освобождении некоторых категорий спецпоселенцев, среди которых значились и «выселенные в 1949–1950 гг. из Армянской, Азербайджанской и Грузинской ССР и Краснодарского края за службу в национальных легионах немецкой армии и члены их семей»².

Для большинства высланных в июне 1949 г. ссылка продлилась 6–7 лет. Динамика освобождения показывает, что 12 глав семей были освобождены ОСО при МГБ СССР, из которых 10 – уже в 1952 г. Массовый пересмотр дел «легионеров» начался после Указа Президиума Верховного Совета СССР от 17.09.1955 г. 397 семей «легионеров» освободили в 1955 г., еще 80 семей – в первой половине 1956 г. В качестве основания для освобождения у большинства указана «ам-

---

¹ ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2 Д. 467. Л. 129–130.

² Информационный центр Министерства внутренних дел по Алтайскому краю (ИЦ МВД) по АК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 92. Л. 108.

нистия». Согласно данным базы данных, в отношении 488 семей решение об освобождении принимал Верховный Суд СССР, 76 семей получили свободу решением Комиссией Прокуратуры–МВД–КГБ Армянской ССР, остальные – по распоряжению МВД.

Принятие Указа Президиум Верховного совета от 17.09.1955 г. способствовало массовому освобождению из ссылки лиц, обвиненных в коллаборационизме, в том числе прошедших плен. Однако широко практиковавшаяся процедура «внесудебного освобождения» из ссылки, Указом Президиума ВС СССР от 17.09.1955 г. приравненная к «амнистии», не предполагала автоматической реабилитации. Решения о реабилитации, в том числе в отношении «легионеров», принимались позднее Верховным судом Армянской ССР. Необходимо отметить, что в случае освобождения со спецпоселения Верховными судами решение Особого совещания при МГБ СССР отменялось, что де-юре является реабилитацией. Еще одним основанием к реабилитации является Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16.01.1989 г. Однако процесс реабилитации ссыльных так и остался незавершенным. В России реабилитация «власовцев» началась только со второй половины 2000-х гг. и этот вопрос до сих пор является крайне болезненным для российского общества.

Литература:

1. Аблажей Н. Н., Маркдорф Н. М. «Власовцы» на спецпоселении в СССР // Миграционные последствия Второй мировой войны: депортации в СССР и странах Восточной Европы: сборник статей. Вып. 2 / Отв. ред. Аблажей Н. Н., Блюм А. Новосибирск: Изд-во «Наука», 2013.

Ablazhey N. N., Nowosibirsk

ARMENISCHE „LEGIONÄRE“ UND DEPORTATIONEN IM JAHR 1949

Abstract: Der Beitrag ist der Nutzung von Verbannung in abgelegte Gebiete der UdSSR als eine Form der Bestrafung für Perso-

nen gewidmet, die der Kollaboration beschuldigt wurden. Am Beispiel von Personen armenischer Nationalität, die wegen des Dienstes in den armenischen Legionen der Wehrmacht angeklagt und zwangsumgesiedelt wurden, wird die gesamte Anzahl der „Kollaborateure“ im Bestand der diversen Kategorien der Deportierten in der zweiten Hälfte der 1940er Jahre aufgezeigt. Auf Grundlage der Analyse des Datenbestandes über diejenigen Personen, die während der Deportation im Juni 1949 aus Armenien verbannt wurden, wird das Fazit gezogen, dass der Anteil der „Legionäre“ samt Familienmitglieder an der Gesamtanzahl dieser Kategorie der Deportierten annähernd 30 % betrug.

Schlüsselwörter: Deportation, Kollaborateure, Armenier, „Legionäre“.

In der Historiographie werden Kollaborationen während des Zweiten Weltkrieges vorwiegend im Kontext der Gefangenschaft und Repatriierung der sowjetischen Kriegsgefangenen und der Ostarbeiter thematisiert. In der UdSSR wurden die Personen, die wegen Kollaboration angeklagt wurden, Repressalien unterzogen. Die Fachhistoriker können bis heute nicht die genaue Anzahl der Personen angeben, die wegen Kollaboration zur Verantwortung gezogen wurden. Man nimmt an, dass es ca. eine Million Menschen waren. Mit dem Brandmal „Wlassowarmisten“, „Legionäre“, „Nationalisten“, „Polizisten“ und andere „Nebentäter der Okkupanten“ durchliefen die der Kollaboration Angeklagten nicht nur Lager, sondern auch die Verbannung. Wir verfolgen nicht das Ziel, die gesamte Anzahl und den prozentualen Anteil dieser Personen an den Deportationen der Nachkriegszeit festzustellen. Wir versuchen aber am Beispiel einer einzelnen Deportation von 1949, die nicht speziell auf Personen dieser Kategorie abzielte, die Anzahl der Kriegsgefangenen unter den Deportierten zu zeigen.

Erstmals in großer Zahl erfolgten massenhafte Anschuldigungen gegen einzelne Völker wegen Kollaboration in den Jahren des Großen Vaterländischen Krieges, als 1943-1944 die „Vergeltungsdeportationen“ durchgeführt wurden. Nach dem Krieg wurde die Notwendigkeit von zwangsweisen Deportationen nicht nur mit der beschleunigten Sowjetisierung und dem „Kampf“ gegen den nationalistischen Untergrund, sondern auch mit der Notwendigkeit einer er-

neuten „Säuberung“ der Personen, die sich angeblich „durch Kollaborationen mit den Okkupanten befleckten“ begründet. Im Jahr 1944 erschien sogar als neue Kategorie der Sondersiedler, die der „deutschen Nebentäter“, zu denen die aus den Kurorten des Stawropolsker Kreises ausgesiedelten Angehörigen der Familien der Verhafteten zugeordnet wurden. De facto wurde den „deutschen Nebentätern“ jeder zugeordnet, der 1944 aus der Krim verbannt wurde. So wurden zum Beispiel in der Verordnung des GKO Nr. 5984ss, die von Stalin unterzeichnet wurde, 37.000 Bulgaren, Griechen und Armenier als „deutsche Nebentäter“ bezeichnet und lebenslanglich verbannt. Zu den Deportierten, die im Jahr 1944 aus der Krim ausgesiedelt wurden, gehörten auch 9.621 Armenier¹. Das armenische Kontingent aus der Krim wurde vorwiegend in den Gebieten Swerdlowsk, Molotow, und Kemerowo, sowie in der Baschkirischen ASSR angesiedelt.

Durch die Filtration wurde eine sehr große Zahl von Kollaborateuren entlarvt. Filtration als Verfahren der speziellen staatlichen Kontrolle wurde schon seit Anfang der 1920er Jahre breit praktiziert. In der UdSSR unterlagen alle Kriegsgefangenen und Zivilisten, die im Rahmen der Repatriierung oder Internierung ins Land kamen, Personen, die legal ins Land einreisten und einen ständigen Wohnsitz anstrebten, sowie Überläufer der obligatorischen Registrierung und Überprüfung. In den Jahren des Großen Vaterländischen Krieges und in den ersten Nachkriegsjahren sollten alle Sowjetbürger, die in der Gefangenschaft oder Einkesselung waren, oder sich einige Zeit auf den okkupierten Territorien befunden hatten, die Filtration durchlaufen. Der Überprüfung unterlagen auch Ausländer und Personen ohne Staatsangehörigkeit. Die Sonderüberprüfung begann in den Sonderlagern und Durchgangspunkten in den sowjetischen Besatzungszonen oder in den frontnahen Gebieten und ging in den Lagern in den entfernten Gebieten der UdSSR weiter. Anschließend führten die lokalen Organe des NKWD/des Innenministeriums die Filtrationsarbeit fort.

Gemäß der Richtlinien über die Durchführung der Filtration konnten sowohl Ostarbeiter als auch Personen, die auf den okkupierten Territorien lebten oder die der Kollaboration mit Besatzungs-

---

¹ Staatsarchiv der Russischen Föderation (GARF). F. 9479. Op. 1. D. 179. L. 227.

mächten verdächtigt wurden, zwangsweise umgesiedelt werden. Die „Verbannung in die abgelegten Gebiete des Landes“ als eine Art der Bestrafung wurde bald auch auf die Angehörigen der nationalen Ergänzungstruppen der Wehrmacht ausgedehnt, einschließlich der Russischen Befreiungsarmee (der ROA) und der Ostlegionen. Man begann damit, im Zuge der breit angelegten sekundären Filtration Urteile auf Verbannung zur Zwangsarbeit in abgelegene Gebiete des Landes für sechs Jahre zu verhängen, auch für Armeeangehörige, deren Verhalten in der Gefangenschaft keinen Verdacht erregte. De facto bedeutete das die Gleichstellung der Personen, die „in Gefangenschaft gewesen waren“ mit Kollaborateuren.

Ab April 1946 begann das Innenministerium der UdSSR, die Kriegsgefangenen, die Arbeitsbataillone und Lager des Innenministeriums durchlaufen hatten, und die „in die abgelegten Gebiete umgesiedelten“ Personen der Kategorie der deportierten „Wlassow-Armeeangehörigen“ zuzuordnen¹. Bis zum Jahr 1949 wurde dieses Kontingent systematisch nachgefüllt. Anfang 1949 wurden 132 718 „Wlassow-Armeeangehörige“ registriert², zum Anfang 1951 – 138 460³. „Wlassow-Armisten“ wurden in der Tadschikischen SSR, in der Republik Komi und Jakutischen SSR, im Karsnojarsker Kreis, in den Gebieten von Tumjen, Perm, Irkutsk, Kemerowo, und Magadan angesiedelt.

Das Wlassow-Kontingent zählte Anfang 1949 3 678 Armenier. Das machte 3 % der gesamten Anzahl aus⁴. Seit 1947 wurde das Kontingent der „Wlassow-Armeeangehörigen“ (genauer: der armenischen Legionäre), die verbannt wurden, hauptsächlich dank der Bemühungen des Innenministeriums der Armenischen SSR exakt nachgefüllt. Den Angaben der Abteilung für Sondersiedlungen des Innenministeriums der UdSSR zufolge wurden in den Jahren 1948–1950 in fünf Republiken, darunter auch in Armenien, insgesamt

---

¹ Vgl. dazu auch: Аблажей Н. Н., Маркдорф Н. М. «Власовцы» на спецпоселении в СССР // Миграционные последствия Второй мировой войны: депортации в СССР и странах Восточной Европы: сборник статей. Вып. 2 / Отв. ред. Аблажей Н. Н., Блюм А. Новосибирск: Изд-во «Наука», 2013. С. 123–134.

² GARF. F. P-9479. Op. 1. D. 372. L. 146.

³ GARF F. P-9479. Op. 1. D. 597. L. 239.

⁴ GARF. F. P-9479. Op. 1. D. 572. L. 99.

28 Militärzüge mit Wlassow-Armeeangehörigen zusammengefasst und in die Umsiedlungsorte transportiert. Für diejenigen, die in den Jahren 1946-1947 in die Kategorie der zwangsweisen Ansiedlung versetzt wurden, sollte die formale Frist der Verbannung Anfang der 1950-er Jahre abgelaufen sein. Danach folgte aber nur bedingt eine Entlassung, 1952 wurde dieses Kontingent zwangsweise in die „festen Kader“ der Industrie übergeben.

Das Kontingent der „armenischen Legionäre“ hat die Deportation vom 14.06.1949, die auf den Territorien von Armenien, Georgien, Aserbaidschan und im Krasnodarsker Kreis durchgeführt wurde, wesentlich bestimmt. Diese Deportation bestand aus drei Operationen: aus den „griechischen“, „daschnakser“ und „türkischer“ Deportationen. In Rahmen dieser Deportation wurden 57 500 Menschen nach Sibirien und Kasachstan verbannt. Einerseits kann man behaupten, dass es eine ethnische Deportation war, von der auch die Angehörigen der griechischen (43 %), armenischen (30 %) und einer Reihe anderer Nationalitäten betroffen waren. Andererseits macht es die Verwendung der universellen Formulierung „politisch illoyales Element“ möglich, im Bestand der drei „ethnischen“ Kontingente sehr verschiedene Kategorien der den Repressalien unterworfenen Bevölkerung zusammenzufassen: Bürger mit ausländischer Staatsangehörigkeit und Bürger, die früher eine andere Staatsangehörigkeit hatten, die Immigranten, die freiwillig in die UdSSR eingereist waren und sowjetische Kriegsgefangene. Im Ergebnis wurde die Deportation von 1949 zu einer Operation, die Elemente der Operationen aus der zweiten Hälfte der 1930er Jahre zur „Säuberung“ der grenznahen Territorien und der Deportationen der „Vergeltung“ während des Krieges in sich vereinigte.

Die Entscheidungen „Über die Aussiedlung von Daschnaken, die in den Armenischen und Aserbaidschanischen SSR wohnen“ und „Über die Aussiedlung der Bürger der Türkei, die an der Schwarzmeerküste und im Transkaukasien wohnen“ bestätigte das Politbüro des Zentralkomitees der WKP(B) am 04.04.1949¹; am 11. April wurde die Aussiedlung der «Daschnaken, die in der Georgischen SSR wohnen“ gebilligt; am 17. April wurde eine entsprechende Entscheidung bezüglich des

---

¹ Staatliches Archiv Russlands für sozial-politische Geschichte (RGASPI). F. 17. Op. 162. D. 40. L. 140–141, 144.

Schicksals der Griechen getroffen. Am 28.05.1949 unterzeichnete der Minister des Ministeriums der staatlichen Sicherheit (im Folgenden: MGB) Abakumow den Befehl Nr. 00183 „Über die Aussiedlung der Bürger der Türkei, der Türken ohne Staatsangehörigkeit, der ehemaligen Bürger der Türkei, denen die sowjetische Staatsangehörigkeit zugesprochen wurde, der Bürger Griechenlands, der ehemaligen Bürger Griechenlands, die zur Zeit keine Staatsangehörigkeit haben, und der ehemaligen Bürger Griechenlands, denen die sowjetische Staatsangehörigkeit zugesprochen wurde, sowie der Daschnaken mit Familien aus den Territorien der Georgischen SSR, der Armenischen SSR, der Aserbaidschianischen SSR und aus dem Schwarzmeergebiet“. Am 29.05.1949 unterzeichnete Stalin als Oberhaupt des Ministerrates der UdSSR die Verordnung unter der Geheimhaltungsstufe „Streng geheim“ Nr. 2214-856ss „Über die Gewährleistung des Transports, der Verteilung und der Arbeitsvermittlung der Aussiedler aus den Territorien der Georgischen SSR, der Armenischen SSR, der Aserbaidschianischen SSR und aus dem Schwarzmeergebiet“. Es ist zu beachten, dass es in all diesen Dokumenten nicht um die Verbannung von Personen, die in Gefangenschaft waren, ging. Den amtlichen Richtlinien zufolge unterlagen ferner die Bürger nicht der Verbannung, die „während des Großen Vaterländischen Krieges aktiv mit Waffen in den Händen an der Verteidigung der Heimat teilgenommen hatten, in der Reihen der Sowjetarmee und Partisanentruppen gedient haben, die zur Zeit im Armeedienst sind oder mit Medaillen oder Orden ausgezeichnet sind“. Es ist schwer zu sagen, auf wessen Initiative die massenhafte Deportation der „Legionäre“ durchgeführt wurde, ob durch den Zentralapparat des MGB oder durch die Armenische SSR.

Die detaillierte Untersuchung der Deportation vom 14.06.1949 lässt behaupten, dass sich unter den Deportierten eine wesentliche Anzahl von Menschen befand, die in Gefangenschaft waren. Sie wurden entweder als „Legionäre“ oder als „Familienangehörige der Legionäre“ verbannt. Sämtliche Deportierte aus Armenien wurden nach Bearbeitung der Materialien der Registrationsakten des Sicherheitsministeriums der Armenischen SSR (Akten zur Deportation) und nach Anlegung einer Datenbank zu Deportierten erfasst. Im Laufe der Realisierung des gemeinsamen russisch-armenischen Projektes gelingt es, 2.754 Registrationsakten zur Deportation zu bearbeiten,

die im Nationalen Archiv Armeniens erhalten geblieben sind¹. Diesen Angaben zufolge wurden aus Armenien 2 682 Familien oder 12 457 Menschen deportiert, 12 272 Menschen wurden am 14. Juni und die übrigen am 16. Juni ausgesiedelt. Alle „Daschnaken“ wurden, wie es die Verordnung der Regierung vorschrieb, in die Altai-Region geschickt. Die quantitativen Informationen über die Maßstäbe dieser Deportation aus der Republik sind nur im Bericht des Sicherheitsministeriums der Armenischen SSR für das 3. Quartal 1949 verzeichnet. Aus diesem Bericht folgt, dass am 14. Juni 1949 aus der Republik 11 561 Menschen deportiert wurden, weniger, als in der Datenbank verzeichnet.

Es ist erwiesen, dass ein Drittel der Deportierten aus Armenien – 852 Familien (31,8 %) den „Daschnaken“ zugeordnet wurden, weil sie „Teilnehmer der armenischen Legion der Wehrmacht“ oder „Familienangehörige eines Teilnehmers der armenischen Legion der Wehrmacht“ waren. Bis zum September 1954, als eine Spezialkommission der Staatsanwalt, des Innenministeriums und des Sicherheitskomitee der Armenischen SSR für die Entlassung der Inhaftierten und Deportierten ihre Arbeit aufnahm, wurde der Fakt der Verbannung der „Legionäre“ im Bestand der Kategorie „Daschnaken“ im Jahr 1949 nicht aktualisiert. Während der Arbeit dieser Kommission wurde festgestellt, dass im Juni 1949 insgesamt 2 698 Familien deportiert worden waren, darunter 1 860 Familien von „Daschnaken“ und 888 von „Legionären“. Diese Anzahl geht um 36 Familien mit der Anzahl der Familien der „Legionäre“ in der Datenbank auseinander. Die Materialien der Datenbank geben für die Familien der „Legionäre“ die Gesamtanzahl von 3 637 Menschen wieder, was 29 % von der Gesamtanzahl der Deportierten ausmacht. Die Deportation von 1949 ist in kollektiver Erinnerung der Armenier geblieben, vor allem als Kampagne gegen die ehemaligen Kriegsgefangenen. Der Tag der Aussiedlung – der 14. Juni – ist ein trauriges Gedenkdatum geworden. Seit 2006 wird in Arme-

---

¹ Die Erstellung der Datenbank auf Grundlage von Materialien des Nationalen Archivs der Republik Armenien wurde unter Leitung von G. S. Charatjan durchgeführt. Ergänzt und kontrolliert wurde die Datenbank mit Materialien der E-Kartothek des Infozentrums des Innenministeriums (unter Leitung von N. N. Ablazhey).

nien an diesem Tag als Tag der Erinnerung der Opfer der politischen Repressalien gedacht.

Am 17.09.1955 verabschiedete das Präsidium des Obersten Rates der UdSSR den Erlass „Über die Amnestie der Sowjetbürger, die während des Großen Vaterländischen Krieges mit Okkupanten kollaborierten“. Im November desselben Jahres übergab der Sekretär des Zentralkomitees der kommunistischen Partei Armeniens S. A. Towmasjan ein Berichtsschreiben „über die Gesetzesverletzung, die bei der Aussiedlung der „Daschnaken“ aus der Armenischen SSR zugelassen wurde“ an die Sekretariat des ZK der KP der Sowjetunion. Im Einvernehmen mit ihrer Beauftragung durch das Sekretariat der ZK bestätigten am 19. November 1955 die leitenden Angestellten der interessierten Organe der Staatsgewalt R. A. Rudenko, K. P. Gorschenin, S. N. Kruglow, K. F. Lunew, dass im Rahmen der Maßnahmen von 1949-1950 zur Aussiedlung aus der Armenischen SSR, der Aserbaidschanischen SSR und der Georgischen SSR, sowie aus dem Krasnodarsker Kreis die Umsiedlung der „Legionäre“ durchgeführt wurde, obwohl dieses nicht in „entsprechenden Verordnungen“ vorgesehen worden war¹. Es wurde empfohlen gemäß Erlass des Präsidiums des Obersten Rates der UdSSR vom 17.09.1955 ans Innenministerium der Kasachischen SSR und an die Verwaltung des Innenministeriums des Altaischen Kreises eine Anweisung zu richten, laut der die Personen, die 1949-1950 aus der Armenischen SSR, der Aserbaidschanischen SSR und der Georgischen SSR wegen des Dienstes in den nationalen Legionen der Wehrmacht ausgesiedelt wurden, als Sonderansiedler ausgeschrieben und aus der Aufsicht der Verwaltungsorgane des Innenministeriums entlassen werden sollten, ebenso ihre Familienangehörigen

Das Innenministerium der RSFSR gab zur Erweiterung des Erlasses des Präsidiums des Obersten Rates der UdSSR vom 17. September 1955 den allgemeinen Hinweis Nr. 110ss vom 21.11.1955 heraus, wo in den Listen zur Entlassung auch die „Legionäre“ aufgeführt wurden. Die Verwaltung des Innenministeriums im Altaischen Kreis traf ihrerseits am 30.11.1955 die Entscheidung Nr. 39ss über die Entlassung einiger Kategorien der Sonderansiedler, darunter auch die Personen, „die 1949-1950 aus der Armenischen SSR, der Aserbaidschanischen SSR und der Georgi-

---

¹ GARF. F. R-9401. Op. 2. D. 467. L. 129–130.

schen SSR und aus dem Krasnodarsker Kreis wegen des Dienstes in den nationalen Legionen der Wehrmacht ausgesiedelt wurden, und auch ihre Familienangehörigen“¹.

Für die Mehrheit der 1949 Deportierten dauerte die Verbannung ca. sechs bis sieben Jahre. Die Dynamik der Entlassung zeigt, dass zwölf Familienoberhäupter anlässlich der Sondertagung des Staatssicherheitsministeriums der UdSSR entlassen wurden, darunter zehn schon im Jahr 1952. Die Massenhafte Restitution der Akten der „Legionäre“ begann nach dem Erlass des Präsidiums des Obersten Rates der UdSSR vom 17.09.1955. 397 Familien der „Legionäre“ wurden 1955 entlassen, weitere 80 Familien in der ersten Jahreshälfte 1956. Als Grund für ihre Entlassung wurde bei den meisten „Amnestie“ angegeben. Laut der Datenbank wurde die Entscheidung über die Entlassung von 488 Familien vom Obersten Gericht der UdSSR getroffen, 76 Familien wurden durch die Entscheidung der gemeinsamen Kommission der Staatsanwaltschaft, des Innenministeriums und des Sicherheitskomitees der Armenischen SSR entlassen, die übrigen Familien durch Direktive des Innenministeriums.

Der Erlass des Präsidiums des Obersten Rates der UdSSR vom 17.09.1955 initiierte die groß angelegte Entlassung aus der Verbannung von Personen, die der Kollaborationen beschuldigt wurden, auch derjenigen, die in Gefangenschaft waren. Aber das breit praktizierte Verfahren der „außergerichtlichen Entlassung“ aus der Verbannung, das durch den Erlass des Präsidiums des Obersten Rates der UdSSR vom 17.09.1955 der „Amnestie“ gleich gestellt wurde, sah nicht ihre automatische Rehabilitierung vor. Die Entscheidungen über die Rehabilitierung, auch bezüglich der „Legionäre“, wurden später vom Obersten Gericht der Armenischen SSR getroffen. Im Fall der Entlassung aus der Sonderansiedlung durch die Obersten Gerichtsinstanzen der Republiken der UdSSR wurde die Entscheidung der Sondertagung bei MGB der UdSSR aufgehoben, was de jure eine Rehabilitierung bedeutete. Eine Grundlage für die Rehabilitierung ist der Erlass des Präsidiums des Obersten Rates der UdSSR vom 16.01.1989. Aber der Prozess der Rehabilitierung der Deportierten bleibt unvollendet. Die Rehabilitierung der Wlassow-

---

¹ Das Informationszentrum des Innenministeriums im Kreis Altai, IZ MVD AK. F. 4. Op. 1. D. 92. L. 108.

Armeeingehörigen ist in Russland erst ab der zweiten Hälfte der 2000er Jahre begonnen worden und diese Frage bleibt für die russische Gesellschaft bis heute äußerst schmerzvoll.

Literaturverzeichnis:

1. Аблажей Н. Н., Маркдорф Н. М. «Власовцы» на спецпоселении в СССР // Миграционные последствия Второй мировой войны: депортации в СССР и странах Восточной Европы: сборник статей. Вып. 2 / Отв. ред. Аблажей Н. Н., Блюм А. Новосибирск: Изд-во «Наука», 2013.

УЧАСТНИКИ КОНФЕРЕНЦИИ

Аблажей Наталья Николаевна, доктор исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, Новосибирск. E-mail: ablazhey@academ.org

Арзамаскин Юрий Николаевич, доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник, Военный университет Министерства обороны РФ, Москва. E-mail: jura.arz@bk.ru

Биссманн Даниэль, доктор истории, научный сотрудник, Германский исторический институт, Берлин, Германия. E-mail: Daniel.Bissmann@web.de

Винкель Хайке, доктор филологии, Народный Союз Германии по уходу за военными могилами, Берлин. E-mail: heike.winkel@volksbund.de

Ганценмюллер Анита, доктор истории, Фонд мемориальных комплексов Бухенвальд и Миттельбау-Дора, Веймар. E-mail: aproeger@buchenwald.de

Герман Аркадий Адольфович, доктор исторических наук, профессор Саратовский национальный исследовательский государственный университет, Саратов. E-mail: aa.german@mail.ru

Зонер Ясмин, мастер гуманитарных наук, научный сотрудник, Гейдельбергский университет имени Карла Рупрехта, Гейдельберг. E-mail: jasmin.soehner@zegk.uni-heidelberg.de

Келлер Рольф, доктор истории, Фонд Саксонские мемориалы, Целле. E-mail: Rolf.Keller@stiftung-ng.de

Ландау Юлия, доктор истории, Фонд мемориалов Бухенвальд и Миттельбау-Дора, Веймар. E-mail: jlandau@buchenwald.de

Маркдорф Наталья Михайловна, доктор исторических наук, профессор, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск. E-mail: natalia@markdorf.ru

Нагель Йенс, магистр гуманитарных наук, Мемориал «Эренхайн Цайтхайн», Цайтхайн. E-mail: Jens.nagel@stsg.de

Паскевичян Тигран Эдуардович, студия «Версус», руководитель проектов, Ереван. E-mail: paskevichyan@gmail.com

Ребичек Иммо, доктор истории, научный сотрудник, Гисенский университет им. Юстуса Либиха, Гисен. E-mail: Immo.Rebitschek@geschichte.uni-giessen.de

Романько Олег Валентинович, доктор исторических наук, профессор Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь. E-mail: romanko1976@mail.ru

Стратиевский Дмитрий, доктор истории, Германский исторический институт в Москве, Берлин. E-mail: stratievski@gmx.de

Фарамазян Сатеник Андраниковна, студия «Версус», директор, продюсер, Ереван. E-mail: satfaram@gmail.com

Хильгер Андреас, доктор истории, руководитель проекта «Советские и немецкие военнопленные Второй мировой войны», Германский исторический институт в Москве, Гамбург. E-mail: dr.andreas.hilger@gmx.de

Царуски Юрген, доктор истории, научный сотрудник, Институт Новейшей Истории, Мюнхен. E-mail: zarusky@ifz-muenchen.de

Чернобай Ольга Леонидовна, кандидат исторических наук, доцент, начальник отдела комплектования ведомственных архивов и делопроизводства ГКУ НСО «Государственный архив Новосибирской области», Новосибирск. E-mail: ivsv@nso.ru

KONFERENZTEILNEHMENDE

Dr. Ablashej, Natalja Nikolaewna, Institut für Geschichte der Sibirischen Abteilung der Russischen Akademie der Wissenschaften. E-mail: ablazhey@academ.org

Prof. Dr. Arsamaskin, Jurij Nikolajewitsch, Militäruniversität des Verteidigungsministeriums der Russischen Föderation, Moskau. E-mail: jura.arz@bk.ru

Dr. phil. Bißmann, Daniel, Deutsches Historisches Institut, Berlin. E-mail: Daniel.Bissmann@web.de

Faramasjan, Satenik Andranikowna, Studio Versus, Geschäftsführerin, Jerewan. E-mail: satfaram@gmail.com

Dr. Ganzenmüller, Anita, Stiftung Gedenkstätten Buchenwald und Mittelbau-Dora, Weimar. E-mail: aproeger@buchenwald.de

Prof. Dr. German, Arkadij Adolfowitsch, Nationale Staatliche Forschungsuniversität Saratow. E-mail: aa.german@mail.ru

PD Dr. Hilger, Andreas, Leiter des Projekts „Sowjetische und deutsche Kriegsgefangene im Zweiten Weltkrieg“, Deutsches Historisches Institut Moskau, Hamburg. E-mail: dr.andreas.hilger@gmx.de

Dr. Keller, Rolf, Stiftung Niedersächsische Gedenkstätten, Celle. E-mail: Rolf.Keller@stiftung-ng.de

Dr. Landau, Julia, Stiftung Gedenkstätten Buchenwald und Mittelbau-Dora, Weimar. E-mail: jlandau@buchenwald.de

Prof. Dr. Markdorf, Natalja Michajlowna, Staatliche Pädagogische Universität Novosibirsk. E-mail: natalia@markdorf.ru

Nagel, Jens, Gedenkstätte Ehrenhain Zeithain. E-mail: Jens.nagel@stsg.de

Paskewitschjan, Tigran Eduardowitsch, Studio Versus, Projektleiter, Jerewan. E-mail: paskevichyan@gmail.com

Dr. Rebitschek, Immo, Justus-Liebig-Universität Gießen. E-mail: Immo.Rebitschek@geschichte.uni-giessen.de

Prof. Dr. Romanko, Oleg Walentinowitsch, V.I. Wernadskij Föderale Universität auf der Krim, Simferopol. E-mail: romanko1976@mail.ru

Söhner, Jasmin, Ruprecht-Karls-Universität Heidelberg. E-mail: jasmin.soehner@zegk.uni-heidelberg.de

Dr. Stratiewski, Dmitri, Deutsches Historisches Institut Moskau, Berlin. E-mail: stratiewski@gmx.de

Dr. Tschernobaj, Olga Leonidowna, Leiterin der Akquise- und Archivabteilung des Staatsarchivs des Oblast Nowosibirsk. E-mail: ivsv@nso.ru

Dr. Winkel, Heike, Volksbund Deutsche Kriegsgräberfürsorge, Berlin. E-mail: heike.winkel@volksbund.de

Dr. Zarusky, Jürgen, Institut für Zeitgeschichte in München. E-mail: ivsv@nso.ru

ОГЛАВЛЕНИЕ INHALT

Предисловие.....	6
Vorwort.....	8
Формы и различные аспекты коллаборационизма в плену	
Formen und Aspekte der Kollaboration in Gefangenschaft	
<i>Арзамаскин Ю. Н.</i> Идеиные борцы или предатели? «Советский коллаборационизм» в годы Великой Отечественной войны.....	12
<i>Arzamaskin J. N.</i> Ideologische Kämpfer oder Verräter? «Sowjetische Kollaboration» in den Jahren des Grossen Vaterländischen Krieges.....	25
<i>Романько О. В.</i> Проблема военного коллаборационизма на страницах газеты «Голос Крыма».....	32
<i>Romanko O. W.</i> Das Thema der Kriegskollaboration in der Zeitung „Golos Krima“ (Die Stimme der Krim).....	41
<i>Биссмани Д.</i> Операция «Цеппелин»: Советские военнопленные и сотрудники службы безопасности (СД)...	51
<i>Bißmann D.</i> Sowjetische Kriegsgefangene und deutsche SD im "Unternehmen Zeppelin".....	57
ЛЮДИ И СУДЬБЫ	
MENSCHEN UND SCHICKSALE	
<i>Ландау Ю.</i> Советские военнопленные в Бухенвальде: судьбы и воспоминания.....	64
<i>Landau J.</i> Sowjetische Kriegsgefangene in Buchenwald: Schicksale und Erinnerungen.....	79
<i>Ганценмюллер А.</i> Сопротивление советских заключенных в концентрационном лагере Бухенвальд.....	93
<i>Ganzentmüller A.</i> Widerstand sowjetischer Häftlinge im Konzentrationslager Buchenwald.....	104
<i>Чернобай О. Л.</i> Новосибирцы – участники восстания в Бухенвальде.....	115
<i>Tschernobay O. L.</i> Sowjetische Kriegsgefangene aus Nowosibirsk in Buchenwald: aus den Beständen des GANO (Staatsarchiv des Oblast Nowosibirsk).....	121

Репатриация, проблемы фильтрации.

Судебное преследование в СССР

Repatriierung, Filtration. Strafverfolgung in der UdSSR

<i>Герман А. А.</i> Проверочно-фильтрационные лагеря как главный элемент механизма репатриации советских военнопленных и других граждан (середина и конец 1940-х гг.)	128
<i>German A. A.</i> Überprüfungfiltrationslager als Hauptelement des Mechanismus der Repatriierung sowjetischer Kriegsgefangener und anderer Bürger (Mitte und Ende 1940-er Jahren).....	138
<i>Ребищек И.</i> Уголовное преследование и пост-сталинская ревизия дел «изменников Родине».....	148
<i>Rebitschek I.</i> Strafverfolgung und post-stalinistische Revisionen.....	154
<i>Маркдорф Н. М.</i> «Власовцы» в лагерях и на спецпоселении в Сибири: люди и судьбы.....	160
<i>Markdorf N. M.</i> Angehörige der „Wlassow-Armee“ in Lagern und Sondersiedlungen in Sibirien: Menschen und Schicksale ...	168
<i>Зонер Я.</i> Бывшие советские военнопленные в роли свидетелей на судебных процессах над нацистскими преступниками в ФРГ.....	177
<i>Söhner J.</i> Ehemalige sowjetische Kriegsgefangene im Westdeutschen Zeugenstand.....	182

Сопротивление и выживание в плену

Widerstand und Überleben in Gefangenschaft

<i>Келлер Р.</i> Советские военнопленные и их стратегии выживания.....	187
<i>Keller R.</i> Sowjetische Kriegsgefangene und ihre Überlebensstrategien.....	190
<i>Нагель Й.</i> Сопротивление советских военнопленных в лагере Цайтхайн (1941–1945).....	192
<i>Nagel J.</i> Widerstand im Kriegsgefangenenlager Zeithain 1941 bis 1945.....	202
<i>Аблажей Н. Н.</i> Армянские «легионеры» в депортации 1949 г....	211
<i>Ablashej N. N.</i> Armenische „Legionäre“ und Deportationen im Jahr 1949.....	218
Участники конференции.....	228
Konferenzteilnehmende.....	229

Для заметок:

Научное издание
Wissenschaftliche Publikation

СОВЕТСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ. СОПРОТИВЛЕНИЕ.
КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ. ПАМЯТЬ: Материалы Международной
научной конференции (21–24 октября 2018 г., Новосибирск, Россия).

Под редакцией: Натальи Михайловны Маркдорф, Хайке Винкель,
Андреаса Хильгера, Дмитрия Стратиевского

Перевод: Андрея Ивановича Савина,
Натальи Владимировны Гоппе

В авторской редакции

SOWJETISCHE KRIEGSGEFANGENE. WIDERSTAND.
KOLLABORATION. ERINNERUNG: Internationale wissenschaftliche
Konferenz (21. – 24. Oktober 2018, Nowosibirsk, Russland).

Redaktion: Natalja Markdorf, Heike Winkel, Andreas Hilger,
Dmitri Stratievski

Подписано к печати 16.10.2018. Формат бумаги 60x84/16.
Печать RISO. Усл.-печ.л. 13,72. Уч.-изд.л 14,13.
Тираж 80 экз. Заказ № 920. Бумага офсетная.

Отпечатано
в ООО «Немо Пресс», 630001, г. Новосибирск,
ул. Дуси Ковальчук, 1, оф. 202
Тел.: (383) 292-12-68
e-mail: info@menopress.ru
www.печатаем-цвет.рф